

Лана Ежова

Избранная Луной

Пролог

Андрей подвел меня к одинокому дереву и нарочито нежно погладил по щеке:

– У тебя четверть часа на принятие решения. Потом заявятся другие претенденты, но и тогда я буду первым. – Он мерзко усмехнулся. – И у тебя еще останется шанс одуматься и согласиться стать моей женой. Но если же пойдешь до конца, – его лицо исказила жестокая гримаса, – ты мне будешь не нужна, я не собираюсь сражаться за шлюху. И ты выйдешь за того, кто больше всего тебя пожелает, но в любом случае ты останешься в стае. Уяснила?

В глазах молодого вервольфа плескалось безумие. Как же я раньше не замечала, что он болен?..

Распущенные волосы зашевелились на моей голове потревоженными змеями.

– Уяснила? – повторил Андрей злобно.

Я быстро-быстро закивала.

Он уходил неохотно, оглядываясь. Ожидал, что у меня сдадут нервы?

– Забыл предупредить. – Оборотень остановился у края поляны. – Если попытаешься сбежать, начнется охота. И тогда кто первым догонит, тот и получит приз. Я не прочь посоревноваться, так что можешь побегать, куколка.

Какой добрый совет, учитывая то, что волки – прирожденные преследователи и охота – их любимое занятие!

– Думай, время пошло.

Когда Андрей нырнул в орешник, принялась лихорадочно просчитывать свои действия. Убегать точно не буду – нельзя будить охотничьи инстинкты. Соглашаться сразу на замужество тоже не стоит, когда есть хотя бы крохотный шанс на спасение.

Способность превращаться и руки мне сковали, но рот-то не заткнули! А значит, можно сразиться словом, точнее песней. Я спою колыбельную, вдруг ментальный дар усилит ее и «женихи» успокоятся?

Вой... Протяжный, торжествующий... Я содрогнулась, когда он донесся из темноты леса. Почти без паузы раздался второй – надрывно, с вызовом. За ним – третий. Пару тягостных секунд спустя – еще один.

Я напряженно вслушивалась в тишину, сердце гулко билось в груди. Больше никто не заявил о намерении вступить в бой за «невесту».

Четыре претендента? А не много ли для одной? Древний закон не учитывает, что после «пробы» девушка просто не выживет? Или раз веры быстро регенерируют, то и снесут все?!

Приступ панической атаки сопровождался удушьем. Сердце едва не выскочило наружу через рот, когда на поляну выбежал поджарый волчара. Нас разделало с десятков метров – как раз на парочку прыжков для него.

Зверь не стал приближаться. Контуры его тела подернулись дымкой изменения, и вскоре на траве стоял Андрей. Обнаженный. Обычно оборотни носят амулеты, создающие иллюзию одежды, но, видать, у этого они были не в почете.

Когда из орешника выплыл еще один волк, черный, моего локтя осторожно коснулись.

– Тихо, Миа... – услышала я знакомый голос. – Не кричи.

Я испытала два чувства сразу: радость от того, что он пришел за мной, горечь – что может погибнуть из-за меня же.

Тряхнув волосами, закрыла ими лицо.

– Алекс, что ты здесь делаешь?

– Тебя спасаю. Можешь не шептать – нас не слышно, но они могут прочесть по твоим губам.

– «Полог безмолвия»? – спросила я, хотя это и так было понятно, раз ни я, ни другие оборотни его не учули.

– Да, «Полог безмолвия», «невидимость» для меня и амулет перемещений для тебя, – быстро

перечислил маг. – Амулет ты сейчас возьмешь и сожмешь в кулаке – он перенесет тебя прямиком в спальню, в мой дом...

– А тебя? – перебила я нетерпеливо.

– А я останусь и оторву извращенцам хвосты... и не только.

Ох как много он слышал? Судя по звенящей в голосе ярости, достаточно.

Третий претендент в мужья появился на поляне и, разумеется, тоже голый. Решили дружно показаться потенциальной возлюбленной во всей красе? Или у этой стаи считается дурным тоном использовать иллюзию одежды? Мол, чего нам стесняться, даже если рядом чужаки?..

– Алекс, веров здесь много!

– Успокойся, я справлюсь.

Даже самый крутой маг может не выстоять против десятка разозленных оборотней. Вдобавок Алекс не боевик, хоть и умеет создавать «Око Перуна».

– Нет, я уйду только вместе с тобой! – заявила решительно.

– Не дури, Миа! Амулет временно разряжен, может перенести только одного, – возразил он.

– Тогда я останусь. И это ты дурак, потому что у тебя дочь!

– Я не собираюсь умирать и вернуться к ней вместе с тобой.

– Ты не понимаешь! – Я не сдержала стон отчаяния. – Здесь почти вся стая, свободные волки уж точно бегают неподалеку. Выйти против них сравнимо с подвигом!

На что Алекс тихо произнес:

– Ради любимой женщины стоит совершать подвиги.

В такие минуты не лгут. В моей душе все перевернулось после этих слов. Признание... я его тайно ждала, надеялась, что мои чувства взаимны.

– Миа, возьми. – Пользуясь моим замешательством, невидимый маг всунул в руку кругляш.

Тот слегка нагрелся... и я отшвырнула его в траву.

– Почему ты такая безрассудная?! – рассердился Алекс. – Ладно, что-нибудь еще придумаю.

С тихим шорохом с моих рук рыжей пылью ржавчины осыпались наручники. Мой спаситель деактивировал маскировочные амулеты и встал рядом. Недобро сверкающие глаза, плотно сжатые губы, сам весь в черном – футболка, джинсы, кроссовки, – он выглядел как демон мщения.

Сложно разобраться, какое из испытываемых чувств сейчас было сильнее: восторг или страх. В какой-то миг захотелось остановить время, чтобы побыть с мужчиной, который своим поступком показал истинное отношение ко мне, как можно дольше.

И память исполнила желание – вернула в прошлое, подкинув воспоминания о событиях, с которых начался перелом в моей судьбе.

Глава 1

Маг-отшельник

Забавно наблюдать за официантками, увлеченно гадающими, что такое с посетительницей. Недоумение понятно – на их глазах я прикончила четвертую тарелку блинчиков с творогом, а порции в придорожном кафе, где часто останавливаются дальнбойщики, солидные. А если еще учесть, что я хрупкого телосложения, невзирая на зверский аппетит, то ситуация и вовсе странная.

– Отвечаю тебе, она булимичка, сейчас доест и пойдет в туалет пальцы в рот совать, – тоном эксперта заявила короткостриженная шатенка.

Ее напарница затрясла головой – десятки золотистых косичек весело забили по плечам:

– У булимичек лица несчастные, а эта постоянно улыбается.

Слушая спор стоящих у барной стойки девушек, трудно сдерживать улыбку. Им-то невдомек, что слух у меня волчий в буквальном смысле слова.

– У тебя настроение скачет: то хмуришься, то улыбаешься. – Ладонь сидящего напротив мужчины ненавязчиво накрыла мою руку. – Ты в порядке?

– Да, Ник Никович, все хорошо. Это девушки виноваты – продолжают обсуждать мой аппетит.

Он кивнул и вернулся к просмотру сообщений в своем телефоне. Вечно занятый, контролирующий близких, родовитый маг с огромным резервом, куратор юных одаренных при обычном университете – все это о Николаеве Николае Николаевиче.

– Мария, что-нибудь еще заказать?

Я бы не отказалась от парочки пирожных, но под такие разговоры они застрянут в горле – официантки смешат своими рассуждениями.

– Только кофе со сливками.

– Двойной? – уточнил зачем-то Николаев, прекрасно зная, что я люблю большие чашки.

Кивнув, прислушалась к спору девушек.

– А я готова поклясться, что у нее внутри кто-то завелся... – Блондинка не договорила, заметив, что мой спутник поднял руку, подзывая ее.

С приветливой улыбкой на милом лице она подошла к нашему столику, чтобы принять заказ Николаева.

– Двойной эспрессо со сливками, мокко и плитку черного шоколада с орехами.

– Что-нибудь еще? – улыбнулась официантка, пожирая его глазами.

А посмотреть было на что: Николаев не игнорировал, в отличие от многих магов, походы в спортзал. И лавандовая рубашка-поло с белыми брюками ладно сидели на его хорошо развитом теле.

Мой университетский куратор всегда нравился женщинам, и их подчеркнутое внимание, подозреваю, давно его не волновало. К тому же он предпочитал близкое общение с теми, кто «в теме», то есть в курсе, что бок о бок с людьми сосуществуют маги, оборотни, вампиры и другие полуночники.

– Еще счет, пожалуйста.

Блондинка, поскуцнев, вернулась к барной стойке. До этого молчаливо слушавший спор официанток бариста принял у нее наш заказ и выдал:

– А я думаю, что она оборотень.

Я чуть воздухом не поперхнулась. Девушки же рассмеялись.

– Артем, опять фэнтези перечитал? – издевательски поинтересовалась шатенка. – Взрослый, а все в сказки веришь!

Поднятый на смех парень пожал плечами:

– Некоторые сказки – реальные истории, обросшие волшебными подробностями.

– ...сказал студент-историк, работающий с точными датами и фактами, – с сарказмом произнесла официантка с косичками.

– Милая моя, ты разве не знала? История – одна большая сказка, которую каждый сказочник, что пришел к власти, рассказывает по-своему.

– А как же факты, которые упрямая вещь?

– Каком сверху, – отрезал бариста. – Все можно перевернуть вверх тормашками и показать в выгодном для себя свете.

Молодые люди углубились в почти философский диспут, забыв о странной посетительнице, и я спокойно принялась за эспрессо, когда его принесли.

Глядя на заказанную мягкую шоколадку, маг хмыкнул:

– М-да, сервис тут на уровне.

И протянул руку над плиткой, по которой вскоре поползла изморозь. Когда шоколадка затвердела, разломал и, сняв обертку, предложил половину мне.

– Спасибо, я сыта.

Чтобы быстрее восстанавливались силы, маги едят сладкое, даже если его не любят. И раньше бы я согласилась, но не теперь, когда поменялись вкусовые пристрастия.

Взглянув на дисплей телефона, Николаев тихо сообщил:

– Пора.

Покидать уютное кафе немного страшно – впереди неизвестность, а я так устала от неопределенности и нестабильности своего положения невольной скитальцы. Но что делать, если самая комфортная клетка хуже, чем жизнь в бегах.

– Если боишься, можешь пожить у Петровой, она будет рада.

Представив себя рядом с девушкой – ходячим несчастьем, я по-настоящему испугалась:

– Нет, только не Анжелика!

– Хорошо, тогда остается один вариант – Вольский. Мария, не переживай, он хоть и нелюдимый отшельник, но всегда готов помочь тем, кто попал в беду. А уж с его дочерью, уверен, ты найдешь общий язык.

– Я постараюсь, – пообещала твердо и попросила: – Начинайте называть меня Миаминой или хотя бы Мией, а то забудетесь и в присутствии встречающего произнесете мое настоящее имя.

Николаев недолюбливал прозвища, особенно то, которое прилипло к нему по моей милости. Видать, рука у меня легкая – его стали называть Ником Никовичем не только студенты, но и знакомые, и ему пришлось привыкнуть.

– Я заберу тебя дней через десять, – повторил он едва ли не в сотый раз. – Подыщу тебе новое убежище, а Вольский как раз решит свои проблемы.

Порывистый ветер трепал подол моего сарафана. Мы остановились возле «крайслера» Николаева, припаркованного неподалеку от автобусной остановки. На условленное место пока никто не явился, но мой спутник не нервничал – значит, мы пришли раньше.

– Миа, пожалуйста, будь осторожна, – вдруг обеспокоенно попросил куратор и отвел от моего лица прядь волос.

Он стоял непривычно близко, с тревогой глядя мне в глаза. Подруга еще в университете говорила, что для Николаева я больше, чем подопечная. Но сложно поверить ревнивице, которая сама без ума от преподавателя и выкрикивает обвинения в запале ссоры.

– Я постараюсь, Ник Никович, специально лезть никуда не буду.

Маг нахмурился. Исковерканное имя-отчество действовало на него, как ведро холодной воды.

– Да у тебя все косяки получаются не специально, – вздохнул Николаев и сделал шаг назад.

На «косяки» можно и обидеться: я поняла, на что маг намекает, – на мое обращение. А я бы не назвала его косяком, оно – горе всей моей жизни, событие, которое перечеркнуло все мечты

молодой и перспективной магички.

Развить тему и занудно в тысячный раз рассказать, какой преступно неосторожной я была, Николаев не успел. За мной приехали.

Из черного джипа вышел стройный молодой человек. Сняв солнцезащитные очки, он искренне улыбнулся:

– Доброе утро! Рад снова с вами встретиться, Ник.

– Доброе утро. Миа, познакомься, это Василий. Василий, это Миамина.

Вольский самолично за гостей не явился, отправил одного шофера. Впрочем, я бы на его месте тоже не поехала после магического выгорания.

– Будем знакомы, – широко улыбнулась парню, а он почему-то слегка побледнел.

– Приятно познакомиться, Миамина. – И поинтересовался у мага: – Мы можем ехать?

– Разумеется.

Мужчины перенесли мои вещи из багажника машины Николаева в автомобиль Василия.

– Удачи, Миа, – пожелал куратор. – Звони мне каждый вечер.

– Хорошо, и вы держите меня в курсе.

Попрощавшись, поспешила к внедорожнику, намереваясь сесть рядом с водителем.

Но Вася быстро и чересчур угодливо открыл дверь, молча предлагая сесть на заднее сиденье. Что ж, хозяин, в данном случае возница, – барин. Куда указал, туда и присяду.

Только устроившись с комфортом в кожаном салоне, я поняла, насколько сильно переживала о том, чтобы все прошло хорошо...

Поздним утром черный джип вез меня подальше от одержимого преследователя, в защищенное тихое место, где я смогу хоть немного расслабиться. Шум большого города, постоянные оглядывания, бессонница остались позади. За окном мелькали пасторальные пейзажи: села, утопающие в зеленых, несмотря на жару, садах, луга с лениво пасущимися козами и коровами, бесконечные поля подсолнуха и пшеницы. Благодарь!

Разве что дрожащий шофер портил добродушное настроение. Он вел авто, вцепившись в руль побелевшими пальцами. Лицо утратило живые краски, и небольшие веснушки на носу казались брызгами грязи. Запах его страха заполнял салон, ударяя по моему чувствительному обонянию увесистой кувалдой, и открытое окно ситуацию не спасало.

Беспокоясь, что в конечном итоге мы угодим в аварию, я решила избавить молодого человека от нервозности. Убедившись, что ни впереди, ни позади машин нет, приступила к выполнению задуманного.

Резко наклонившись вперед, клацнула зубами. Прямо возле его уха.

Василий, по-девичьи взвизгнув, чуть нас не угробил. Вжал педаль в пол – и джип рвануло по пустой дороге. К счастью, водителем он оказался хорошим. Немного совладав с эмоциями, съехал на обочину и, выскочив из машины, закричал:

– Идиотка! Дура!

Сейчас он готов был меня убить, полностью освободившись от страха.

– Обычно я не кусаюсь, Вася, – сообщила я ему доверительно и подмигнула: – Только если попросят.

– Оборотниха чертова! – сплюнул он. – А если бы мы перевернулись?!

– Ну извини за шутку, я не знала, что у тебя слабые нервы, все же на колдуна работаешь. Не подумала...

– Не подумала она! Шутница!

Ворча, Вася вернулся к своим обязанностям, больше не косясь на меня. Поругавшись еще с полчаса, он полностью оттаял, став тем, кем был, – веселым парнем. Тактика «испугай, а потом возмути» сработала. Правда, она имела серьезные погрешности, которые в итоге могли привести к печальному результату: серебру в сердце неосторожного вервольфа. Но рискнуть порой стоит.

Как-то незаметно завязался разговор. Нет, с Васей внезапно не подружилась, зато о Вольском узнала намного больше, чем от куратора, который иногда бессовестно скуп на информацию. Он даже не заикнулся, что маг специализируется на снятии проклятий с предметов и мест.

Когда въехали в деревеньку, на противоположной стороне которой находился коттедж Вольского, в полной мере осознала происходящее. Я буду работать на мага! В жизни не подумала бы, что после случившегося кто-то пожелает иметь со мной дело, притом – представить только! – предложит должность няни.

Вследствие определенных событий я поставила крест на педагогической карьере. Не потому, что мне не нравится работать с детьми. Нравится. К сожалению, я априори не нравлюсь их родителям. Ведь какой колдун захочет, чтобы его драгоценную кроху обучал оборотень? Правильно, никакой. Пускай Совет магов, Ложа вампиров и Круг вервольфов между собой договорились о терпимости и дружбе, не все полуночники доверяют учителям, перекидывающимся в зверей. Поэтому конец моего педагогического пути был бы печален – восемь серебряных пуль в сердце и откромсанная топором голова... Именно так пару лет назад расправился колдун с историком своей дочери просто потому, что решил, будто тот мечтает обратить понравившуюся выпускницу.

Ладно, я сама недавно думала, что работа в школе – не для эмоциональных веров. Вдруг судьба и наказала за это? Потенциально сильная магичка-боевик, гордость Совета магов своего города, стала оборотнем. Грустно...

Хотя нужно было не отбрасывать подобный вариант развития событий, а морально готовиться к нему. Ведь мой отец – вервольф, я вообще могла родиться такой, как он. Но, к тихой радости мамы, обошлось. Оказалось, расслабилась она рано. Меня обратили, а если точнее, на сленге веров, то «вернули».

Не все полуночники знают, что оборотни бывают не только рожденными или обращенными посредством укуса, а и возвращенными. Случается, оборотень решает создать семью с обычным человеком или магом, которого не желает делать себе подобным. И если не находит понимания у вожака и старейшин, то покидает стаю, напрочь вычеркивая ее из своей жизни.

Стая же о своих не забывает никогда.

Она следит за одиночкой, и когда у него рождаются дети не вервольфы, насильно заражает их вирусом. Расчет прост: потомки оборотней стопроцентно выживают при обращении. А это важно, ведь вервольфов, особенно женщин, не так много, как хотелось бы вожакам.

Я до конца жизни буду помнить отчаяние мамы, когда по телефону сообщила ей, что меня укусили. Отец договорился с Владленом Булатовым, своим бывшим вожаком, что меня не тронут, не приняв во внимание очевидный факт – есть еще и другие стаи, у которых тоже мало самок и совсем нет совести, поэтому они плюют на чужие договоры. Удивление, неверие и гнев – столько эмоций испытала тогда бедная женщина, давшая мне жизнь.

Нарушить данное себе обещание и стать няней меня вынудили обстоятельства и куратор. Ник Никович заявил, что в «конспиративном» доме колдуна никто меня не найдет и я спокойно проведу дней десять в обществе очаровательной малышки – приблизительно столько понадобится ее отцу, чтобы решить свои проблемы.

Но во всем, естественно, есть подвох. За комфорт я должна буду отплатить не только присмотром за ребенком, но и его охраной. Так что в случае опасности я перекинусь и защищу девочку. Но молю провидение, чтобы этого не случилось: обратили меня недавно и учусь быть вервольфом я без наставника, по обрывочным сведениям, известным всем полуночникам, и, стыдно признаться... по фильмам. Отец мог бы всему научить, и, думаю, с превеликим удовольствием, но я не дала ему этой возможности.

Поэтому лучше бы не возникали опасные ситуации – из меня та еще защитница.

Что может угрожать ребенку мага? Да много чего, если его отец в данный момент бессилен. Пока не пройдет магическое истощение. Для всех, кто обладает даром, остаться на время без силы – ночной кошмар. Особенно страшно, если есть близкие, которых нужно защищать. Как бывшая магичка я прекрасно понимала желание Вольского обезопасить дочь любой ценой. Это обстоятельство и сыграло решающую роль – я согласилась стать временной няней и телохранительницей в одном лице.

Джип медленно проехал через поселок по центральной заасфальтированной дороге. На пути порой попадались неожиданные препятствия – детишки с футбольным мячом, шумная стая гусей, свободно бегающие козлята. Я невольно отметила, что у водителя немалый опыт по обхождению этих преград.

– А вот и дом Вольских, – с неким благоговением в голосе произнес Василий.

Я чуть не присвистнула – на окраине поселка, почти у самого леса, стоял красивый двухэтажный коттедж. Стены цвета чая со сливками, темно-зеленая черепица, большие окна. Дом был окружен высоким сплошным забором из дикого камня. Колдун любит уединение? Замечательно. В последнее время я тоже.

Внедорожник замедлился возле кованых ворот, которые являли собой настоящее произведение искусства: металлическое кружево из листьев и распускающихся бутонов. Водитель не сообщил о приезде – нас впустили почти без заминки, что говорило о наличии видеонаблюдения, а еще о том, что поправлять бретели бюстгалтера можно только в своей комнате.

Пока джип подъезжал к дому, я немного рассмотрела, что находилось во дворе. Со стороны фасада претенциозно зеленели строгие лужайки, фигурно подстриженные туи, словно выровненные под линейку кипарисы и еще какой-то кустарник, призванный изображать живой лабиринт. Из-за дома виднелись кусочек пруда и старый, с гигантскими грецкими орехами сад.

Солидно, немного пафосно, но в целом гармонично. Сразу видно, что домом и подворьем занимались не хозяева, а хороший дизайнер.

Высокий блондин в рубашке стального цвета с коротким рукавом и в черных брюках стоял у подножия лестницы на шесть ступеней. Не дожидаясь, пока Василий остановится у гаража, он направился к нам нетвердой походкой больного человека. И водителю пришлось остановиться.

Я поспешно вышла из джипа и несмело улыбнулась:

– Здравствуйте.

– Добрый день. Я Александр Вольский. – Может, маг и был сейчас не в форме, но голос этого не выдавал: в нем звучали уверенность и властность. – Добро пожаловать в мой дом, Миамина.

– Спасибо! Можете называть меня сокращенным именем – Миа, – предложила я.

Вольский кивнул, но разрешением не воспользовался:

– Добрались без приключений, Миамина?

Покосившись на напрягшегося шофера, снова улыбнулась:

– Да, у вас замечательный водитель.

Плечи Васи расслабились.

– Пройдемте в дом, познакомлю с дочерью и обслуживающим персоналом.

А как же сумки? Там есть вещи, без которых мне не обойтись дольше восьми-десяти часов. Не дай небо разобьется какая склянка, в моем случае это нежелательно: пополнить запасы дефицитного зелья не смогу дней десять точно.

Колдун заметил взгляд, который я бросила на автомобиль.

– Ваш багаж Василий принесет в комнату.

Могла бы и сама, все-таки больше не хрупкая дама. Но разве это стоит того, чтобы спорить? В непринципиальных вопросах я обычно уступаю.

Пока поднимались по лестнице к входной двери, к слову, солидной и мощной, потому что бронированной, удалось немного рассмотреть спутника, разглядеть незаметно, из-под ресниц. Статный сероглазый блондин выглядел не очень. Восковая бледность, запавшие щеки, воспаленные и припухшие от недосыпа веки. М-да, тот еще красавец-мужчина... Вампиры из гроба после вынужденной спячки и то краше встают.

Вот только глаза у него пугающе ледяные – лишний раз не хочется в них смотреть. Либо он жесткий человек, либо работа с проклятиями наложила свой отпечаток.

– Спасибо, что согласились на предложение Ника Никовича, я постараюсь оправдать оказанное доверие.

– Не думал, что когда-нибудь вручу вервольфу жизнь единственной дочери. – Мужчина горько скривился. – Я верю Нику, а он верит вам, поэтому не разочаровывайте нас, Миамина.

Я ему не понравилась однозначно. Почему? Потому что умею превращаться в волчицу? Тогда вообще бы не принимал взаимовыгодный план Ника! Или антипатия возникла при знакомстве?

– Сделаю все, чтобы этого не случилось.

Сохраняя серьезно-мрачный вид, Вольский произнес:

– Будьте как дома, Миамина. Только знайте, я установил для вас три обязательных правила и прошу их придерживаться, если не хотите вылететь за ворота. В остальном поступайте как вам угодно.

Будьте как дома, но не забывайте, что в гостях. Правильно он сказал, вот только резкий тон и угроза возмутили меня до сжимающихся кулаков – дико захотелось плюнуть и сбежать подальше от грубияна, покинуть его дом, еще не входя в него. И гори синим пламенем просьба куратора!

Однако гордость придется смирить – мне некуда уходить. Последнюю съемную квартиру уже отыскали, возвратиться туда – значит, добровольно отправиться в лапы преследователей. Но важнее всего то, что не могу оставить маленькую девочку беззащитной. Она не виновата, что папаша, как объяснил мне Ник, не поделив что-то с другим магом, обнаружил, что верных людей у него оказалось всего трое, и няня в их число не входит. Еще крепче заговоренных наручников меня удерживало данное куратору обещание не влезать в неприятности. Ссора с проклятиком – это не те неприятности, о которых быстро забудешь.

– Можно узнать, что за правила? – поинтересовалась я невозмутимо.

– Во-первых, не выходить за ворота.

Я кивнула – приемлемо, но нелогично. Общение с деревенскими ребятишками, прогулки в лесу и купание в реке не заменит даже самый большой сад с прудом. К тому же кто будет искать здесь девочку, если об этом доме, как утверждал куратор, известно всего нескольким друзьям Вольского? Ну ладно, отца-перестраховщика понять можно, и я для него никто, чтобы давать советы.

– Во-вторых, не оборачиваться рядом с Дарьей.

Я вскинула брови. Что за глупости? А как мне тогда ее защитить, если, не дай небо, что случится?

Спросить об этом мага не успела – он выдал последнее правило, лишившее дара речи:

– В-третьих, не точить когти о мебель.

Что?.. Да как он смеет! Ох, как хочется зарычать!.. Стоп, это ведь глупая шутка? Волки – не коты, когти не точат. Так что сидеть, Миа!

И я спокойно, с независимым видом заявила:

– Хороший маникюр, сделанный в магическом салоне красоты и выдерживающий до десяти превращений, нынче стоит дорого, чтобы портить его о какую-то антикварную рухлядь.

– Я рад, что вы понятливая девушка.

Вольский даже не улыбнулся. Получается, третье правило вовсе не шутка?!

Я задышала по специальной технике, подавляя ярость проснувшегося внутри зверя.

Хозяин дома открыл дверь, и я нацепила на лицо радостную улыбку. Нечего пугать грозным оскалом маленькую подопечную.

В просторном светлом холле нас ждали трое: чем-то недовольная брюнетка модельной внешности, азиат в белом наряде повара и светленькая девочка пяти-шести лет.

– Здравствуйте, – улыбнулась я снова, с тоской в душе предвкушая блюда восточной кухни. Большинство веров ненавидят специи, и мне не повезло попасть в их число.

– Знакомьтесь, это Миамина, новая няня Дарьи, вервольф.

Моя улыбка словно приклеилась к лицу. А что еще делать, как не улыбаться, если все эти люди глядят на меня с подозрением? Такое ощущение, что ждут, когда я завою... или начну вычесывать блох.

– Елизавета, экономка, – отрекомендовал колдун девушку, после чего перевел взгляд на мужчину: – Лучший повар города Ким У Хон.

Брюнетка кисло улыбнулась. Лучший повар города кивнул, и я проявила ответную вежливость.

– А это моя дочь Дарья.

Чтобы не смотреть сверху вниз, я присела на корточки и дружелюбно поздоровалась с малышкой:

- Привет. Можешь звать меня просто Мией.

Почему-то ребенок, на вид общительный и открытый, беспомощно взглянул на отца.

- Дарья не разговаривает в привычном понимании этого слова.

- Простите, - стушевалась я.

Как же так? А с виду хорошо развитая девочка. И как мне с ней общаться, если языка немых не знаю? Почему куратор не предупредил?

В ярко-голубом платице Даша напоминала куколку из моего детства, которую дядя привез из-за границы, - красивая, воздушная и, как вскоре выяснилось, хрупкая.

- До обеда несколько часов, пройдемте в столовую пить чай. Миамина, вы ведь не откажетесь с дороги?

Я замотала головой. Не дождетесь, чтобы я отказалась от еды! Такое ощущение, что после обращения в моем желудке открылась черная дыра, в которой за считанные часы пропадает содержимое холодильника.

Дизайн светло-зеленой столовой, как и холла, выполнен в моем любимом стиле: без вычурности, минимум мебели, максимум свободного пространства, света и воздуха - окна открыты и, к счастью, с москитными сетками. Комаров здесь, возле леса, тьма.

Чаевничали вчетвером - хозяин дома, его дочь, экономка и я. От сладостей, по обычаям магов, ломился стол: пирог с клубникой, конфеты, пирожные и земляничное варенье.

- Миамина, обязательно попробуйте пирожные, их испек Ким сегодня утром, - дружелюбно предложила Елизавета.

Рекомендованные сладости подали трех видов: с творогом, с ягодами и с орехами. После слов экономки о том, что выпечка домашняя, я повеселела: если азиат делает потрясающие десерты, может, и в специях знает меру?

После чаепития мне показали владения Вольских. Гуляя с Дашей и ее отцом, я осмотрела коттедж и сад, активно применяя возникшие после обращения способности, то есть приносясь и тщательно присматриваясь. Сама не знаю, что искала, но ничего странного не обнаружила.

А неплохой тайный домик! Если он куплен магом на всякий случай, то каково его родовое гнездо?

Повсеместно, даже в саду, натканы видеокамеры - и кто за всем этим следит, если слуг трое? Себя я, кстати, причислила к гостям, ведь присмотр за малышкой оплачивается ответной услугой - предоставлением убежища.

За домом рос замечательный сад, который я мысленно прозвала непафосным. Ухоженные деревья, фигурно подстриженные кусты, розовые клумбы остались перед фасадом здания. Здесь же царствовали грецкие орехи, старые скрипящие яблони, с десятков вишен, одна, но зато гигантская черешня, буйствовали заросли малины. И посреди всего этого одичавшего великолепия примостились давно не полотые грядки с целебными травами.

- Ой, а здесь развернуться можно! И в густые кусты ходить! И по редкостной травке пробежаться... - подчеркнуто весело произнесла я, но, увидев шок на лице мага, добавила: - Я пошутила, если вы не поняли.

Вольский не понял. Он промолчал, только поджал губы. У него вообще чувства юмора нет? Или оно отказывает рядом со мной? Точно, карма: я ведь раньше тоже задирала нос при виде вервольфов и радовалась, что мамины гены оказались сильнее папиных...

Экскурсия завершилась в комнате Даши. Пока проклятик показывал свои уголья, она вела себя чинно и серьезно не по годам. И лишь в своей спальне превратилась в озорного, энергичного ребенка, да и то после того, как мы остались вдвоем.

- Мне нужно совершить важный звонок, - заявил Вольский и вышел в коридор.

Вот тогда-то девочка и преобразилась окончательно, принявшись с азартом демонстрировать игрушки - мишек и кукол. И не было среди последних холодных безликих Барби, только красавицы ручной работы: фарфоровые, вязаные и матерчатые, в национальных костюмах и удивительных сказочных платьях.

Искренне восхищаясь ее коллекцией, бегло огляделась. Приятная для глаз комната. Белые стены с бледно-голубыми вставками, расписанные полевыми цветами. Потолок - имитация неба с

крошечными, сейчас малозаметными звездочками, которые, подозреваю, светятся в темноте. Панорамное окно с низким, широким подоконником, на котором можно читать книги или мечтать, любясь лесом.

Замечательная комната – просторная, с удобной эргономичной и безопасной для детей мебелью...

«Ну, Миа! Посмотри же!»

Оглядываясь по сторонам, не сразу среагировала на обращение.

– Прости, Даш, задумалась... Даша?!

Я осознала, что девочка заговорила со мной. Заговорила... мысленно!

Бывшая магичка, я оказалась не готова к встрече с маленьким менталом. Слишком их мало! И невероятно ценны они для общества полуночников! О небо, не могу поверить... настоящий ментал!

– Даша, – прошептала я немного обескураженно. – Ты...

Договаривать не пришлось.

«Да, я могу передавать свои мысли и читать чужие, но только те, что на поверхности», – ответила, не дожидаясь вопросов вслух, малышка.

Волнение меня тотчас отпустило. Да, мир Полуночи ценит менталов, но и в то же время сторонится. Никому не нравится, когда в его голове копаются посторонние. И я не исключение. К счастью, девочка не умеет вытаскивать на поверхность то, что многие предпочитают прятать, просто нужно при ней контролировать мыслеречь.

Ой, а что я там думала о Вольском?.. Пора мне краснеть или нет?..

«Тебе понравился мой папа», – не по-детски ехидно сообщила Дарья.

У меня едва глаза на лоб не выскочили – ничего себе заявочки!

– И как ты это поняла? Из сравнения с вампиром, который краше твоего бледного отца?

Маленькая ведьмочка только загадочно улыбнулась. Ладно, все дети считают, что их родители самые-самые, не буду разочаровывать.

Что ж, придется привыкать к необычному стилю общения. То, что подопечная может подслушивать мысли, смущало, но стыдиться или опасаться мне нечего. При большом желании я смогла бы заблокировать от нее свои думы – в одной из сумок лежал амулет от ментального воздействия. Но зачем? Даша не говорила вслух, так имела ли я право лишить ее единственной возможности высказаться?

«Спасибо, Миа», – серьезно поблагодарила девочка, уловившая мои размышления.

И у меня сжалось сердце. Что ужасного произошло, что она не разговаривает? Или она не умела вовсе?

«Умела. Мама ушла, и я потеряла голос».

Сердце сжалось сильнее. Бедная кроха, остаться наполовину сиротой в столь юном возрасте...

Девочка фыркнула и мысленно объяснила: «Она не умерла, она нас бросила».

С трудом обуздав эмоции, я перевела разговор на другую тему. Удалось, благо и Вольский вернулся.

– Как вы тут? Дочь, ты нашла общий язык с Миаминой?

И так он сказал это, что я засомневалась: а был ли важный звонок? Или он оставил нас одних, чтобы понять, сможем мы ужиться с Дашкой или нет?

– Почему сразу не сказали, что ваша дочь ментал?

Проклятчик пожал плечами:

– А вы бы сказали?

Нет. От такого преимущества не отказываются.

– Дарье вы понравились, Миамина. Добро пожаловать в наш дом. – Голос колдуна чуть потеплел.

– Спасибо.

Вольский вынул из кармана джинсов простенький браслет из медицинской стали:

– Проверку вы прошли, теперь имеете право носить амулет, защищающий мысли.

Я уже решила не надевать свой, а артефакт из чужих рук и подавно не возьму – мама приучила не доверять неизвестным вещам. Мало ли какие еще функции в него напихали. Маги такие маги в вопросах защиты любимых и близких.

– Спасибо, он мне не нужен. Мне нечего скрывать от менталиста, мои мысли чисты.

Вольский скептически изогнул бровь. Ну да, почти чисты, когда кое-кто не раздражает.

– Что ж, тогда идемте, я покажу вашу комнату.

Гостевая спальня находилась недалеко от детской, по соседству с хозяйской. Но меня это не смутило – в последнее время где только не доводилось ночевать.

– Отдохните, займитесь вещами, а через... – Вольский взглянул на наручные часы, – тридцать семь минут спускайтесь в столовую на обед.

И он оставил меня в одиночестве.

Выделенная комната мне понравилась – просторная, светлая и безликая. Здесь явно никто не жил, спальня для гостей, которые еще не появлялись в доме после ремонта.

Обнаружив свои сумки, открыла одну из них, самую ценную, с амулетами и снадобьями, которые собрала для меня мама. Лучший артефактор Полуночи после знаменитой Полины Макаровой, она неплохо разбиралась и в зельях. Кроме волчьего тоника, который не давал оборачиваться, здесь были травяные сборы, глушащие мою звериную половину. Конечно, я теряла часть бонусов – обоняние, слух и зрение становились не такими острыми, как у вервольфов, но мне и того, что оставалось, вполне хватало.

Главное, что по ночам не тянуло пробежаться на четырех лапах и не хотелось прибиться к стае веров.

Только вот с сегодняшнего дня от волчьего тоника придется отказаться – возможность перекинуться в зверя может понадобиться в самый непредвиденный момент. И я с легким сожалением переложила синий флакон с горько-кислым снадобьем в дальний карман сумки.

Глядя в зеркало, тихо сказала сама себе:

– Держись, Миа. Ты сильная и сможешь себя контролировать и без тоника.

За обедом собрались полным составом: все, кто жил в доме. Вот только ни Вася, ни Ким не поддерживали разговор, словно их и не было.

Невольно присматриваясь к Лизе, отметила плавность ее движений. Безукоризненная фигура, чистая кожа лица без капли косметики, грациозная походка – все указывало на то, что она вампир или сидхе-полукровка, которые порою встречались среди людей. Чтобы проверить догадку, передавая кувшин с соком, уронила его:

– Извините.

– Ничего страшного, – спокойно ответила экономка, успевшая схватить кувшин и при этом не расплескать напиток.

Почему я сразу решила, что она вампир, а не оборотень? Потому что зверя в ней я не чуяла, хоть и стала двуипостасной не так давно. Чутье на своих «сородичей» появилось сразу после обращения – словно радар, оно указывало на таких же, как я сама, да еще разграничивало на тех, кто равен мне или слабее, и тех, кто выше статусом и сильнее, кому следует повиноваться. Гадская иерархия... в ней, будучи новообращенной, я пока находилась едва не у самого подножия лестницы. И это еще одна причина, по которой я пила декокты маминого производства, – они подавляли чувство подчинения.

Когда экономка отправилась на кухню с грязной посудой, я не выдержала и спросила:

– Простите, а можно поинтересоваться, кто Елизавета?

- Можно, - кинул Вольский.

Противный какой... Дал добро и молчит? Хотя сама виновата: каков вопрос, таков ответ.

- Елизавета - полуночница?

- Почти, - холодно отозвалась девушка за моей спиной. - Я недовампир.

- Извините, что проявила любопытство, но я обязана знать, с кем доведется жить под одной крышей.

- Я вас понимаю, но считаю, что должны спрашивать у меня, а не у моего работодателя.

Она в своем праве, я поступила некорректно. Но как же я не люблю, когда меня отчитывают!

- Договорились, - примирительно улыбнулась я, когда на самом деле хотелось зашипеть.

Вольский смотрел на нас с любопытством энтомолога и молчал, не вмешиваясь в девичьи разборки. На него тоже захотелось зафырчать, хоть я и не оборотень-кошка.

После обеда, не заходя в свою комнату, отправилась с Дашей в ее игровой зал. Для начала принялась учить ее, как быстро рисовать наряды для кукол. Но с дороги устала и, как ни бодрилась, вскоре начала дремать.

«Ты засыпаешь, Миа?»

- Извини, Даш, сейчас сделаю себе кофе и вернусь.

«Не надо. Приляг, Миа, тут, на диванчике, - ласково предложила девочка. - Поспишь немножко, а я потом разбужу».

Мне бы насторожиться, но нет, сказывались бессонные ночи. Да и волчий тоник, который все еще действовал, не только глушил хищную сущность, но и угнетал весь организм.

- Хорошо, я немного полежу. А ты не балуйся, ладно?

И я растянулась на бледно-фиолетовом диване. Сон вмиг вцепился в меня своими когтями.

...Лес. Ночь. Задираю голову - и сквозь переплетение ветвей вижу Ее. Ночную хозяйку. Луну. Идеальной формы светило так далеко, что становится грустно.

Тоска накатывает, непреодолимая и всепоглощающая. Плач вырывается сквозь стиснутые зубы. Вырывается звериным воем.

Мне вторят из темноты. Оглядываюсь. С десятков пар желтых огоньков так близко. Волки!

Страх. И азарт. Пытаюсь убежать. Сухая хвоя летит из-под лап. Из-под лап?!

Ужас захлестывает. Вытесняет предвкушение игры. Я вижу тень зверя. СВОЮ тень...

«Миа! Проснись, Миа!»

Я скатилась с дивана, больно ударившись задом об пол.

«Тебе снилось что-то плохое?» - Глаза у доверенного мне ребенка большие и круглые.

Нет, амулет, защищающий мысли, носить все-таки придется, чтобы не пугать малышку кошмарами.

Проснувшись, потерла лицо - что-то посыпалось с кожи. Что это?!

Стоя перед зеркалом, сморгнула, не веря тому, что оно показывало. Синие веки, свекольный румянец, коричневые губы... Хорошенький «мейкап»!

«Тебе правда нравится? - загорелись глазки у чудови... у чудо-ребенка. - Я старалась».

- Чем это ты намазала меня?

«Гуашью».

Я не злюсь... Да, я не злюсь, я почти спокойна. Все мысли о том, почему ничего не почувствовала. Прикосновения кисточкой сквозь сон ощутит и человек, не только оборотень. Хотя... некоторых и пушками не разбудишь. Но ведь это людей! А я - вер!

Выходит, внутренний зверь признал Дарью неопасной? А то, что она разводит каляки-маляки на лице, так это не страшно. Что волчице какая-то краска? Радует, что девочка не трогала ресницы... Ох, как там говорят? Ничто так не красит спящую женщину, как сидящий рядом маленький ребенок с фломастерами? Это точно! Проверено на себе!

«Но ведь красиво же получилось? – недоумевала Даша, не понимая, почему я недовольна «макияжем». – Я думала, тебе понравится...»

Вздыхнула. Вот что я за тряпка? Не переносу, когда дети печалются.

– Я сейчас иду умываться. – И чтобы она не расстраивалась, добавила: – Но после ужина ты сможешь накрасить меня настоящей косметикой.

Девочка просияла так, будто я подарила ей новую коллекционную куклу. А я всего-навсего пообещала отдать на разграбление косметичку и для издевательств – собственное лицо...

Но мне повезло, экзекуцию пришлось перенести на следующий день – Вольский заявил, что сегодня сам будет читать сказку и укладывать Дашу спать. После ужина я получила время для личных нужд.

Первым делом решила принять душ, а потом продолжить знакомство с домом.

Войдя с банными принадлежностями в совмещенный санузел, уткнулась взглядом в лаконичную записку: «Извините, туалетом и ванной пользоваться нельзя». Застыв над сюрпризом, не сразу услышала стук в дверь.

– Простите, что беспокою, Миамина. – В комнату вплыла подчеркнуто строгая Лиза. – Вы, наверное, уже видели, что в вашей комнате проблемы с сантехникой?

Самое интересное, что, заглянув в ванную в первый раз, я не заметила записки. Вот что значит усталость – в первую очередь страдает внимательность.

– Да, уже увидела. Когда починят?

Экономка пожала плечами:

– Вольский не пригласит сюда сантехника – боится, что тот окажется вражеским лазутчиком и наставит следящих артефактов или вообще попытается украсть Дашу. Вам ведь известно, что, приехав сюда, вы оказались в информационном вакууме?

– В смысле?

– Обслуживающему персоналу, за исключением Василия, запрещено общаться с внешним миром. Интернет и телефон работают только в кабинете Вольского. Чтобы позвонить, нужно идти на поклон к Александру.

Да это же тюрьма! Почему куратор не предупредил меня?! А вдруг Вольский – маньяк?.. Ой, а чего я паникую? Я ведь могу с легкостью перескочить забор, обернувшись волчицей... Привычка бояться чудовищ под кроватью осталась, даже когда я сама научилась превращаться в монстра.

– Так что все-таки с ванной? – напомнила о насущном. Исккупаться хотелось невероятно – после слов Лизы все тело начало нестерпимо зудеть. – Как мне быть?

Экономка сделала виноватое лицо, хотя явно не переживала из-за моего дискомфорта.

– Туалет есть возле столовой.

– Спасибо, мне это уже известно.

– А вот ванной, простите, вы не воспользуетесь.купаются в доме только Вольские, для всех слуг – летний душ в саду.

К слугам Лиза причислила меня с чувством злорадства, прекрасно зная, что я гость и за помощь с ребенком не получаю денежное вознаграждение. Мысленно посмеявшись над тараканами в голове мстительной дамочки, быстро закруглила наш разговор. Хотелось поскорей искупаться, и, захватив полотенце с халатом и банными принадлежностями, я отправилась на поиски летнего душа.

Спустившись в холл, натолкнулась на Лизу, о чем-то беседующую с поваром и Васей. Троица проводила меня странными взглядами, словно у меня рога выросли за то время, что мы не виделись.

На улице я даже заозиралась, опасаясь, что ко мне что-то прицепилось, – от маленьких детей стоит ждать подарочка в виде картинок, приклеенных скотчем к спине.

Часть сада освещали фонари. Дальше – темнота, которая не была для моих глаз таковой после обращения.

Летний душ искала недолго. Обнаружился он за домом, ближе к гаражу. Стены из неокрашенных сосновых досок с широким просветом под крышей. Крыша, собственно, – всего-навсего лист шифера. На нем стоял большой коричневый бак. Хлипкая дверь закрывалась на символическую задвижку – раз дернешь, она и отлетит. Видимо, ее ставили от ветра.

Внутри сильно пахло машинным маслом. Зайдя, «порадовалась» минимализму: с потолка свисала душевая насадка с вентилем, к стене прибита коротенькая полка для мыла и шампуня, крючков для вещей нет, на полу лежит деревянная решетка. Вода должна стекать под нее, прямо в землю. Теперь ясно, почему «душевая кабинка» снаружи густо поросла крапивой и дивными гигантскими лопухами.

Бросив полотенце, халат и снятые вещи прямо на стену, встала под струи приятно теплой воды. Жаль, регулировать температуру нельзя – контрастного бодрящего душа мне будет не хватать.

Закрыв вентиль и отжав волосы, потянулась за полотенцем – рука схватила воздух. Не поняла?.. Где мои вещи?! Все, что я повесила на стену, исчезло! Кто-то украл мои вещи! Как теперь вернуться в свою комнату?.. В холле я могу кого-то повстречать! Вот им будет потеха!

Потеха?.. А ведь точно встрече...

Паника отступила, я усмехнулась. Могу поклясться, что вся сантехника в доме исправна. Лиза, мстительная зараза, решила посмеяться над наивной гостьей.

Вообще-то оборотни не стыдятся наготы. Красивые тела и невольный «стриптиз» при обороте быстро способствуют уничтожению малейшей стыдливости. Вот только я не истинный оборотень. Меня обратили насильно, я не знаю, каково это – быть вером, меня никто не учил. Отец не успел – я сбежала к куратору, рассказав родителям о случившемся по телефону. И после так редко звонила домой, что нам было не до ликбеза новообращенных.

А все-таки как получилось, что я не услышала шаги вора, стащившего полотенце и одежду? Хотя о чем я? Виноваты волчий тоник, который все еще действует, и шум воды.

Долго решалась, прежде чем выскочить из своего убежища. Вроде никого в саду нет – троица сидит в холле и ждет меня там, голую и униженную.

Только стриптиза им не дождаться. Обойдутся...

Говорят, у праматери человечества Евы вместо одежды были фиговые листочки. У меня же будут лопухи... фиговая замена банному халату, но лучше хоть что-то, чем вообще ничего.

Перебежками, прикрываясь спереди и сзади здоровенными листьями репейника, я прокралась к окнам своей комнаты. Второй этаж, высокогато, конечно. Но если взобраться на орех, то с ветки можно перепрыгнуть на подоконник открытого окна. Москитная сетка пострадает, но лучше я заплачу Вольскому за порчу имущества, чем повеселю голым задом его прислугу. Ох, главное, чтобы сетка выбилась, а не спружинила, откидывая меня назад, – вниз лететь далеко и больно.

Лопухи держать и лезть на дерево – еще та морока. Поэтому импровизированный наряд пришлось оставить на земле.

Чувствуя себя ловким гимнастом (ага, скорее стриптизершей на пилоне), я оседлала первую ветку.

– Бог в помощь!

И я рухнула вниз! Со страху «укуталась» в лопухи и только потом посмотрела на свидетеля моего позора.

– Точение когтей о мебель – не самое страшное, чего можно от вас ждать? – Вольский, высунувшись по пояс из окна своей спальни, глядел на меня с неприкрытой насмешкой.

– П-простите?.. – От стыда у меня не только щеки горели, но и уши.

– На нудизм тоже необходимо ввести запрет?

Извиняться за то, в чем нет моей вины, ужас как не хотелось!

Но пришлось...

– Прошу прощения, так получилось, я больше не буду!

Тщательно прикрывая тыл и авангард лопухами, я посеменила в сторону входа. Что ж, минуты позора не избежать – придется предстать перед зрителями, заждавшимися зрелища.

– Стоять! – рявкнул Вольский.

Я подчинилась, хоть и отдавало от его грубого приказа собачьей командой.

– Что еще, господин Вольский? Я ведь извинилась.

Хозяин дома стиснул губы, веселье из серых глаз пропало, взгляд вмиг заledenел.

– Я сейчас брошу вам что-нибудь из своей одежды.

Он отошел от окна. Спустя несколько долгих секунд в меня полетел темно-серый в черную полоску халат, приятно гладкий на ощупь и только что из стирки – он пах порошком и кондиционером для белья.

Под нескромным взглядом колдуна завернулась в вещь из его гардероба:

– Спасибо, я потом постираю и верну.

– Не ваша забота о стирке, отдадите – и все.

Решив, что разговор завершен, пошлепала – спасибо шутникам, что хоть шлепанцы оставили, – в нужную сторону.

– Подождите, я с вами.

Я пискнуть не успела, как он оказался рядом.

Ого! Бессильный, но на левитацию сил хватило?!

– Итак, я слушаю.

– Что именно? – невинно захлопала ресницами, отлично понимая, о чем он.

– Почему вы купались в душевой водителя, которой он пользуется после работы в гараже? И кто забрал вашу одежду?

Стучать на прислугу, а потом остаться с ней, когда он уедет? Как же, нашел дурочку господин маг.

– Понимаете, я бегала перед сном – не могу уснуть без пробежки... Увидела летний душ, решила освежиться. И пока шумела вода, белка украла мой сарафан, там ведь орешки нарисованы были...

Вольский слушал внимательно, но стоило дойти до личности похитителя вещей, замедлил шаг и вовсе остановился. Замерла на месте и я.

– Вы издеваетесь, Миамина?

– Нет, я немного пошутила. – И попросила: – Пожалуйста, не вмешивайтесь! Я сама разберусь.

– Что ж, дерзайте!

Он развернулся и ушел. А я еще постояла, поглядела ему вслед – подчеркнуто ровная спина явно говорила об обиде. Ну как же! Прискакал тут рыцарь на белом коне, чтобы защитить даму, а она его посылает: «Сама справлюсь, сэр, отвалите». Понять его недовольство можно.

Остро не хватало туфель на шпильке, но в холл я все же вошла с независимым видом если не королевы, то принцессы точно. И длинный халат хозяина дома был вместо монаршей мантии.

Троица сидела в засаде. Краем глаза отметив, как вытянулись лица зрителей, ожидавших шоу, со злорадной улыбочкой обронила:

– Не пора ли некоторым собирать чемоданы?

И поспешила к себе, пока Лиза не опомнилась. Я закрыла дверь, а спустя считанные минуты в нее постучали:

– Миамина, откройте! Мне нужно с вами поговорить.

Я молчала, и она долго стояла под дверью, ожидая. А затем ее шаги стали удаляться, притом удаляться в сторону комнаты мага. То-то он удивится, когда Лиза прибежит к нему каяться, что это из-за нее гостя бегала по саду голышом!

Открыла дверь:

– Про чемоданы я пошутила. Я ничего не рассказывала Вольскому – он просто одолжил мне халат.

Экономка, действительно поверившая, что хозяин ее уволит, с облегчением выдохнула:

– Спасибо!

И убежала, так и не извинившись за далеко не безобидный розыгрыш.

Интересно, на что Лиза рассчитывала? Что не буду жаловаться? Что Вольский не уволит ее? А ведь правда, не уволит в силу сложившейся ситуации. Смысл ему искать новую экономку, если он сейчас боится высовываться, везде видя шпионов?

Так весело прошел мой первый день в доме прокляточика. Сумею ли я продержаться здесь полторы недели? Особенно учитывая то, что сразу нарвалась на вражду?

Что ж, постараюсь помнить, что враги закаляют, а их мелкие пакости тренируют выдержку.

Глава 2

Осколки

Как показали последующие события, я правильно поступила, что не выдала Лизу, но при этом показала зубы. Гадостей мне больше не делали, экономка была вежлива и предупредительна. Вольский отметил, что ее отношение ко мне потеплело, и я стала ловить на себе его задумчивые взгляды. Неужели считал, что эмоциональные вервольфы не умеют решать проблемы бесконфликтно?

Мы много играли с Дашей: что маленький ребенок, что оборотень – у обоих море энергии, которую необходимо постоянно выплескивать. В противном случае произойдет то, о чем предупреждает песенка из мультфильма «Осторожно, обезьянки!»: «А иначе он взорвется, трах-бабах – и нет его!» Это точно про нас с Дашкой.

Вольский порой к нам присоединялся, но чаще всего безвылазно сидел в кабинете, отвлекаясь от своих дел на приемы пищи, да и то не всегда.

Волчий тоник и прочие подавляющие ипостась зверя снадобья я больше не пила, в результате слух, зрение и обоняние стали острее, особенно последнее. И нос говорил, что Вольский не так уж болен, как старается показать. Да, значительный урон резерву был нанесен, но далеко не до той опасной черты, за которой начинается магическое истощение или даже самое страшное – выгорание. Почему он преувеличивал, не знаю, да и неинтересно по большей части.

Раз сдерживающее сущность зелье я пить перестала, то и ночи мои изменились: стали тревожными, переполненными плохими снами. Тот кошмар, что увидела, задремав в комнате девочки, на самом деле был вполне реальным: однажды я обратилась во сне и побежала в лес, на территорию волков стаи Горобинских. Один из них и обратил меня три месяца назад.

Это миф, что вервольфы обращаются только в полнолуние. При полной луне тяга сильнее, да. Но перекинуться в волчицу хочется всегда, когда негативные эмоции берут верх над разумом. Это же так просто: р-раз – и вцепился в глотку обидчика!..

Неудивительно, что все преступления веры совершают в состоянии аффекта, тогда как вампиры и маги предпочитают планировать и только потом делать. Как говорится, месть – блюдо холодное.

Прежде чем начать пить волчий тоник, я неоднократно оборачивалась во сне. К счастью, самым большим ущербом становились испорченные ночные рубашки и постельное белье. Каждый раз удача была на моей стороне, и я чудом не попадала в руки тех, кто преследовал меня, начиная с ночи заражения.

Хочется верить, что и в дальнейшем везение не оставит, особенно здесь, где время текло тягучим потоком, а сама атмосфера в доме напоминала полуденную дрему в пик зноя.

Сонную тишь будней нарушила черешня. Из поздних сортов, она поспела в первых числах августа, когда вкус ранней майской успел забыться. Крупные темно-карминные, почти черные ягоды манили глянцевыми боками, обещая сладкий и ароматный сок. Неудивительно, что лакомиться ими приходили все, и вскоре черешню можно было срывать только с верхних веток, да и то с помощью лестницы. И тогда повар заявил, что будет варить компот на зиму. Я всегда считала, что консервирование – чисто славянская забава. Ан нет, азиат ее тоже не чурался.

Вольский дал добро, и Ким У Хон почти целый день цербером просидел под деревом, бдя, чтобы мы не обнесли последние ягоды. Их он собрался оборвать завтра, когда Вася привезет ему из города нужные крышки, которых не было в поселковом магазине.

Приготовившись ко сну, я долго крутилась перед зеркалом, размышляя, подрезать отросшие космы или оставить. Пока была магом, тратила кучу денег на средства для волос. Ирония судьбы в том, что помогло лишь превращение в оборотня, – волосы стали удивительно густыми. И теперь проблемой стало частое посещение парикмахера.

Волосы не только быстро отрастали, но начали виться. Можно подумать, что меня укусил не волк, а баран... А еще локоны слегка изменили цвет – в русой массе появились каштановые прядки. Наверное, потому, что мой зверь оказался сероватым с рыжим по бокам? Даже мои глаза тусклого зеленого цвета – отблески изумрудов в них сверкали, лишь когда колдовала, – после обращения приобрели желтоватый оттенок. Фигура – мечта вечно худеющей девушки: ешь что угодно, в любых количествах и остаешьсястройной, как ивовый пруттик. И при этом гладкая и мускулистая, как гончая, точнее, как волчица.

Кажется, в моем новом состоянии одни плюсы? Это только кажется. Вервольфы – существа стайные, и в стае строгая иерархия: на вершине вожак, ему лижут лапы и покорно подставляют открытое

брюхо, которое он волен вспороть когтями за малейшее ослушание... Нет, подчиняться вожаку не по мне, особенно если вспомнить, что самок в стаях мало, при этом каждый самец озабочен поиском своей единственной. Чтобы отстоять мало-мальские права, необходимо драться, а драться я не люблю, хоть и училась боевой магии. Если честно, училась так себе, чтобы мама отстала, меня больше привлекала работа обычного человека. Увы, мои планы перечеркнули вечер в ночном клубе и трусость родственничка, который решил выслужиться перед сыном босса...

Волосы не жаль, но я все равно отложила стрижку – стало не до нее.

По коридору кто-то крался.

Спрятав ножницы в ящике трюмо, развернулась к двери. Тихонько скрипнув, она впустила Дашу. Светлые кудри, ясные глаза, застенчивая улыбка, ямочки на румяных щечках. Образ невинного ангела портило ведро для песка в руках. Я не стала заикливаться на вопросе, зачем оно ей, переведя взгляд на одежду. Миленькая ночнушка! Напоминала мою собственную – после нечаянных оборотов я оптом купила пару десятков белых сорочек с уродливыми бантиками по лифу. Почему выбрала такие страшные? А их не жаль, когда просыпаешься незнамо где, а твоя одежда в клочья.

– Дарья, что случилось? Почему не спишь?

«Миа, я уснуть не могу», – грустно сообщила девочка и запрыгнула на мою уже разостланную кровать.

Колдун и сегодня сам укладывал дочь спать, но, похоже, так и не уложил – ушел в свой кабинет, не удостоверившись, что она уснула. Эх, мужчины...

– Рассказать тебе сказку? – с готовностью предложила я, прикрыв ножки малышки легким покрывалом.

«Нет, не хочу сказку».

– А что же ты хочешь? Могу песню спеть.

С маленькими детьми, особенно такими сложными, но при этом не капризничающими и спокойными, нужно быть внимательней и ласковей. Нежностью и чуткостью многие неврологические заболевания лечатся лучше, чем зельями. Я была бы счастлива, если бы сумела добиться малейшего прогресса в возвращении Даше навыков обычной речи.

«Черешни хочу, – выдал некапризный ребенок. – Много-много!»

Выходить на улицу в одиннадцать ночи, когда настроилась на чтение приключенческого романа о пиратах? Нет, не в кайф. И я сделала попытку достучаться до Дашкиной благоразумности:

– А до утра потерпеть?

«Не усну я без ягод... Миа, пожалуйста, что тебе стоит? Я бы сама пошла, но до верхушки не долезу...»

Испугавшись, что ребенок может взобраться на дерево, притом ночью, быстро пообещала:

– Сейчас принесу, а ты сиди здесь. Я мигом!

Даша, счастливо заулыбавшись, вручила мне ведро.

– Зачем оно мне?

«Для ягод, Миа!»

И так она сказала, что мне даже неловко стало, что такая недогадливая.

По пути не встретив никого из obsługi Вольских, я дошла до нужного дерева.

В лунном свете черешня выглядела более высокой и, пожалуй, какой-то зловещей.

Благодаря ночному зрению можно с легкостью взобраться вверх, но не тогда, когда ветки хрупкие, а ты далеко не пушинка. Я стройней, чем раньше, но при этом немного тяжелей – и потому лезла по шершавому стволу с опаской. Боялась не упасть, а выдать себя утром сломанными ветками: Ким весьма грозен на своей территории, то есть на кухне. Что ему стоит отомстить, регулярно подсыпая лишние специи в еду? Голову ему не откусишь, даже не припугнешь, тогда как он пакостить может безнаказанно, когда уедет Вольский. А прокормиться самостоятельно я не смогу, невзирая на близость леса, просто потому, что немного неправильная из меня вышла волчица.

Удобно устроившись – левая нога на одной ветке, правая на второй, будто села на поперечный неполный шпагат, – я быстро наполнила ведро.

Можно спускаться, но... ночью черешня на вид даже вкусней, чем днем. Черные бока ягод соблазнительно блестели в серебристом свете луны. И я, не устояв перед искушением, принялась расхищать стратегически важное сырье азиата.

Сок, сейчас прохладный и более ароматный, чем в жару, наполнил рот, и его было так много, словно пила глотками из чашки.

Вообще есть ягоды, как я, вкусней всего: набила ими рот «под завязку», сжала зубы – и насладилась божественным нектаром...

Я увлеклась дегустацией и не сразу услышала, что в саду больше не одна. Кто-то целенаправленно шагнул в нашу с черешней сторону.

Ким! Больше никому! Перестраховщик-повар решил проверить, не нарушил ли кто его запрет?!

Я замерла, боясь пошевелиться, опасаясь даже жевать. Прогневить второго после колдуна человека в этом доме будет величайшей глупостью.

Когда мужчина начал карабкаться на дерево, с ужасом поняла: это не Ким! Густота веток и позиция, в которой я застыла, не позволяли видеть, кто лезет, но это точно был не повар... Он бы не нарушил свой собственный запрет.

Мамочки... Если неизвестный продолжит подъем, то упрется мне прямо в... ой!

Попыталась крикнуть – и чуть не захлебнулась соком. Рот забили ягоды, которые я не могла быстро прожевать. А когда поняла, кто взбирается на дерево, черешни застряли в горле. Я наконец учуяла запах – так пахнет буран, внезапно налетевший на город, – морозной свежестью и снегом.

Полный рот ягод, которые, нервничая, не могу проглотить, и хозяин дома вот-вот упрется затылком мне в зад – вот это засада!..

– Миамина?! – воскликнул Вольский и остановился.

Интересно, как он понял, что это я, если снизу видно только мою... мой поперечный шпагат, слегка прикрытый ночной рубашкой?

Что-то промывав, сообразила выплюнуть ягоды.

– Да, это я...

– Что вы здесь делаете?

– А вы? – нахально поинтересовалась в свою очередь.

У него позиция для наблюдений удобнее, но наглость – не просто второе счастье. Наглость – порой лучшее средство спасения, когда попадаешь в нестандартную ситуацию.

– Я первый спросил! – возмутился Вольский.

– А я – девушка! Девушкам нужно уступать. Спускайтесь! Я из-за вас не могу слезть.

Под подолом моей рубашки раздался глухой смешок:

– Не хотите признаваться? Ладно, я подожду, пока вы созреете для разговора, тем более что никуда не спешу, да и вид на за... кхм, на сад прекрасен.

Насмешка вперемешку с легкой игривостью. Мне почудилось или он и вправду пытается флиртовать? Ситуация взбесила бы любого, не только оборотня. И я, чудом не треснув Вольского ногой по голове, поменяла позу, а затем и вовсе стала спускаться, кипя возмущением.

– У вас ведро?.. – Я утратила запал, как сдувшийся шарик – воздух, когда увидела знакомую посудину в его руке. – Вы пришли нарвать черешни для Даши?

Наши лица почти на одном уровне – и в кои-то веки я слегка выше него. А главное, настолько близко, что можно поцеловать кривовато усмехающиеся губы. Близко до неприличия! Смутившись, я немного отклонилась назад.

– Да, для Даши. Вы тоже?

Ветка подо мной громко треснула. Я рухнула вниз – и зависла в воздухе!

Вольский успел схватить за рубашку, но удержал меня не он. Его магия.

– Осторожней! Не дергайтесь, сейчас поставлю вас на землю.

Бесконечные секунды – и он выполнил обещание. Сам спустился обыкновенно, разве что быстро, как белка.

– Спасибо, господин Вольский.

– Александр, – поправил он.

– Спасибо, Александр.

Мы едва не соприкасались носами. Маг фактически вторгся в мою зону комфорта.

– Не за что. Впредь не реагируйте на подобные просьбы Дарьи. Это несложно, главное, твердо сказать «нет» – и она отстанет.

– Вы тоже сказали твердое «нет»? – поддразнила я его, указав на ведерко с одинокой ягодкой.

Глаза Вольского вспыхнули колдовским огнем – серебристо-синим, и тотчас погасли.

– Я отец, – просто ответил он и пошел в сторону дома.

Обиделся?! Почему? Что я такого сказала?..

– Миамина? – Вольский обернулся. – Вам лучше пойти со мной – у Кима хороший слух, а падали вы громко. Если что, прикрою от гнева повара.

И он подмигнул.

Нет, не обиделся, раз шутит. Я поспешила за ним.

Дашку, отправившую за черешней отца и новую няню, мы отыскиали в детской. Она спала, подсунув под голову кулачок. Ямочка на левой щеке выдавала, что девочка уснула, довольно улыбаясь.

Я находилась далеко от стула, стоящего у детской кровати, и потому протянула Вольскому ведерко с черешней – ему удобней поставить:

– Пусть будет у нее, раз уж заказывала.

Мужские пальцы на какой-то миг коснулись моей руки, обжигая. Я резко дернулась назад:

– Ладно, я спать!

И фактически сбежала в свою комнату. Там первым делом кинулась к сумке с мамиными снадобьями.

Недолго я продержалась без волчьего тоника! Это ужасно – моя волчица решила пошалить! Если вспомнить, что оборотни без пары довольно-таки любвеобильны, то сложно мне придется. Поэтому глоточек на ночь и один-два утром не помешают.

Очень надеюсь, что Вольский не заметил мою неадекватную реакцию на случайное прикосновение.

Через несколько часов поняла, что зря я выпила волчьего тоника всего глоток, – надо было чашку, тогда бы точно не стояла посреди леса. Голая и дезориентированная.

Где я?.. В какой стороне дом Вольского?

Повертевшись вокруг своей оси, опустилась на землю. Села голым задом, и сосновые иголки больно впились в кожу. Ничего, потерплю – заслужила.

Черешня, колдун, внезапно вспыхнувшая к нему чувственная тяга даром не прошли для волчицы. Она взбудоражилась и решила скинуть напряжение в облике зверя. Бегать и выискивать добычу желтоглазая любила.

До ближайших охотничьих угодий какой-либо стаи далеко. И я смело отправилась на прогулку.

Да только просчиталась – внутренний зверь быстро отобрал контроль, оттесняя в тень человека. Я бежала словно во сне, понимая, что углубляюсь в лес, чувствуя в полной мере окружающую действительность, но не в силах остановиться и повернуть назад.

И добегалась.

Я не только не знаю, где нахожусь, я не представляю, в какую сторону бежать! Позор. Ну какой из меня оборотень? Где хотя бы север?..

Я бы еще долго себя жалела, если бы не хруст ветки. Далекий, но я его услышала. Приближался слонопотам, то есть человек, ведь только двуногие идут громко, даже когда в их интересах не нарушать тишину.

Обнаженная девушка в ночном лесу и неизвестный. Кому должно быть страшно? Конечно же неизвестному, если девушка злая и вдобавок оборотень!

Скользнув за толстый ствол сосны, затаилась. Ожидала увидеть кого угодно, но... запах морозной свежести выдал идущего до того, как он вынырнул из-за молодых елочек.

– Миамина, где вы? Я знаю, что где-то рядом.

Вольский в лунном свете казался нереальным видением. Отливающие серебром волосы, хищно очерченные черты лица. В белой рубашке и светлых брюках он выглядел неуместно посреди темного леса. Как приманка для тех, кто рыщет во мраке.

И я не сдержала порыв пошалить. Тенью скользнула ему за спину.

– Здесь я, – выдохнула ему в шею, приподнявшись на цыпочки.

– Я бы на вашем месте так не делал, – спокойно произнес маг и обернулся.

На его ладони светился багровый шар с заключенной внутри молнией. «Око Перуна»! Убивает или тяжело калечит даже оборотня. Но не энергетически затратное заклинание поразило, а то, как быстро маг создал его и как легко удерживал. Проклятчик, да еще побывавший на грани выгорания? Не смешите меня! Вольский кто угодно, но только не слабый маг!

– А вы не церемонитесь – сразу с убийственных заклинаний начинаете!

– Привычка. Но я знал, кто ко мне подкрадывался, поэтому вам ничто не угрожало.

Глядя в глаза, будто моей обнаженной груди не существовало, Вольский небрежно сбросил мне в руки висящую на его локте тряпку. Халат.

Я накинула его на плечи, не разрывая зрительного контакта.

– Кстати, откуда узнали, что я в лесу? Поставили на меня маячок? – И уже с возмущением: – Без спроса поставили?

Вольский хмыкнул:

– Вы же бывшая магичка, Миамина. Ответьте сами.

Он повернулся спиной и зашагал в ту сторону, откуда явился.

Я опешила. Неожиданно. Не то, что вот так просто уходил, а то, что проигнорировал претензию.

– Идемте домой. Чего застыли? – обернулся маг. – Я хочу хоть немного сегодня поспать.

На языке вертелся ответ, что я как бы и не мешала, не звала его и не просила, чтобы искал, но промолчала. Меня осенило. А ведь он принес мой собственный халат! Тот, что утащила из летнего душа Лиза, а я не забрала позабыв. Зачем колдуну цеплять следящее заклинание, если он мог взять мою личную вещь? И отследить по ней?

А еще моя ночная пробежка – третий выход за ворота этой ночью. В первый раз, разговаривая по телефону, я поссорилась с Ник Никовичем из-за родителей, которым он не хотел передавать от меня привет. Во второй, остыв, мирилась с ним, согласившись, что он прав и не надо давать преследователю малейший шанс отыскать меня через семью. В третий же перепрыгнула через ограду, чтобы прогулять взволнованную волчицу. Неудивительно, что хозяин дома, на которого замкнута защита поместья, не выспался – столько раз просыпаться из-за передвижений гостя.

Догнав Вольского, виновато спросила:

– Сеть защиты намного выше забора? И я ее разрываю каждый раз, когда перепрыгиваю?

– Вы не дотягиваете каких-то полметра, – кивнул он спокойно.

Неудобно вышло. Представляю, как «здорово» ему дергаться из-за моих прыжков.

– Хорошо, я буду прыгать выше.

– Не стоит. Я поставлю вам допуск.

– Спасибо, Александр.

– Вы покидаете территорию каждую ночь, чтобы по телефону отчитаться Нику?

Я сбилась с шага и подозрительно уставилась в светлый, посеребренный луной затылок.

– Почему вы так решили?

– Возвращаетесь быстро, минут через пять, – проявил проницательность Вольский. – Для разговора с родственниками или любимым человеком времени мало, а вот для отчета – в самый раз.

Ник – единственная ниточка, связывающая с нормальным прошлым и близкими. Он иногда рассказывает новости, но чаще сообщает, как проходят поиски пропавшей игрушки наследника стаи Горобинского.

Ради этой информации я готова выслушивать брюзжание занудного Ника Никовича каждую ночь. Я бы многое могла рассказать Вольскому, но ограничилась двумя словами:

– Да, отчитаться.

– Ясно.

Что ему ясно, мне непонятно. Спрашивать не стала, молча шла на расстоянии двух шагов до самых ворот усадьбы.

Вопреки ожиданию колдун не навернулся в кромешной темноте, он даже не споткнулся ни разу! Правда, ветки трещали под его туфлями из крокодильей кожи изрядно, тогда как мои босые ноги ступали бесшумно.

– Дайте руку, – бесцеремонно потребовал у ворот Вольский.

На автомате подчинилась, и этот... этот нахал провел ею по острым завитушкам!

– Предупреждать надо!

– Могу подлечить, – хмыкнул он, наблюдая, как каплю моей крови жадно впитывает металл, а затем его губы беззвучно зашептали слова допуска.

– Спасибо, обойдусь своими силами.

Небольшая царапина затянулась на глазах, но меня все равно душила обида, мешая свободно дышать. Слов нет, каков наглец! Если у меня регенерация оборотня, это не значит, что можно без предупреждения брать кровь. Я же девушка, в конце концов! Грубый, резкий, невоспитанный маг!..

– Теперь вы можете выходить без препятствий.

Ворота сами открылись перед хозяином, но тот посторонился, пропуская вперед меня:

– Спокойной ночи, Миамина.

– И вам, Александр.

Я не поблагодарила за допуск. И только в спальне поняла, что неправа. Для параноика разрешить свободный выход-вход постороннему человеку – поистине нелегкий поступок. И тогда это я – бесчувственная и невоспитанная личность.

Проснувшаяся совесть вынудила пойти к Вольскому. Уж лучше бы она меня зверски замучила!

Приоткрытая дверь издали подсказывала, что двигаться в том направлении нежелательно, – могу услышать не предназначенное для чужих ушей. Но я же упрямая! И вдобавок глупая – не повернула назад, услышав страстный шепот:

– Алекс... Я же на все готова ради тебя, Алекс...

Фу, вот это повезло попасть на сцену жаркого признания Лизы! М-да, всю жизнь мечтала подслушивать такое...

Я попятилась назад: становиться свидетельницей столь личных бесед не в моих правилах. Волчица воинственно рыкнула внутри меня, мол, надо задать домохозяйнице трепку. «Нет уж, извини,

подруга, не твой это самец, чтобы врываться к нему в спальню и вытаскивать подлую соперницу за косы...»

Чуткие с недавних пор уши я не затыкала и оттого услышала ответ Вольского:

– Ты подписывала договор, Лиза? И при этом знала, что я не имею близких отношений с теми, кто на меня работает? Иди спать.

Опасаясь попасться на подслушивании, ускорила шаг.

Волчица самодовольно щерилась, пришлось на нее цыкнуть: «Чего радуешься? Я ведь тоже на него работаю!» Может, глупо разговаривать с ней? И у меня проблемы с головой? Но не могу я воспринимать эту странную сущность как часть себя. Хотя наверняка это неправильно.

Уснула я в растрепанных чувствах: и радуясь, и огорчаясь одновременно, а еще надеясь. Не люблю надежду: когда нужно, она прячется в туманной дали из «возможно» и «вдруг», в итоге оставляя наедине с реальностью.

Низкое «бум-бум» отзывалось эхом в голове, проникало в каждую клеточку тела, опьяняя и наполняя. Желание танцевать влекло на танцпол, становясь с каждой секундой лишь сильнее. Поймав ритм, девушка влилась в толпу. Люди, казалось, двигались как единый механизм, и ей остро захотелось стать если не колесиком, то хотя бы его винтиком. И она прыгала вместе со всеми, изгибалась змеей...

– Привет! – Тяжелая рука бесцеремонно обхватила за талию. Рывок – и девушку развернули. Парень в ослепительно белой майке прижался затынутыми в черную джинсу бедрами: – Я – Андрей.

– Мария, – отозвалась она, не спеша вырываться из дерзких рук.

Поразительно сильных, накачанных рук. Новый знакомый, видимо, не вылезал из спортзала целыми днями, надеясь превратить мышцы в стальные канаты.

До конца трека девушка танцевала с неожиданным партнером, с каждой секундой убеждаясь, что это их единственный танец, других не будет. Она любила инициативу и здоровую наглость, но боялась тех, кто не понимал слова «нет». А он не понимал: сколько не убирала его ладони со своей попы, они нахально возвращались обратно, да еще норовили забраться под тонкую кофточку.

Песня закончилась, ее терпение тоже.

– Куда же ты, Маша? – полетело вслед насмешливое.

Почему-то Андрей выпустил ее из своих объятий, хотя с легкостью мог удержать. Уверен, что далеко она не уйдет, просто ломается? Или опасается привлечь внимание охраны клуба? Сложно сказать, но девушка была рада его нерешительности.

– Я уйду. Вы со мной? – прокричала над ухом подруги.

Та, затянувшись дымом кальяна, покачала головой:

– Мы еще посидим, да, любимый?

Жених подружки, опрокинув в себя третью стопку из пяти, выставленных перед ним, кивнул.

Забрав сумочку и весенний плащ, наведалься в дамскую комнату. Оттуда вызвала такси.

А на выходе столкнулась с Андреем.

– Куда-то спешишь, Золушка? А туфельку мне оставишь? – дурачась, поинтересовался он.

– Ты не мой принц, – отбрила неосторожно.

– Что ж так? – Он схватил за руку, не позволяя прошмыгнуть мимо. – Рожей не вышел?

Невольно присмотрелась внимательней. Если бы не настырность, не наглая усмешка, кривившая губы, и не колючий взгляд, девушка продолжила бы знакомство. А так интуиция поставила крест на красавце.

– Вышел, – улыбнулась искренне. – Но не для меня.

Андрей снова отступился, но пошел за ней. И это уже напоминало преследование. Ничего, скоро она скроется от него на такси и забудет приставалу как дурной сон.

В области солнечного сплетения шевельнулась ледяным ежом тревога.

Отчего она разволновалась? Причин бояться нет. Кто ее здесь тронет? Пусть только попробуют – она готова применить магию, невзирая на штраф и плату чистильщикам.

Андрей догнал ее у барной стойки.

– Подожди, позволь мне угостить тебя!

– Не стоит.

– Пожалуйста, дай загладить вину, обычно я не веду себя так напористо.

Он не распускал руки в этот раз, что подкупило. Девушка не любила обижать людей и ненавидела конфликты, всегда стремясь договориться.

Но сейчас интуиция молила отказаться.

– Извини, я не пью алкогольные напитки.

– А неалкогольные? – Встав перед ней стеной, парень заглянул в глаза. – Для меня готовят эксклюзивный напиток, ты такой одна тут не получишь.

Коктейли порой опаснее чистой водки, когда их готовит незнакомый бармен.

– Хорошо, удиви экзотикой. Но только без алкоголя!

– Хочешь, поклянусь? Ни капли спиртного там не будет.

Взобравшись на высокий стул, девушка улыбнулась настороженному брюнету за стойкой – весь диалог с Андреем он не сводил с нее напряженного взгляда. Похоже, готовился спасать от кавалера, если она своими силами не справится.

– Как смена, Макс?

– Полный штиль, Мари. Такое ощущение, что народ пришел только танцевать.

– Вы знакомы? – ревниво поинтересовался Андрей.

И бармен поспешил ответить, опередив настроенную пошутить девушку:

– Да. Мария – моя кузина.

– Что же ты не рассказывал, что у тебя такая замечательная сестренка? – едва не промурлыкал Андрей.

К ее удивлению, Макс побледнел. Кадык нервно дернулся над черной бабочкой.

– Прости... я... я не думал...

Растерянность братца, с легкостью поднимающего автомобили одной рукой, открыла девушке глаза.

– Андрей, ты оборотень, как и Макс? – прямо спросила она, внутренне холодея. Ох, Ночь, только не вервольф!

Глаза нового знакомого загорелись интересом и скрытым торжеством:

– Да. А ты имеешь что-то против веров, ведьмочка?

– Нет. – На языке вертелось, что ее отец – тоже оборотень, но промолчала. Как бы хуже не сделать.

– Вот и отлично! – широко улыбнулся парень. – Макс, сделай Машеньке «Фиолетовую звезду».

Бармен уронил стакан. К счастью, толстый, для виски, и он не разбился.

– Как скажешь, Андрей...

На стойке возникли хайбол, весовое мороженое и бутылки с соком двух видов.

Таким потерянным балагура Макса девушка никогда не видела, и это натолкнуло на еще одно озарение:

– В стае Горобинских ты ведь не последний хвост?

Парень поморщился:

– Фу, как грубо о рангах.

– Я забыла, как у вас называется разделение власти.

– Власть не делится, стаей правят вожак и его сын, – снисходительно улыбнулся Андрей.

– А как же их помощники? Силач и умник?

– Ты правильно сказала – помощники, всего-навсего.

Наполняя хайбол мороженым, а затем ежевичным соком, Макс внимательно слушал разговор. И то, что он открыто нервничал, Марии не нравилось.

– Ты так говоришь, будто имеешь право отзываться о силаче и умнике свысока.

– В точку, детка! – Наклонившись, Андрей интимно прошептал, почти касаясь губами девичьего уха: – Потому что я с детства знаю, где чье место в стае. И мое – на самой вершине.

Горобинский... Андрей Горобинский... Вздорный, хамоватый, эгоистичный тип. Вот так повезло встретить на нейтральной территории печально известного оборотня!

– Угощайся, куколка.

Он придвинул коктейль и громко выдохнул, когда девушка обхватила губами кислотно-фиолетовую трубочку. Озабоченный волчара...

Чудом не подавившись, сделала пару глотков. Ничего особенного в «Фиолетовой звезде» нет. Основа – ванильное мороженое, ежевичный сок давал лиловый цвет, а грейпфрутовый – приятную горчинку.

– Спасибо, вкусно. Мне пора.

– Ладно, до встречи, Машенька.

Разве что в другой жизни...

Как ни странно, Горобинский ее не остановил.

Легкий испуг прошел. И у выхода музыка вновь позвала за собой. Захотелось томно повести плечом, сбрасывая ремешок сумочки, снять и отшвырнуть в сторону плащ... И ворваться вихрем в толпу разгоряченных тел.

С усилием заставила себя открыть дверь. Прочь! Прочь от искушений! Ей рано вставать, да и родители небось еще не ложились, ожидая гуляку-дочь.

На улице девушка вдохнула холодный апрельский воздух полной грудью в надежде, что легкая дезориентация пройдет. Когда поплыли предметы вокруг? И почему, если не пила ничего крепче сока?..

Качнуло в сторону. Предательские шпильки... Вместо кирпичной стены клуба ладонь наткнулась на горячее плечо.

– Тихо-тихо, детка.

– Андрей?..

– Да, моя ведьмочка. Решил проводить тебя, красивая девушка не должна добираться домой в одиночестве.

Он настойчиво подталкивал ее в сторону стоянки, противоположную той, куда должно приехать такси.

– Я сама... доберусь... домой... – Слова, тяжелые, словно гири, приходилось выталкивать из себя.

– Нет, я не могу оставить девушку посреди ночного города. А вдруг прицепится какой-нибудь урод?

Хотелось сказать, что здесь только один урод, – он сам. Но язык больше не слушался свою хозяйку. Тяжелые веки норовили закрыться. Чувство расслабленности сменила тягучая, отупляющая сонливость.

Звук остановившегося рядом авто заставил встряхнуться. Из последних сил Мария оттолкнула парня:

– Отпусти, я вызвала такси...

– Считай, что оно задержалось в пути, – гоготнул он и схватил за плечи.

Когда ее втолкнули в нутро черного джипа, Мария вдруг вспомнила, что может кричать. Но Андрей быстро накрыл ей рот рукой, а потом поцеловал. Целовал алчно, будто мечтал поглотить ее всю.

– Эй-эй! Притормози, мы так не договаривались! – раздался женский голос со стороны сиденья водителя. – Андрей, хватит! Потерпи до дома!

– Алька, ревнуешь? – хмыкнул вервольф, слегка прикусывая кожу на шее похищенной девушки, беспомощно распластанной на сиденье.

– Окстись! Задрал чудить!

– Не бойся, Аль, я сегодня буду приличным мальчиком. Ну почти...

Горобинский устроил магичку удобнее, тем не менее не прекращая ее обнимать. Дрожа, та сама уже тянулась за поцелуями.

А как не целовать того, кто ближе и родней всех на свете? самого любимого и желанного? самого дорогого и ненаглядного?..

Не слушая ворчания девицы за рулем, Горобинский принялся осыпать поцелуями свою новую игрушку.

А когда она застонала особенно соблазнительно, вгрызся в плечо. Короткий вскрик – его ладонь накрыла ее губы, глуша вопль боли. Кровь на бежевую кожу сиденья не попала – вер собрал ее языком до капли, пока зализывал нанесенную рану.

Девушка-водитель зло ругалась, не выбирая слов, а парень, сидящий рядом с ней, тихо спросил:

– Зачем ты обратил ее здесь? Не мог подождать?

Андрей весело рассмеялся:

– Не мог, потому что дома точно не удержался бы от соблазна, а магички, как и люди, хрупкие. Потерплю, пока пройдет через превращение, не хочу нежничать.

Хрипы под его ладонью стихли. Девушка потеряла сознание...

...А я проснулась.

Сон... Сон! Это сон, демон его раздери!

Но такой реалистичный... Красочный и подробный до жути. То, что превратило счастливую жизнь в ранящие осколки воспоминаний, произошло на самом деле.

С одним маленьким уточнением. Девушка, похищенная Горобинским и укушенная прямо в авто, – это я.

В который раз вижу во сне события будто со стороны. Неужели таким образом подсознание пытается защитить, отгородившись от случившегося? Это хорошо или плохо? Наверное, второе. Я бегу от действительности, отталкиваю прошлое. Я повторяю себе вновь и вновь: «ЭТО НЕ МОГЛО ПРОИЗОЙТИ СО МНОЙ».

Увы, никто не застрахован от ужасного. Сколько ни обманывай себя, а прошлое не переписать. Оно случилось. И его надо принять и постараться, чтобы оно не омрачало настоящее.

Меня опоили «Фиолетовой звездой», похитили и укусили...

Нет, не так. Вначале меня предали. Родная кровь! Макс недрогнувшей рукой подлил в коктейль разработку шизанутого ученого Полуночи Иниго Веласкеса, называемого чаще Алхимиком. Подавляя волю, напиток вселил чувство доверия к ближайшему мужчине, а затем и всепоглощающее желание. Говорят, Алхимик пытался создать уникальное приворотное зелье, успешно дурманящее и людей, и полуночников. Думаю, ему это удалось.

До этого я не слышала о «Фиолетовой звезде», потому что никогда не интересовалась противозаконными вещами. У меня была замечательная жизнь, зачем мне неприятности? Да я даже

в клубы ночные ходили изредка, после долгих уговоров друзей!

Ну почему, почему на пути Горобинского повстречалась я? За какие грехи? Что он увидел во мне такого, что не побоялся конфликта между стаей и Советом магов Кривогорска? Хотя такие конфликты на неподконтрольной какой-либо стае территории рассматриваются долго. Ничейные земли, кому за них держать ответ? Нарушителю? Ха-ха, смешно. Влиятельный папочка всегда прикроет безобразничающего наследника...

Приняв душ, записала сон в дневник.

Я никому не рассказывала, как попалась. Стыдно признаваться, что липла к Горобинскому, пускай и под действием туманящего разум зелья. И мне тогда очень повезло, что он решил подождать полной трансформации, а не набросился сразу в машине, при друзьях... Секс под дурманящим веществом – самый циничный вид изнасилования, ведь жертву лишают даже возможности сопротивляться.

Я долго ворочалась с боку на бок, не в силах задремать.

Говорят, бессонница – признак нечистой совести. Мне же сдается, что она следствие желания вновь и вновь мысленно проигрывать случившееся в поисках правильного решения.

Уснула я только под утро, к счастью, без кошмаров.

Глава 3

Проклятчик

После завтрака мы с Дашей подошли к повару.

– Что случилось, девочки? Вам не понравился завтрак? – забеспокоился он.

– Нет-нет, он вышел отличный – пальчики оближешь!

Для усыпления бдительности я красочно поблагодарила за вкусную кашу и домашние колбаски, а когда повар растаял от комплиментов, поинтересовалась:

– Ким, а вы быстро готовите?

Азиат снисходительно хмыкнул:

– Сварить суп успею и за полчаса.

– Отлично, – улыбнулась я. – Пойдем, Даша!

И под удивленными взглядами повара и домохозяйки мы покинули столовую. Отмерев, Ким У Хон бросился вдогонку и заскочил на кухню спустя пару секунд после нас:

– Что вы здесь будете делать? Я не люблю посторонних на своем рабочем месте!

– Так дочь хозяина дома вроде и не посторонняя? – невинно хлопнула ресницами я. – Разве вы откажете Даше в такой малости? Тем более что мы не будем мешать выполнять ваши обязанности – готовите обед вы быстро!

Смуглолицый повар кисло улыбнулся:

– Хорошо, оставайтесь. Только скажите, что задумали?

– Будем варить тесто для лепки.

– Ладно, только убирать после вас я не буду.

– Не переживайте, мы аккуратно.

Ким скривился и сел на стул в уголке. Судя по всему, наша затея вызывала у него отвращение, и помогать в поисках нужных продуктов он не собирался. Ну и ладно. Я оборотень с острым нюхом, должна справиться.

Однако что-либо вынюхивать не довелось: в царстве повара царил порядок.

Сама кухня также приятно радовала глаз чистотой и новой мебелью из дуба. Массивный стол на толстых ножках занимал значительную часть помещения, тем не менее места для маневров оставалось предостаточно. Вольский не поскупился на современное оборудование для самого требовательного повара. Только немного удивило, что у Кима было две печи: обычная электрическая и со стеклокерамической поверхностью. Но кулинарному гению виднее, сколько ему надо и чего.

Мука, соль, лимонная кислота и растительное масло нашлись без труда, воду я набрала из-под крана. Из него, кстати, бежала вода из артезианской скважины, что меня несказанно радовало: после обращения вкус стал взыскательным.

«Откуда ты знаешь рецепт? – поинтересовалась сегодня на редкость молчаливая девочка. – У тебя есть дети?»

– Нет, Даш, пока нет, – ответила вслух. – Как делать тесто для лепки, узнала от подруги, любительницы всего небанального. Финансы позволяют ей покупать что угодно, чтобы баловать ребенка, но она убеждена, что игрушка, сделанная маминими руками, гораздо лучше магазинной.

«И она права...»

Девочка вмиг поскучилась. Я, не сдержав порыв, одной рукой мешая тесто в кастрюле, другой обняла ее за плечи. До слез жаль ребенка, оставленного родной матерью. Сложно поверить, что такое случается. Что существуют женщины, у которых не ноет сердце из-за содеянного...

«Миа! Уже пригорает!» – всполошилась малая.

Задумавшись, и впрямь не обратила внимание, что тесто поменяло цвет картофельного пюре на желтый.

– Ой! Надеюсь, обойдется и лепить мы из него сможем.

Ким, шумно потянув носом, вышел из кухни. Нервный какой...

Разделив тесто на несколько шариков, принялась искать пищевые красители. У азиата они точно есть – тому подтверждение пирожные с разноцветными цветочками, которые он готовил почти каждый день.

– Как думаешь, где красители?

«Может, там, где сахар и специи?» – предположил умный ребенок.

И угадал – какие-то крохотные бутылочки стояли на третьей полке навесного шкафа, рядом с баночками побольше для молотого перца, корицы и лаврового листа.

С моим средним ростом дотянуться туда не получилось, пришлось встать на стул.

Флакончиков по десять миллилитров было множество.

– Даш, какие цвета брать? Три основных? Или не будем возиться со смешиванием?

«Миа, основные – это какие?»

Захотелось выругаться. Девочка в таком возрасте не знает элементарного! Занималась с ней предыдущая няня или так, для галочки, создавала видимость работы?

– Три основных – красный, желтый, синий. Смешивая их, мы можем нарисовать радугу.

Рассказывая, я искала порошковые красители, потому как жидкие сильнее мазали руки. Увы, Ким пользовался только вторыми.

– Миамина! Зачем вы выгнали Кима и подожгли кухню?! Да еще тут Дарья!

Испугавшись резкого стука двери о стену, я покачулась. И где хваленое равновесие обратной?!

От падения спас Вольский:

– Осторожно!

Почуввав мужские руки на филее, волчица внутри насторожилась. И расслабилась, когда поняла, кто посягнул на ее тылы.

Ох, демон, у меня раздвоение личности... И слабость к хладнокровному колдуну с ледяными глазами. Слабо верится, что проскакивающая между нами искра – не плод моего воображения. Вот я попала!

– Спасибо, что не дали упасть. – Чуть развернувшись в кольце рук, я смотрела сверху вниз на Александра и понимала, что он страшнее Горобинского. Ведь оборотень, пугая, заставил сердце замирать от ужаса, а маг одним только взглядом заставил его биться в сумасшедшем темпе. – А теперь отпустите меня, я уже твердо держусь на ногах.

– Вы уверены в этом? – заломил светлую бровь Вольский.

Но все же отступил на шаг назад, само собой, больше не придерживая, а еще протянул руку. Я прыгнула со стула, держась за твердую мужскую ладонь.

В голове молнией промелькнула картинка: я спотыкаюсь на ровном месте, налетаю на Вольского, и он меня страстно целует. Уфф... Какая яркая фантазия, точно не моя!

Мысленно шикнула на волчицу... и споткнулась. В мага полетел пузырек с красителем. К счастью, не раскрылся.

– Извините...

– Ничего страшного.

Встретившись с ним взглядом, застыла на месте. Серые глаза, такие выразительные, манили силой, обещая защиту и покой. Захотелось прижаться к широкой груди, всплакнуть... Чтобы обнял, погладил по голове. Чтобы спросил, в чем дело. И внимательно выслушал рассказ о проблемах. Ох, о проблемах? А ведь Вольский – тоже проблема! Ну не нужно мне новое увлечение! Не тогда, когда

я в бегах. Вдобавок у него своих бед предостаточно, зачем ему еще мои?

«А я уже могу лепить фигурки?»

Нетерпеливый вопрос девочки стал моим спасением от наваждения. Вроде бы не слишком громко думала о ее отце? Так, на уровне смутных образов, а не мыслеречи? Судя по спокойному выражению личика, я не опозорилась.

– Даш, потерпи чуточку, я добавлю красители.

– О, так вы здесь тесто для лепки делали? – удивился маг. – И что, у вас получилось? Из него можно лепить?

Мне стало смешно:

– Хотите попробовать?

– А давайте! Вспомню детство. Не представляете, каких можно сделать монстров из теста для бабушкиных пирогов.

Через четверть часа у заглянувшего к нам Кима вытянулось лицо. Он прикипел взглядом к чудищу, которое лепил его работодатель. Шесть лап, прикрепленных к пузатенькому вытянутому тельцу, узкая морда и глаза навыкате. Последние весьма примечательны – три пары, здоровенные и разноцветные. М-да, мужчины любят жутких зверушек...

Повар ушел, ничего не сказав. А я сделала вывод: не такой уж и ледяной господин Вольский, раз не постеснялся принять участие в детских забавах.

Август активно вытягивал из природы соки – жара стояла невыносимая.

Разморенная Дарья без уговоров отправилась спать. Ее отец закрылся в своем кабинете, Лиза, Вася и Ким растворились в воздухе, словно призраки. Не то чтобы я хотела общения, просто...

Ой, зачем врать! Мне не доставало разговоров с друзьями, наших субботних посиделок перед экраном телевизора. Обычно мы практически не смотрели фильмы, а под орешки и семечки делились впечатлениями о прошедшей неделе. Чаше приходили ко мне – отец с характерной для оборотней тягой к простору и монументальности построил большой дом.

И сейчас мне так не хватало дружеского участия... Моих подруг, Нади и Вики. Даже Ника Никовича не хватало. Ох, если бы не он! Мне повезло, что и после завершения учебы не потеряла с ним связь, иначе Горобинский быстро отыскал бы меня в моем родном городе, где прошло обращение. А так, сбежав с турбазы стаи, я первым делом поспешила не к родителям, а к куратору. Именно он раскрыл глаза на ситуацию. Объяснил, что отец тут бессилен и тем более не поможет папин друг Владлен Булатов. Потому что у него, у вожака Северной стаи, тоже больше свободных волков, чем волчиц.

Но главное, есть особенный сын Кирилл, обладающий зачатками магии. Или не зачатками, Ник Никович объяснял путано тогда. Я уловила главное: Владлен Булатов обязательно навязал бы своего наследника мне в мужья. Со слов куратора, Кирилл – тот еще мерзавец, страшнее Андрея Горобинского.

Впрочем, я и сама уже знала, какие сыночки у вожаков. Нет, хватит с меня «золотых волчат», то есть мажоров-полуночников...

Минут через десять, после того как закрыла дневник, проснулась Дарья. И дальше день пошел по расписанию: легкий полдник, прогулка в саду. Перед ужином девочка попросила поиграть в прятки, и я не видела причины ей отказывать.

Первой пряталась я. Помня, что дети легко теряют к забавам интерес, если его не подогревать, специально спряталась так, чтобы малышка быстро нашла. Когда настал ее черед, решила, что буду искать, не подключая обоняние, которое, естественно, во много раз тоньше человеческого.

Договорились, что прячемся на первом этаже, и вот я уже обошла его почти весь, а девочка как сквозь землю провалилась. Остались кухня и несколько подсобных помещений, где не смотрела. На территорию Кима решила заглянуть в последнюю очередь, поэтому пошла в сторону прачечной.

Когда Вольский показывал дом, он обделил вниманием только одну комнату на первом этаже. И я бы прошла мимо, проигнорировав приоткрытую дверь, если бы не розовый заяц, который хорошо просматривался сквозь щель. Что делает здесь игрушка Даши?..

Первым делом вспомнилась сказка «Синяя борода». Там тоже была закрытая комната, которую хозяин дома не показал героине. И что из этого вышло, знает каждый, кто читал творение Шарля Перро.

Отогнав глупые мысли, толкнула дверь и оказалась в музее. Нет, правда! В самом настоящем музее!

Окон не было, но с потолка лился неяркий электрический свет.

Я постояла несколько секунд, привыкая к открывшемуся зрелищу: глаза разбежались при виде книг и ювелирных украшений в витринах, картин и оружия на стенах. Еще были две статуи и гроб. Точнее, если не ошибаюсь, египетский саркофаг.

Отмерев и прихватив с собой игрушку, я медленно побрела вдоль правой стены, надолго застывая у накрытых стеклом экспонатов.

Зная о роде деятельности Вольского, нетрудно догадаться, что это. Проклятые объекты. Легче всего проклясть именно вещь, которую щадит время, – предметы искусства, оружие и драгоценности.

Особенно долго хотелось рассматривать ожерелье из желтых топазов. Красивое, загадочно мерцающее в мягком свете, оно просилось в руки. Протянув над ним ладонь, почувствовала колкое тепло, словно руку держишь над костром: и приятно, и вот-вот обожжет...

– Нравится?

Вздвогнув, обернулась.

– Колье соблазнителя, не знающего поражений. – Голос Вольского избавил от наваждения. – Ни одна женщина не устояла, когда ей предлагали примерить его, а затем приглашали в спальню.

Глядя на владельца жутковатой сокровищницы, покачала головой:

– Нет, оно мне не нравится. Ни капельки.

Вольский стоял, упершись плечом в косяк двери, будто уже давно наблюдал за мной. А что, если так и есть? В последнее время сама не своя, к тому же не воспринимаю его как врага, поэтому могла не почувствовать чужого присутствия. От этой мысли стало немного не по себе. А еще представила, как выглядит мое проникновение в музей без спроса. Что мама сделала бы с незваными гостями в своей мастерской, полной дорогих заготовок? Как минимум накричала бы.

– Извините, что зашла сюда, я искала Дашу, а дверь была открыта.

– Если колье не привлекает, выходит, от магического дара у вас остался иммунитет к некоторым враждебным чарам. – Александр пропустил мимо ушей мою попытку оправдаться. – Цените это.

Я дорожила тем, что осталось от способностей магички, действительно дорожила. И Вольский даже представить себе не мог, насколько сильно.

– В чем суть проклятия, наложенного на колье? В страсти, затмевающей разум женщины?

– Нет, проклятие рассчитано на мужчину, хозяина ожерелья. Пока топазы у него, он не может остановиться – все ищет удовольствия, даже если искренне полюбит. Само собой, его жена недовольна любвеобильностью супруга и, доведенная до отчаяния, совершает непоправимое.

Это он о самоубийстве? Бедные женщины. Как несправедливо, что именно им расплачиваться за чужой грех, чужое проклятие.

– И много пострадавших на счету украшения?

– Три поколения одного рода и два – другого. Сколько сломанных судеб случайных жертв – не счесть. И только последний владелец колье прислушался к совету друга и показал его специалисту по проклятиям, хоть в душе и считал меня шарлатаном и не верил в мистику.

– О! Так топазами владели обычные люди?

– Да, полуночники давно сообразили бы, что у камней не только полезные качества, помогающие соблазнять, но и побочный эффект в виде повышенной смертности жен.

– А как украшение оказалось у вас?

– Последний хозяин даже после снятия проклятия не захотел, чтобы оно оставалось в доме. Продать не позволила совесть, и я получил его в довесок к гонорару.

– Мумию тоже? – Кивком головы указала на саркофаг.

– Нет, – усмехнулся колдун. – Ее я украл.

– О... – Что еще сказать на провокационное заявление, я не знала.

Вольский же провел рукой по каменной крышке, смахивая легкий слой пыли. Ее стирали нечасто, видимо, но все же здесь убирались время от времени.

– Вы не представляете, Миамина, сколько интересного недоступно глазам обычных посетителей музеев, сколько удивительных вещей хранится в запасниках.

– И опасных?

– Разумеется. И останки неизвестного царедворца времен фараона Псусеннеса Первого в их числе.

– А как можно украсть из музея подобную махину?

Вольский посмотрел на меня и щелкнул пальцами: саркофаг, весящий, наверное, тонну, взмыл в воздух.

– Снимаю вопрос как глупый. Вместо него задаю другой: зачем выдаете себя за бессильного?

Брови колдуна взлетели на лоб, и я вновь устыдилась собственной недогадливости. Наверняка для того, чтобы враги расслабились и угодили в западню.

– Все, поняла, и на этот вопрос легко можно найти ответ... Поэтому задам третий.

Вольский кивнул, поощряя.

– Почему допустили, чтобы я догадалась об игре в выгорание? Вы не похожи на доверчивого человека.

Он молчал несколько секунд, я успела отругать себя за любопытство и поверить, что не получу ответ.

– Ник – друг детства, и он редко ошибается в людях. Вас он охарактеризовал как стоящую доверия, ответственную девушку. К тому же, зная магию не понаслышке, вы легко бы поймали меня на мелочах, не так ли?

Пожала плечами. Увы, я не всегда наблюдательна: погрузившись в свои проблемы, редко вижу то, что происходит практически под носом.

– Работая с предметами, часто заклятыми на смерть, я научился осторожности. Поэтому никогда не открываю посылки, не проверив их на вредоносную магию. Удивляет, что бывшая супруга не подумала об этом...

– Мама Даши?! – перебила я в шоке. – Мама Даши хотела, чтобы вы выгорели?.. Почему?!

– Чтобы вернуть дочь. Ксения, когда уходила, была вся в любви, эмоции захлестывали, и она даже не пыталась договориться, как нам воспитывать Дашу. Сложилось впечатление, что дочь, как и прошлое, она с легкостью вычеркивает из жизни и памяти. Спустя время она опомнилась, и подозреваю, что на это повлияли открывшиеся способности Даши.

Чтобы услышать горечь в голосе хозяина дома, не нужно быть оборотнем. Вольского задевал фактор корысти в стремлениях бывшей. И я его понимала, на себе прочувствовав, каково это, когда интересна не ты как личность, а то, что можно получить благодаря тебе. Ксения была вдвойне бессовестной: она желала получить выгоду и с дочери, и с некогда любимого мужчины.

– Хотите, я устрою вам экскурсию? – Маг обвел рукой комнату.

– Могли не спрашивать! Хочу.

Почти полчаса Вольский рассказывал о своих трофеях, о сути их проклятий и о том, как они к нему попали. Чего только у него не было! Книга, после прочтения последней страницы которой человек годами видел кошмары. «Живая» картина, запечатлевшая кусочек души своего сумасшедшего автора, любителя душить молоденьких натурщиц. Бриллиантовая брошь, которая подталкивала свою хозяйку к адюльтеру, а затем мстила, протыкая ей сердце иглой...

Но, как мне показалось, самой страшной из коллекции была мумия. А все потому, что для активации проклятия требовалось выполнение нехитрого условия: находиться рядом с ней в течение часа. Лишь после пятого сотрудника, угодившего под машину, директор музея пригласил

специалиста по паранормальным явлениям. И тот подтвердил, что смертельная неудача заразна и ее источник лежит в саркофаге.

– Кстати, сколько прошло времени, с тех пор как вы сюда зашли? – опомнился вдруг Вольский.

Внутренне похолодев, недоверчиво на него посмотрела:

– Хотите сказать, проклятие до сих пор активно?

– Ну а зачем бы я забирал мумию из музея?.. Ее нельзя очистить.

Я рванула к выходу, Вольский – за мной. И только в коридоре, сдерживая смех, он покался:

– Простите... я пошутил, не удержался от соблазна, видя ваше серьезное лицо.

Я открыла рот, чтобы сказать пару ласковых... как вдруг поняла, что едва ли не впервые в его глазах нет льда. Он улыбался! Искренне, открыто улыбался.

Глядя в серые, искрящиеся весельем глаза мага, покачала головой:

– Я не обижаюсь, шутка забавная. Спасибо за экскурсию, она получилась увлекательной.

– И вам спасибо за отзывчивость, приятно, когда слушают с неподдельным интересом.

Мы смотрели друг на друга и улыбались непонятно чему. Как замороженные. Во всяком случае, я точно: на несколько мгновений время остановилось. В мире существовал только один мужчина и его согревающая душу улыбка.

И поэтому приближение Лизы услышала раньше мага, но недопустимо поздно для оборотня.

– Александр, я могу накрывать на стол?

Меня домоправительница намеренно игнорировала, а вот Вольского сверлила удивленно-раздраженным взглядом. И в нем явно читался вопрос: «А что вы тут делали?»

– У вас есть график, Лиза, мое разрешение вам не требуется, – холодно ответил маг и, указав мне рукой вперед, произнес: – Пойдемте, Миамина.

И я пошла. Сзади сопела недовольная домоправительница, чуть дальше шагал хозяин дома.

Когда проходили мимо кухни, дверь распахнулась, выпуская Дашу, жующую рогалик. Я верила, что подопечная не жульничает и затаилась, как и договаривались, на первом этаже, но все-таки надеялась, что она выбрала не территорию моего «врага», – боюсь, повар им стал после варки теста, – а какую-нибудь кладовку. Коварная девчонка...

«Зайка! Спасибо, что нашла его, Миа!»

– Не за что, – улыбнулась я, отдавая Дарье ее пушистого любимца.

Интересно, как он оказался на пороге домашнего музея? Это не то место, куда можно заходить маленьким девочкам. Да и не могла дверь быть открытой просто так. Похоже, я расслабилась и попала в элементарную ловушку. Кто знает, во что вылилось бы для меня посещение музея без разрешения, будь на месте Вольского другой маг? Подозрительный и менее сдержанный? Скорее всего я бы уже собирала вещи.

Во время ужина, на котором присутствовали все, кто жил в доме Вольского, ситуация с незапертым музеем немного прояснилась.

– Лиза, верните ключ Василию, – спокойно произнес маг, разрезая отбивную.

Девушка молча достала ключ из кармана узких брючек и протянула шоферу. Тот, сначала побелев, затем покраснев, виновато посмотрел на работодателя:

– Александр, я...

– Ты не будешь оставлять ключ без присмотра, – закончил за него Вольский и поднялся из-за стола. – Лиза, принесите кофе в мой кабинет через полчаса.

Тишину после его ухода нарушал только стук вилок о тарелки. Этот показательный уход сказался на настроении присутствующих сильнее, чем если бы Вольский накричал. Я не могла до конца разгадать его характер и стиль общения с подчиненными. Его не боялись, нет. Они не хотели его

разочаровать, что ли? Похоже на то.

И только Дарья безмятежно размазывала фруктовое пюре по стенкам креманки ложкой, будто не видя растерянности на лицах взрослых. Хотя как ментал наверняка чувствовала подавленность, невзирая на защитные амулеты, надетые на персонал.

– Спасибо, Ким, ужин потрясающий.

Азиат скупое мне улыбнулся.

– Пойдем, Даш, причешем твоих кукол перед сном.

– Миамина, подождите, – остановил меня тихий голос Лизы.

– Что?

– Отнесите кофе Вольскому. – Она смотрела на меня умоляюще. – Пожалуйста... А я побуду с Дашей.

Очередная ловушка? Нет уж, хватит с меня подстав!

– Он попросил это сделать вас.

– Миа, я очень прошу, отнесите в знак заключения перемирия. – Теперь экономка смотрела с вызовом.

Ну-ну, не на ту напала, я не поведусь на такой примитивный прием. Еще бы попыталась на «слабо» взять.

– Я с вами не воевала, перемирие заключать незачем. Идем, Даша.

Спустя пару часов я пожалела, что не отнесла кофе Вольскому. У меня был шанс побыть с ним рядом, поговорить, а я отказалась от подвернувшейся возможности. Почему? Смогла ответить на этот вопрос лишь в три часа ночи – все это время не спала, беспокойно ворочаясь.

Пора признаться: я боюсь. Боюсь симпатизировать тому, кто нравится моей волчице. Приобретенная сущность – по сути животное, которое благоговееет перед тем, кто сильнее. В данный момент сильнейший из мужчин в радиусе нескольких километров – это Вольский.

А что будет, если появится кто-то более могущественный? К примеру, вервольф из стаи Горобинских? Что тогда? Моя волчица будет крутить хвостом перед ним, позабыв о маге?

Знаю, что веры – однолюбые. Но ими они становятся, когда встречают половинку своего сердца, а до тех пор не сильно утруждают себя моралью и верностью в отношениях.

А я не хочу так... Боюсь... И в первую очередь – себя. Что потеряю право выбора, что влюбленность превратится во влечение, вызванное физиологическими особенностями.

Я не святая, но на парней никогда не бросалась, как того добивается новая сущность, подталкивая к магу. И пускай неоднократно принимала за любовь симпатию, но я искренне тогда думала, что любила.

Теперь же есть риск нарваться даже не на влюбленность, а на примитивное влечение, которое неосознанно испытывает самка к сильному и здоровому самцу. А я – демон раздери Горобинских! – человек, чтобы идти на поводу у инстинктов.

Уверена, мне стало бы легче, понимай я, как поведет себя волчица в обществе других оборотней. Но, увы, я сделала ноги от Андрея, полностью не восстановившись и не разобравшись в себе новой, сразу, едва появилась возможность бежать. И вот теперь возникла проблема: как выяснить, кем для меня является маг? Потенциальным спутником жизни? Или всего-навсего самым сильным самцом поблизости?

Голова пухла от вопросов, не позволяя забыться сном. Я отлично понимала, что не время заниматься личной жизнью, – сейчас бы просто выжить и сохранить независимость от обратившего меня вервольфа. Но эмоции жестоки в своей нелогичности, им не докажешь, что они сейчас лишние, и не попросишь, чтобы напомнили о себе позже.

Повздыхав, решила приманить сон на усталость, ведь дурь легче выбивать из головы работой или физическими упражнениями.

Натянув неприлично короткие шорты и топ, – все равно меня никто не увидит – отправилась в спортзал. За пять дней в гостях у Вольского заходила туда однажды, когда он проводил экскурсию.

Помню, там точно есть беговая дорожка, орбитрек и гребной тренажер...

...а еще блочная рама-кроссвер. И ее уже занял маг.

Он тренировал бицепсы сразу двух рук, стоя к входу спиной. Вид Вольского в темно-синих брифах подорвал мое хрупкое самообладание окончательно. Когда маг сводил руки к голове, тросы натягивались, а вместе с ними – и мои нервы.

Не вспомню сейчас зрелища волнительнее, чем напрягающиеся мышцы тела, покрытого ровным золотистым загаром. Треугольная спина с широкими плечами манила, звала, обещая защиту от всего мира. Подойти, обнять, прижаться щекой... Затем поцелуями провести линию вдоль позвоночника, обвести языком каждый позвонок...

Ох, демон! Да я же такой озабоченной сроду не была! Можно подумать, меня покусал не оборотень, а инкуб!

Оторвать взгляд от потрясающей фигуры у тренажера сравнимо с подвигом. А я не героиня и потому попятилась, запоминая, пожирая взглядом мужчину, не подозревающего о том, что за ним подсматривают.

Оказавшись за дверью, стряхнула с себя наваждение. Ну почти стряхнула – стояла у стены с минуту точно, сражаясь с желанием вернуться в спортзал.

Бедный маг... Он и не догадывается, что чудом избежал сексуальных домогательств.

Что делать? Ночь, что делать? В душ? Нет, не поможет! Хотя холодненькое не помешает.

Ускорив шаг, почти вбежала в кухню. Благодаря лунному свету, проникающему сквозь окно, отыскала, как включить лампу дневного света над печками.

Обнаружив в холодильнике бутылку ледяной минералки без газа, сорвала, а не открутила крышку. Пила большими глотками, не обращая внимания на занывшие от холода зубы. Водичка остудила пыл, почти остудила.

Чем бы еще отвлечься от застывшего перед глазами видения? О, лимоны!..

Цапнув один солнечный цитрус из вазы, откусила добрую четверть с кожурой, не помыв, все равно микробов можно не бояться. Нёбо и язык словно обожгло – слезы брызнули из глаз. Кислющий сок за секунды привел в чувство. Меня тянуло к Вольскому? Ха! Сейчас тянет только запить неповторимый вкус лимона!

Третьим глотком минералки поперхнулась – объект моих грез вошел в комнату.

– Миа?! – Подскочив ко мне, он похлопал по спине, возвращая возможность дышать. – Что же вы так неосторожно?

– Случайно, – промямлила, признаваясь в очевидном, чтобы заполнить пустоту. Ох, рядом с ним я определенно глупею...

– Плохая случайность, – серьезно заметил Вольский. Перегнувшись через разделочный стол, потянулся за бумажными полотенцами, оставленными на краю мойки. Отдав парочку листов мне, добавил: – Будьте внимательнее.

Промокнув облитый минералкой топ в области груди, почувствовала, как краснею от понимания, что он наблюдает за мной. Невольно отодвинулась на шаг, вызвав у мага чуть слышное хмыканье. Подняла голову – и пропала, утонув в серебре его глаз.

На меня еще никто не смотрел настолько голодным взглядом...

– Любите?..

– А? – с трудом вернулась к реальности. – Простите, не услышала вопрос.

– Любите кислое? – терпеливо повторил Вольский и внезапно провел пальцем возле уголка моего рта. – Кусочек цедры остался.

В горле пересохло. Ночь. Слабо освещенная кухня. Полуголый мужчина и влюбляющаяся в него со скоростью света женщина. Опасная комбинация, не так ли?

Мысленно отвесила себе оплеуху и, схватив со столешницы лимон, откусила новый кусок:

– Обожаю цитрусовые! – Быстро прожевав, добавила: – Простите, что сразу не поблагодарила...

Спасибо, что спасли мне жизнь!

Маг скрестил руки на груди:

– Не преувеличивайте, оборотня не убить капелькой воды.

Все мои нежные чувства и благодарность как рукой сняло. Какая я наивная! Он ни на секунду не забывал, кто я такая.

Ну почему, почему меня обратили?! Останься я магичкой, все было бы совсем по-другому. Красивые ухаживания, долгие разговоры, совместная отработка некоторых заклинаний... Я бы попросила научить «Оку Перуна»... А сейчас только влечение неясной природы, и я знаю, что маги побаиваются оборотней, а некоторые даже не уважают.

Эх, грусть-печаль какая... Упущенные возможности, как старая мозоль, напоминают о себе внезапно, причиняя нестерпимую боль. Хоть отправляйся в лес да жалуйся луне на судьбу...

– Еще раз спасибо, Александр. Скоро вставать, я пойду.

– Спокойной ночи, – обронил вдогонку маг невесело.

Действительно ли у него тоже испортилось настроение? Или мне просто этого так хотелось, что начало чудиться желаемое?

Нужно ли говорить, что спокойные сны мне не снились?

Глава 4

Перемирие

Утром Вольский неожиданно уехал, никому не назвав даже приблизительную дату своего возвращения.

Для Даши это также стало неприятным сюрпризом. Она крепилась, провожая отца до машины, а вот когда ворота закрылись, упала на газон лицом в траву.

«Папа, папа... – мысленно повторяла она, заливаясь слезами. – Папа, папочка!..»

– Даша! Нельзя же так! Он скоро вернется!

«А если нет? Пропадет, как мама?»

– Даша, успокойся! Он скоро приедет!

«Нет... он обещал отвезти в зоопарк на день рождения, а сам уехал...»

– Глупости какие! У тебя разве сегодня день рождения?

Я попыталась поднять девочку за руки, но она обмякла, растеклась по газону растаявшим на солнце пластилином. Впрочем, даже так я бы легко занесла ее в дом, но как бы не усугубить ситуацию проявлением силы.

Всхлипы и мысленные крики лишали самообладания и Лизу, и меня. И если скривившаяся экономка почти сразу сбежала в дом, то я растерялась.

Как успокаивать истеричек, я знала: пощечина или холодная вода на голову быстро приводят в чувство. А что делать с маленькой крикуньей? Да еще менталом, который не контролирует влияние своих эмоций на окружающих? Я не позволяла себе окунуться в чужое отчаяние, мысленно твердя, что оно не мое. Но чувствовала, что еще чуть-чуть – и буду плакать рядом с девочкой.

Оглянувшись на дом – Ким с Лизой не спешили мне на помощь. Предатели!

– Значит, зоопарк любишь? Весь не обещаю, а одного зверя показать могу. Только не пугайся, ладно?

Дарья услышала – перевернулась на бок и, убрав ручки от лица, удивленно воззрилась на меня:

«Не пугаться? Кого, Миа?»

– Жди, сейчас увидишь.

Я бросилась к лабиринту из ароматной туи, на ходу развязывая пояс белого шифонового платья. Не забираясь далеко, благо зеленые стены были выше меня, быстро стянула одежду. Упав на колени, выровняла дыхание.

Глубокий вдох. Выдох. И снова вдох... Звездное небо перед глазами. И полная луна в ореоле холодного серебристого сияния...

Хруст костей. Боль прострелила позвоночник. Отозвалась в макушке. Ударил в кончики пальцев. И растеклась по всему телу. Кожа горела, плавясь на медленном огне моего личного ада.

Я не кричала – только прокусила губу удлинившимися клыками.

Истинные оборотни, рожденные с двумя ипостасями, не испытывают боль. Они превращаются в мгновение ока. Обращенные этому учатся со временем.

Я же слишком долго подавляла новую суть. И боль была моей платой за отказ принять саму себя.

Тело перестало раздражать на части, и мир окрасился в другие цвета, обрел новые запахи и вкусы. Я высунула язык, ощущая, как по морде стекает кровь. Облизалась. Сладко-солено. Вкусно.

Отряхнувшись, поспешила к притихшей девочке. Надеюсь, она не уловила мои муки. Не должна бы.

О том, что маг запретил оборачиваться возле его дочери, я помнила. Но чтобы остановить поток детских слез, готова была ухватиться за любую возможность, даже такую, которая в дальнейшем вылезет боком.

Без ложной скромности заявляю: из меня получилась замечательная волчица. Сильная, высокая в

холке, с густой, стального цвета шерстью, отливающей по бокам рыжим, и мощными лапами. С выразительными желтыми глазами и пушистым хвостом.

«Миа! Какая ты красивая!» – восхитилась Дарья, когда я вышла из зеленого лабиринта.

«Спасибо, рада, что нравлюсь тебе». – Я четко сформулировала мысль, проговаривая ее про себя.

Вскоре выяснилось, что мое превращение не усложнило общение с маленьким менталом – Даша хорошо слышала поверхностные мысли, как и раньше.

Чем может развлечь маленькую магичку оборотень в звериной форме? Да много чем. Сначала я ее катала, затем в шутку преследовала, дав большую фору. Даша убегала, заливаясь счастливым смехом, позабыв о своих огорчениях.

Ну а затем мы играли в фрисби. Летающий пластиковый круг взмывал так высоко, что обычная собака и не достала бы. Оборотни же прыгают в разы выше, и Дарья осталась довольна зрелищем – я выделяла в воздухе поистине цирковые кульбиты.

Лишь к обеду она, утомившись, утомилась и с аппетитом поела, а потом без уговоров легла спать. Девочка настолько устала, что уснула сразу, едва опустив голову на подушку.

Все это время Даша не вспоминала об отце, и за чашкой кофе слуги Вольского дружно выразили мне свое восхищение.

– Всякий раз, как он уезжает, девочка превращается в капризного монстра, – заявила Лиза, щедро наливая себе в чашку сливки. – Будь я ее няней, давно бы прибила.

Ого, ничего себе заявление! И ведь без улыбки произнесла. Такое впечатление, что, не боясь она последствий, обязательно выполнила бы свою угрозу.

– За что прибила бы? За то, что скучает по папе? – не сдержала я возмущения.

Если выпад в свою сторону готова была простить, все же они не грозили мне большими неприятностями, то слова в адрес пятилетнего ребенка задела за живое.

Экономка, нахмурившись, объяснила свою позицию:

– Многие дети остаются с родственниками, когда родители работают, но не все превращают жизнь окружающих в ад.

Отпив глоток кофе, она скривилась:

– Фу, гадость! Вася, опять филонишь на работе!

– Чего?! – возмутился шофер.

Отвезя хозяина в город, он вернулся всего полчаса назад и выглядел уставшим, будто долго кружил, уходя от преследователей. Хотя, может, так и было?

– Снова продукты просроченные купил, – расстроилась Лиза, демонстрируя белые хлопья свернувшихся сливок в кофе. – Сколько раз мне еще надо повторить, чтобы смотрел на дату изготовления?

– Я смотрел, отстань! – Шофер, махом осушив свою чашку и захватив тарелку с бутербродами, вышел из-за стола.

Лиза, проводив его раздраженным взглядом, потянулась к коробке сливок.

– Странно... не просроченные. – Глядя на повара, она поджала губы. – Видать, кто-то забыл сразу поставить в холодильник, да, Ким?

Повар молча пожал плечами.

Экономка, фыркнув, ушла. Хочется верить, ушла, чтобы догнать Васю и извиниться.

– Выдержка – великая сила, она помогает видеть ошибки противника, – благодушно улыбаясь, произнес азиат и, плеснув сливки в свой кофе, передал мне: – Вечером, когда Даша уснет, приходи на кухню – вам с Лизой пора выпить мировую и поговорить по душам.

– Я с ней не ссорилась, – резко возразила я, беря коробку. – Это она меня достает со дня приезда.

Азиат покачал головой:

- Пускай так. Но ты можешь прекратить ее нападки, раз Лизе самой ума не хватает. Мы будем тебя ждать, Миа.

- Не обещаю, что внесу посиделки с вами в свое расписание, – пошутила хмуро.

- И не надо, – прищурился повар. – Все самое интересное случается спонтанно.

- О, буду знать! Спасибо за науку, – протянула с иронией.

Ким промолчал и принялся убирать со стола, а я, раз уж все разбежались, – ему помогать.

То, что сливки свернулись только в чашке Лизы, он заметил сразу, но не выказал удивления и не засыпал вопросами, когда остались вдвоем. А ведь я бы с легкостью ответила: слабенькое заклинание-шалость, которое осталось мне доступным. Редко, но такое случается с обращенными магами: им удается сохранить что-то от былых возможностей. Вообще-то оборот – это тоже чары, пускай и специфические.

Нет, все-таки Ким – занятный человек. Умеет держать лицо и не лезет в чужие секреты. А еще ему не понравилась резкость экономки, хотя они знакомы давно. Интересно, кто он? Вероятнее всего, слабый маг, ведьмак. Только ради того, чтобы прояснить данный момент, я готова явиться на их посиделки.

Прошло два часа с момента, когда Даша уснула. Обычно она вскакивала через час, а сегодня что-то разоспалась. Мне стало тревожно, и я решила проверить, все ли с ней в порядке.

Девочка, лежа на кровати, листала фотоальбом. Бело-розовый, в бабочках и цветах из бусин, он сверкал, как самая настоящая драгоценность. Да он ею и был, судя по тому, как бережно малышка переворачивала страницы.

- Привет, – тихо произнесла я, боясь напугать неожиданным появлением. – Хорошо спала?

Дарья грустно улыбнулась:

«Да. Снилось мама».

И так горько это было сказано, что на глаза навернулись слезы. Как же так? Как такое может быть, чтобы мама оставила своего ребенка? Почему не забрала ее с собой? Сердцу не прикажешь – это я понимала. Но как можно отказаться от собственного дитяти? Ксения променяла маленькую дочь на мужчину, а спустя время, когда та стала привыкать жить без мамы, решила напомнить о себе. Разве это честно?

Пускай я не знала, каково быть матерью, зато на себе испытала, что такое предательство родственника.

От осознания того, что маленькая девочка испытала то же, что и я, – разочарование в близком человеке, – стало физически больно, защемило сердце. А ведь я оборотень, выносливый и крепкий. Похоже, это не спасает от душевных страданий, а жаль...

Еще осознала, что Даша мне не безразлична, – я привязываюсь к чужому ребенку, а это не есть хорошо. Мысль выкристаллизовывалась четкая и ясная, как мыслеречь. Оставалось надеяться, что маленькая магичка разума, погруженная в свои думы, меня не услышала.

Пора переключаться на что-то нейтральное и невинное:

- Даш, пойдем гулять?

«Не хочу. Посмотришь со мной фотоальбом?»

По моим убеждениям, фотографии, памятные кусочки жизни, не для глаз посторонних людей. А я, как ни крути, была Вольским чужая. Имела ли я право прикасаться к их прошлому?

«Миа? – Даша смотрела на меня с укором. – Ты не хочешь посмотреть мои фотографии?»

- Ой, что ты! Конечно, хочу!

Усевшись на кровати, притом девочка прижалась к моему боку, мы открыли альбом с первой страницы. Это была чисто детская подборка, начиная со снимка УЗИ плода и Ксении в положении. Даже последние недели беременности не сказывались на эффектной внешности бывшей жены Вольского – аккуратный животик только придавал дополнительного очарования синеглазой блондинке. Стыдно признаться, но я даже закомплексовала. И вздохнула свободнее, когда начались фото новорожденной. Первое пеленание, купание, первая улыбка и стиснутая в крохотном кулачке погремушка... Родители маниакально снимали свое чадо едва ли не по дням. Ох Луна! Там даже

первый подгузник был! Подгузник, который самостоятельно надел папаша с крайне серьезным и сосредоточенным выражением лица...

Пухлый альбом мы листали долго, наверное, только через час добрались до фотографий без Ксении. Пошли снимки Вольского с дочерью, но чаще на них была одна только девочка. Я невольно отметила, что чем свежее были фото, тем светлее лицом становился маг. Старые чувства отпустили? Обида, боль утраты стирались временем? Скорее всего.

Да и не верю я, что мужчина может долго оставаться один, даже с разбитым сердцем, – наблюдение за друзьями и родственниками показывает обратное. Упав, они быстро поднимаются. Это мы, женщины, можем держаться за старые чувства, пускай они и приносят боль. Нам страшно отпустить прошлое, поверить другому мужчине...

Комментарий девочки вырвал из грустных размышлений:

«А это мама со своим новым мужем».

Прижавшись спиной к груди пепельного блондина, – похоже, светловолосые магнитом притягивают подобных себе, – Ксения широко улыбалась, так и хочется сказать, что скалилась во все тридцать два зуба.

Ох ты ж!.. Желание иронизировать сменил шок, когда я обратила внимание на украшение женщины. Браслет с подвеской в виде овала из серебра, отполированного до зеркального блеска и окруженного вычурными завитками, был настолько коротким, что, казалось, впивался в кожу. Да это же «Зеркало Купидона»! Запрещенный законами Полночи артефакт! Он же заставляет... Стоп. Подумаю об этом потом.

– Даш, а может, все-таки пойдем погуляем? Я еще хотела показать тебе после полдника, как рисовать волка.

«Пойдем!» – неожиданно легко согласилась девочка.

Веселой козочкой выбежав из спальни, она и дом покинула раньше меня. Я шла за ней, тяжело ступая, будто на ногах висели пудовые гири.

Вот демон! Было обидно и больно. Горечь разочарования ощущалась физически на языке. Жаль, судьба – не человек, а то с удовольствием надавала бы ей по шее.

Все, Вольский под запретом, больше не думаю о нем. Я не имею права разрушать семью, когда ее еще можно склеить.

Несколько часов я пыталась забыть о невольно сделанном открытии, а еще не показывать вида, что мне плохо. Рядом с менталом это сложная задача, но я почти справилась – гнала грустные мысли прочь, читала мысленно стихи и следила, следила за собой, чтобы не думать о «Зеркале Купидона». Ну почему моя мама – артефактор?! Почему я лазила в ее книгах, интересуясь необычными вещами? Правду говорит древняя книга, что, умножая знания, мы умножаем скорбь...

Спать девочка легла тихая и чересчур спокойная. Неужели что-то извлекла из хаоса моих мыслей? Может, все-таки зря я не ношу защиту от чтения мыслей?

«Миа, не переживай, все образуется», – слишком по-взрослому успокоила меня малявка, да еще и по руке погладила.

Дожила ты, Миамина, что и дети тебя жалеют... Ладно, не это важно, главное, чтобы Даша не услышала мои мысли о «Зеркале Купидона», – давать надежду раньше времени нельзя.

Когда она уснула, я сходила к себе принять душ и переодеться. Вряд ли спустилась бы на кухню, если бы не открытие, а так мне впервые в жизни захотелось напиться, чтобы забыть обо всем на свете. Глупо? Согласна.

Как маг я не любила алкоголь. Полбокала вина – мой потолок. Для тех, кто знает боевые заклинания, контроль над собой – норма жизни.

Став оборотнем, я могла забыть о правилах: веры долго не пьянеют, быстро трезвеют – в общем, нечего на нас переводить горячительные напитки. Но даже на считанные минуты не хотелось затуманивать разум – я очень боялась начудить, а то и сотворить что-то ужасное.

Теперь же ситуация изменилась. Я желала забыть.

В виде бонуса шла возможность найти общий язык с Лизой (если молва не врет, совместные пьянки сближают). И пускай я с ней не ссорилась и не устраивала ей подлянки, остановить дурацкое противостояние следовало сегодня. А еще я могла разгадать, кто такой азиат, наблюдая за ним

расслабленным.

Когда я спустилась на кухню, то застала там одного Кима, нарезающего салат. Он окинул меня внимательным взглядом:

– Переоденься в более закрытое – посиделки перенесли в сад, там полно комаров. – Повар, говоря, что-то жевал, и некоторые слова прозвучали неразборчиво.

Поблагодарив, я повернула назад.

Сменив сарафан на джинсы и синюю блузку с высоким воротником, заскочила в детскую. Дарья мирно спала. Полюбовавшись на раздумывающую во сне девочку, проверила окно. Открыто. Отлично, значит, если она, проснувшись, будет звать, я точно услышу.

Я немного трусила, поэтому зашла за Кимом в надежде помочь что-то отнести, лишь бы не идти в сад одной. И он оценил это в полной мере: нагрузил двумя подносами с салатами и закусками. Сам нес пакеты, звенящие бутылками. Ну ничего себе посиделки! Настоящая пирушка. Видно сразу, что слуги любят дни, когда Вольский уезжает.

В саду горели бледно-голубые фонари, пахло влажной травой, радостно гудели крылатые кровопийцы при виде новых жертв и... ругались Лиза с Васей. Диалог на повышенных тонах раздавался на полсада.

– Как можно было выбрызгать весь репеллент? Как?!

– Да молча! – грубо отозвалась экономка. – У меня аллергия на комариные укусы, забыл?

– Я помню, и все же целый флакон! Ты никому не оставила, Лиз, даже ребенку!..

– Ребенок по ночам не гуляет. И вообще, хватит придирааться, а? Через два дня поедешь за продуктами, купишь с запасом. Это же такие мелочи!

– Мелочи? Да ты всегда думаешь только себе! – кипятился шофер.

– А тебе кто мешает так делать? – насмешничала экономка. – Иногда полезно побыть эгоистом, Вася.

– Вот именно, что иногда! Ты хотя бы раз подумала, во что выльются твои действия для других!

– Ты снова, Вася? Я уже извинилась за ключ...

– При чем тут ключ? Обед забыла?

– А разве что-то случилось? Я всего лишь попросила быть внимательнее при выборе продуктов! – От повышенного тона Лизы, казалось, содрогались стены виноградной беседки. – А, знаю! Это все из-за этой девки!

– Миа тут ни при чем...

– О, она уже просто Миа? Быстро ты! Хотя о чем я, если она оборотень?

Я слушала и не верила своим ушам. Что она несет? Почему вообще на меня взъелась? Какое тут может быть примирение, если я ей как кость в горле?

Пока я строила из себя окаменелость, Ким войдя в беседку, потребовал:

– Хватит играть в семейную пару ворчливых пенсионеров! Лучше помогите расставить тарелки.

Я молча вплыла вслед за поваром и передала один поднос шоферу. На парне ладно сидели джинсы и борцовка, подчеркивающая неплохо развитые мышцы плечевого пояса. Сухопарый, как человек, давно занимающийся боевыми искусствами, он выглядел очень даже ничего. Неудивительно, что Лиза переключилась на него после отворота-поворота, полученного от Вольского.

Экономка принарядилась, надев короткое изумрудное платье без рукавов. Мужская черная ветровка, накинутая на ее плечи, дополнительно защищала от комаров, тогда как Вася, явно владелец спортивной курточки, постоянно чесался. Бедняга...

Несколько минут расставляли посуду в тишине, а потом Ким с гордым видом водрузил первую бутылку из своих пакетов.

– Что это? – прошептала я, не веря своим глазам.

В бутылке сидела змея!

- Нектар богов пэмджу не для тебя, - важно заявил азиат и пододвинул «божественную» гадость ближе к Васе.

Тот покраснел, но вцепился в бутылку, как в родную. С чего бы это? С каких это пор столь экзотичные напитки нравятся среднестатистическому человеку? Или легко смущающийся Вася относится к тайным экстремалам? Все может быть, под крышей дома прокляточика, похоже, собрались необычные люди.

О, не забыть бы, когда появится доступ в Сеть, посмотреть, в чем божественная суть пэмджу.

- Ким, Вась, а накройте змейку салфеткой? - попросила я. - Она отбивает весь аппетит.

- Скажи спасибо, что эти гурманы больше не пьют ттонсульт, - хмыкнула Лиза. - Если бы Вольский, вызванный Дашкой, не привез с собой целителя, кое-кто копыта отбросил бы.

Шофер заерзал на садовом стуле, азиат загадочно заулыбался. И я, ничего не понимая, задала закономерный вопрос:

- Что такое тосунь?

- Ттонсульт - вино из дохлятины, - с отвращением на красивом лице объяснила домоправительница.

И до меня дошло. Макс, обожающий свою работу бармена, как-то рассказывал про алкогольные извращения народов мира. Вино со змеями и скорпионами - самое невинное, что пьют некоторые люди. Вероятно, вино из дохлятины - это корейский ликер, который настаивается в яме с трупиком птицы или собачки... Бе-э-э!

- Миа, ты куда? - удивился утративший невозмутимость повар.

- Воздухом подышать! - ответила вместо меня Лиза и бросилась вдогонку.

Остановилась я возле летнего душа, того самого места, с которого для меня начались пакости. Тошнота больше не подступала к горлу, но и возвращаться не хотелось - вряд ли у меня теперь появится аппетит.

- Ты как? - поинтересовалась Лиза неожиданно участливо.

Она стояла в шаге от меня, и горечь средства от комаров забивала мой чувствительный нос. Действительно весь флакон на себя вылила...

- Нормально. Ненавижу змей.

- Я тоже. Но уже попривыкла к выходкам Кима, а в первый месяц после знакомства не раз блевала от его блюд и напитков. Хотя стоит отметить, над первыми он редко издевается - отдает предпочтения европейской и славянской кухне. Кстати, спроси, где он раньше работал, услышишь море смешных историй.

- Вольский в курсе, как вы проводите свободное время в его отсутствие?

Экономка невесело улыбнулась:

- От него сложно что-то утаить. Он не возражает. Главное, чтобы Дарья не видела, а она по ночам крепко спит, так что никаких проблем. - И вздохнула: - После случая с музеем Вольский предупредил, что, как только разберется со своими врагами, мне придется искать другую работу.

Ого... Вроде полагается в таких случаях сказать что-то утешающее? Вот только мне совсем не хочется. Я отлично помню, как бегала по саду, прикрывшись лопухами.

А собеседница, видать, решила добить меня нетипичным поведением:

- Миа, прости меня, я действительно перегнула палку. Очень надеюсь, что за оставшееся время мы сумеем хоть немного подружиться.

Я с подозрением взглядела в ее лицо. Что это с ней? Издевается? Врет? Или пытается вернуть расположение хозяина? Но ведь мое заступничество ей ничего не даст, с чего бы Вольскому прислушиваться к моим просьбам?

- Понимаешь, Лиза, мне сложно проникнуться дружескими чувствами к тому, кто меня недолюбливает и обижает.

- Прости, ревность ум затмила.

- Ладно, давай закроем тему и вернемся в беседку.

Слушать ее откровения о любви к Вольскому совсем не хотелось. Ощущения противнее, чем при виде бутылки с заспиртованным гадом. Что греха таить, так мерзко мне не было, даже когда очнулась в лесу с измазанным кровью ртом и с шерстью кролика, застрявшей в зубах.

- Пожалуйста, выслушай, - настаивала Лиза. - Я начала встречаться с ним недавно, боюсь, что люблю его сильнее, чем он меня. И как выяснилось, ты - его идеал.

Мое сердце заколотилось как сумасшедшее. Я - идеал Вольского!

- Ему нравятся спокойные, тихие девушки, которые тем не менее могут за себя постоять. Поэтому я и приревновала Васю...

- Васю? - словно от сладкого сна очнулась я. - Как - Васю?

Лиза хохотнула:

- Ну не с Кимом же мне встречаться или Вольским!

Я почувствовала себя крайне глупо. Это о чем она сейчас? Если я своими ушами слышала, как она подкатывает к Александру! Врет и не краснеет!

Хотелось уличить во лжи, но это было бы неразумно.

- Лиза, спи спокойно: Вася - приятный молодой человек, но не для меня.

Девушка накрутила на палец смоляной локон и с наигранным облегчением обронила:

- Спасибо, я рада, что мы не станем делить одного мужика. Значит, можем подружиться? Мир?

От войны диверсионной переходим к холодной? Как будто все хорошо, а на самом деле в душе лютая неприязнь? Что ж, я тоже умею врать.

Лиза улыбнулась, я - в ответ. И без колебаний пожала протянутую руку:

- Хорошо, попробуем нормально общаться. Мир.

К беседке возвращались без спешки.

- Миамина - это твое настоящее имя? Так и написано в паспорте?

После откровенной лжи, которую навешала мне на уши данная мадам, отвечать правдиво не хотелось.

- В наше время, когда все покупается и продается... Как ты думаешь, что в моем паспорте?

Лиза хмыкнула:

- Забавное имечко!

- А то! Не всем же быть бедными Лизами, - подмигнула я.

Экономка фыркнула. Интересно, как часто ей напоминают о повести Карамзина?

- Ой, девчонки вернулись, - встретил нас радостно Вася.

Глаза молодого человека весело блестели, так что догадаться несложно: дегустацию странноватых напитков начали без нас.

- Вижу, у нас появился первый тост? За дружбу? - вкрадчиво спросил азиат.

- Да, давай за дружбу! - разрешила Лиза и потянулась к бутылке с желтоватым содержимым. - Из цветов азалии, не перепутала?

Азиат кивнул и для меня перечислил, что входит в состав алкоголя, выставленного на столе. Змеиное вино здесь оказалось самым страшным, но мне его никто и не предлагал - мужчины пили сами. При случае надо будет посмотреть в Сети, в чем особенность и тотосуна. Или тотсуля? Как правильно называется? Ладно, просто «дохлое» вино...

Легкий приступ тошноты прошел, и я с удовольствием вгрызалась в горячие отбивные и кисло-острые крылышки с петрушкой. Даже цветочное вино не вызвало опасения после того, как Ким поклялся, что оно действительно изготовлено из лепестков азалии. Сладкий, вязкий вкус мне даже

понравился.

– Миа, почему ты здесь?

Вопрос застал врасплох, и я чуть не подавилась косточкой.

– Все просто, Ким. Мне нужна была работа, дочери Вольского – няня, – откашлявшись, ответила полуправду.

Азиат склонил голову к плечу:

– Хм, не хочешь рассказывать о себе первой? Ладно, тогда начну я. – Он выдержал паузу и заговорил: – Я работал в нью-йоркском экзотическом ресторане для полуночников «Контузия», работал поваром-турне, то есть ассистировал в разных отделах кухни. У меня неплохо получалось все: от соуса до десерта. Я мечтал когда-нибудь дорасти до шефа, не подозревая, что это «когда-нибудь» близко, – один солидный маг предложил возглавить такой же ресторан, как «Контузия», в вашей стране. Я согласился. Вот только проработал всего полгода. Однажды сын хозяина, молодой и очень перспективный некромант, устроил пирушку для друзей. Ему было мало экзотики в меню, и он потребовал подать к их столу особое блюдо.

Он замолчал. Лиза с Васей не ели и не поднимали взгляда, и я тоже отложила вилку. Как бы не услышать то, что вообще отобьет аппетит.

– Мне принесли на кухню «сырье» – связанную девушку, которая посмела бросить мага.

– Ужас какой! – вырвалось у меня.

Каннибализм – наивысшая мерзость, поэтому я недолюбливала вампиров.

Забавно... В этот момент я осознала, что обращение в оборотня – не самое худшее, что могло со мной случиться. Меня не обратили в вампира – уже счастье...

Тем временем Ким продолжал рассказ:

– Само собой, я устроил скандал. И не тихо, позвонив папаше урода, а прямо в зале ресторана. По счастливой случайности в «Контузии» ужинал Хемминг, представитель Контроля, со своей командой. Сдуревшего от безнаказанности некроманта мигом скрутили. После суда, где я был главным свидетелем, бывший работодатель пообещал мне скорое возвращение на родину. По частям...

– Ого! – поразились я. Папаша морального чудовища быстро нашел крайнего. – Теперь ты скрываешься здесь?

– Поначалу так и было. Хемминг познакомил меня с Вольским, одним из немногих, кто не боялся моего врага. А год назад на нарушении закона Полуночи попался и мой бывший работодатель, но я все равно остался в вашей стране.

Я не стала спрашивать причину.

– Не скучаешь по родине?

– Нет. Мне нравится здесь.

– А по работе в большом ресторане? У прокляточка ведь не раскроешь полностью свои таланты?

Ким удивился:

– Почему это? Наоборот, я не готовлю дежурные блюда, каждый раз я творю, создавая и экспериментируя. Последнее в меру, конечно, – по-доброму улыбнулся он. – Ребенка все-таки кормлю.

Мне хотелось спросить, кто он, но чудом сдержалась. Не время для любопытства.

– Предлагаю тост за открытость, – поставила жирную точку в откровениях повара Лиза.

Вино из азалии немного вскружило голову, а ведь показалось, что некрепкое. Неужели при его изготовлении использовали магию? Надеюсь, что нет, иначе и меня развезет, как обычного человека!

– Ну а я скрываюсь до сих пор, – решительно призналась экономка. – От вампиров.

– Почему здесь? Когда полным-полно центров помощи жертвам? Ближайший, к примеру, при

ночном клубе «Ультрафиолет», его владелец – Николаев, мой знакомый. Он всегда готов помочь таким, как ты.

– Нет, Миамина, таким, как я, он не поможет, – грустно возразила экономка. – По добровольно подписанному договору я принадлежу мастеру Феликсу.

– Стальному? – машинально уточнила я.

Впервые встречаю человека, который честно признался, что без принуждения согласился принадлежать вампиру. По рассказам Ника, все вопят, что их загипнотизировали, обманули, заставили подписать договор. А Лиза в этом плане оказалась честной. Удивительно.

Экономка, налив себе бокал, вмиг осушила его безо всякого тоста. И, вздохнув, ответила:

– А какому еще? Нет, не совсем ему, разумеется, а одному из телохранителей его провидицы. Такой мерзавец достался мне в хозяева... – Лиза поморщилась. – Любитель ножей и скальпелей.

– Сочувствую, жаль, что ты ошиблась с выбором.

– Да не было никакого выбора, – отмахнулась она. – Когда в двадцать у тебя проблемы с кровью, хватаешься за любую возможность выжить. Вот я и согласилась на донорство и служение за исцеление.

Я возмутилась:

– Исцеление? Это кошунство – называть эффект вампирской крови исцелением! Уж лучше бы ты к настоящему целителю обратилась!

Девушка пьяно хихикнула:

– А я на тот момент не знала, что такие существуют... Кровососы на меня вышли сами и предложили взаимовыгодный обмен: они мне дают долгую жизнь и здоровье, а я им – кровь и служение. И поверьте, я радовалась, что заключила договор, пока не подошло время моего обращения. Ты наверняка знаешь, что длительное употребление крови вампира не только делает человека зависимым, но и увеличивает шансы на выживание после укуса?

Кивнула – что-то такое смутно слышала. Как и большинству, мне точно известно, что обращение проходит успешно, если человек молод и имеет среди своих предков полуночников, то есть на генетическом уровне может выдержать изменение вирусом.

– Ты не захотела обзаводиться парочкой длинных клыков и потому находишься здесь, – подвела я линию под ее рассказом. А затем сама же ее и стерла вопросом: – А как же зависимость?

Экономка похабно усмехнулась:

– Зависимость от крови? Или от укусов и секса с моим хозяином? Лучше тебе не знать, как это преодолевается.

Она отсалютовала новым бокалом и, не смакуя напиток, снова быстро его осушила. Затем, покачнувшись, поднялась из-за стола.

– Я быстренько, попудрю носик и вернусь. Не откровенничайте и не пейте без меня.

Думала, мужчины выполнят ее нагловатую просьбу, но нет. И выпили, и закусили, а когда Лиза затерялась где-то в темноте, принялись меня расспрашивать.

– Миамина, у тебя странное имя, – заявил Ким У Хон. – Из какого оно языка? Или это простой набор букв?

– Пятьдесят на пятьдесят, – озадачила его ответом. – Мама очень хотела назвать меня Мией.

– Имя скандинавского происхождения, означает «непокорная упрямец», – удивил Василий лингвистическими познаниями и улыбнулся, заметив мое изумление: – Не смотри на меня так – я поуглил, когда ты приехала.

Счастливчик! У него есть доступ к Интернету в кабинете Вольского.

Суть он передал, поэтому я не стала поправлять.

– Отец уговорил маму не ломать дочери жизнь «кличкой», и когда оформляли свидетельство о рождении, она остановила свой выбор на имени Мария. А спустя годы, регистрируясь на одном форуме, я вспомнила эту историю и сделала имя Миа своим ником, добавив к нему часть фамилии

Минова. Не помню точно, как вышло, что друзья стали называть меня Миаминой и в реале.

Не единожды благодарила небо, что, знакомясь, всегда называла настоящее имя. Это уже потом, перейдя в разряд хороших знакомых, человек узнавал о прилипчивом прозвище.

И вот теперь оборотни ищут Марию Минову, а я живу под именем Миамины-Мии и сразу отзываюсь, когда меня окликают. А это немаловажно, когда скрываешься.

Некоторое время обсуждали тему имен, их влияние на судьбу, а потом вернулась Лиза и, в свою очередь, начала расспросы:

– Поправь меня, если я ошибаюсь, но ты скрываешься от жениха, навязанного родителями. Угадала?

Ну-ну... Андрюша Горобинский видел меня уж точно не в статусе жены.

– Можно и так сказать. Только он сам мне навязался. Обратил – и навязался.

Даже под действием алкоголя и после чужих откровений я сумела сдержать порыв и не выложить печальную историю о самоуверенной дуручке, которая привлекла внимание страшного Серого Волка. Вот только Красной Шапкой, охотницей на преступивших закон оборотней, она не была и потому угодила в большие неприятности.

– Сочувствую тебе. Фигово, когда выбираешь не ты, а за тебя. Ты ведь магичкой была?

Нехотя кивнула и тотчас перевела стрелки на шофера:

– Вась, а ты почему здесь?

Молодой человек почему-то покраснел.

– У меня все скучно, Вольский нанял меня пару лет назад. С тех пор я тут и работаю.

Лиза, обгрызающая куриное крылышко, буркнула:

– Не прибедряйся, Вась. Расскажи ей.

Я же говорила, что под крышей этого дома собрались необычные люди? Выходит, и шофер не так прост, как кажется? Ну-ка, ну-ка! Любопытно же!

– У меня второй дан по кикбоксингу, я ас экстремального вождения. А еще на меня не действуют вампирский гипноз и магия, – скромненько признался Василий.

Ох небо! Вот это ответ! Напротив меня сидит амаг? Амаг?! Не думала, что когда-нибудь увижу кого-то со способностями, встречающимися у одного из миллиона обычных людей!..

Справившись с шоком, уточнила:

– То есть ты разрушаешь заклинания? Или они тебя попросту «не видят»?

– Второе. Ко мне не цепляются проклятия, я прохожу сквозь магическую защиту. То есть на меня не действуют чары напрямую.

Круто! Вот только если магией швырнуть бетонную плиту, то Васю его уникальность не спасет? Наверняка, но уточнять не стану.

– Здорово, – почти позавидовала я. – Хотела бы я иметь твои способности.

– На самом деле я ими почти не пользуюсь. Ну разве что не боюсь вампиров – им меня не заморочить. А вот оборотни – страшные твари, жутко сильные и агрессивные. – Парень передернул плечами.

За тварей я оскорбилась, но не показала виду – Вася искренне выражал свой страх, при этом позабыв, кому это говорит. И то, что меня воспринимали как простую девушку, а не как вервольфа, перевесило обиду.

Но все же не удержалась и подколола:

– Извини, но вампиры тоже безумно сильные, с острыми клыками и когтями. Они заставят тебя делать, что им нужно, не прибегая к внушению.

Лицо амага вытянулось:

– Черт, а я об этом и не думал как-то!

Он нахохлился, как мокрый, продрогший воробей, и Лиза хохотнула:

– Ну ты молодец, Миамина! Он теперь и вампиров будет бояться! Амаг-трусиска!

Вася надулся. Чтобы немного сгладить ситуацию, поинтересовалась:

– А как насчет полезных заклинаний? Тут упоминали, что Вольский вызывал целителя, когда ты отравился?

Шофер кивнул:

– Сила амага – и его слабость также. Травы на меня действуют, целительские заклинания – не всегда.

Нет, все-таки сложно поверить, что напротив меня сидит амаг! Не верится, что он не работает на какие-нибудь спецслужбы Полночи, хотя бы на тот же Контроль. Поразительно, что Вольский отхватил такого редкого уника... Стоп! Неужели у колдуна настолько много лишних денег, чтобы амаг работал на него шофером? Да быть того не может!

– Слушай, Вась, а ты все рассказал? Сложно поверить, что амаг прозябает в деревне.

Он, одарив меня сканирующим взглядом, вздохнул:

– Ладно, скажу... чего уж там... Самое важное и так уже знаешь. Я отбываю тут свое наказание за взлом магических защитных сетей.

– Отбываешь тут и так? – Я неопределенно обвела рукой стол и беседку. – Сурово Контроль наказывает!

– А за это спасибо Хеммингу и Вольскому...

Шофер не договорил, и почему-то мне показалось, что признание вырвалось спяну, о чем он буквально сразу сильно пожалел.

Так, секундочку. Это что выходит? Кима к Вольскому отправил Хемминг, Васю на поруки тоже он сдал... Вольский – сильный прокляточник, и он накоротке с контролером. С чего бы это? А не потому ли, что...

Я даже протрезвела. Вот она, правда! Легкое опьянение сошло на нет.

Ну Ник! Спасибо, дорогой куратор, удружил!

Все-таки я поспешила обрадоваться, что хмель меня покинул, – не подумавши, спросила:

– Слушайте, Вольский работает на Контроль, да?

Глава 5

Паутина надежды

Глаза слуг колдуна синхронно округлились.

– Ой, что-то мы засиделись, ребят! Я спать хочу. – Первой поднялась экономка, за ней – повар.

С рекордной скоростью он собрал алкоголь и пустые бутылки:

– Я тоже пойду, спокойной ночи, Миа.

– Спокойной ночи, Ким.

Я смотрела, как они драпают, – другим словом их внезапный уход не назовешь, – и мысленно ругала себя за длинный язык. Кто меня просил озвучивать свои догадки? Вызнавать чужие секреты, пускай и случайно, очень вредно для здоровья.

Вдобавок беглецы оставили неубранный стол.

– Маш, – тихо позвал Василий, – ты это... не говори Вольскому, что знаешь о его работе. Ладно?

– Да я как бы и так заинтересована молчать, клятву о неразглашении давать не хочется.

И мысленно добавила: «Как и нет желания попадать в поле зрения Контроля».

Всемирная организация контроля (ВОК, или в народе попросту – Контроль) судила и карала нарушителей законов Полночи, а еще вмешивалась во внутренние дела сообществ, когда хотела ее левая пятка. ВОК гребла под себя уникальных существ, считая, что только она имеет право распоряжаться их талантами. В нашем регионе заправлял всем Хемминг – по слухам, самый сильный вервольф мира. И якобы самый справедливый из контролеров, в чем лично я сильно сомневалась. Какая справедливость в том, что он дает провинившемуся оборотню последний шанс на жизнь, вызывая на священный поединок Ночи? К слову, ни один из них Хемминг не проиграл. Так что со стороны такой «шанс» выглядел сущим издевательством над приговоренным.

Нет, может, я чего-то не знаю и контролер справедлив, только проверять на себе не хочу. Вожаки оборотней имеют вес в нашем мире, поэтому по просьбе старшего Горобинского меня могут отдать его стае, все же это его сын сделал меня вером. Или того хуже: отправят служить Контролю – это точно будет концом моей свободы. От организации с колоссальными ресурсами, сетью раскинувшейся по Земле, не скроешься в деревне, на краю леса...

– Ну что? Убираем со стола?

– Давай, – не стал спорить Василий.

В четыре руки мы собрали нетронутую еду и грязные тарелки с вилками и рюмками-бокалами. Загружать посудомоечную машину ушел Вася, а я решила проветриться – немного погулять по саду.

Давно перевалило за полночь, но спать не хотелось. Шла не по дорожкам, а по мокрой от ночной росы траве. Пел соловей, тоненько зудели комары и оглушающе трещали цикады. Пахло цветами и репеллентом. Репеллентом?..

Я замерла. Осознанно втянула в себя воздух, стараясь вычленить неприятный запах. Не поняла... Лиза вышла на улицу? Тоже отправилась прогуляться перед сном? Или поговорить со мной? Если так, то нужно сбегать, очередную порцию лживых заверений в дружбе и расспросов я не вынесу – обрашусь волком и откушу ей голову. Шучу, само собой.

Ого! Источник неприятного запаха за забором, возле которого я остановилась. Лиза не в саду, а за оградой? Она тоже получила от Вольского право беспрепятственного выхода?

Я подошла к каменной стене впритык – зачем, не знаю, запах это не усилило.

Снова втянула чувствительным носом воздух... Сюрприз! Это не экономка!

Сильно пахло ментоловой жвачкой, копченой колбасой и резкой туалетной водой. Мужской. Снова принялась – точно, за стеной бродил мужчина, более грубый и насыщенный запах не спутаешь с нежным женским. И он тут не один – легкий ветерок подсказал, что недалеко еще двое.

Мне стало не по себе. Враги Вольского нашли его тайное убежище? Или это по мою душу?

Рванула к дому как безумная. Даша! Я должна быть рядом с ней!

В холле столкнулась с Васей.

– Маш, стой! За тобой кто-то гонится?

– Нет! Там какие-то люди за забором!

– И что? – удивился он. – Пускай себе ходят.

Я застыла. Как это «пускай себе ходят»?

– А если это недруги Вольского?

Вася фыркнул:

– Это деревенские, влюбленные пары ищут уединения в лесу.

У меня вырвался смешок:

– Там мужики! Хочешь сказать, у местных в порядке вещей однополая любовь?

Шофер вскинул брови:

– Ты и пол по запаху можешь определять? Может, ребята отправились в лес костер палить, грибы собирать... Ну или после дискотеки выясняют отношения, махая кулаками в темных дебрях подальше от полиции.

– Очень надеюсь, что это местные, потому как без Вольского мы не выстоим.

Парень беззаботно отмахнулся:

– Вообще не переживай, тут такая серьезная защита, что без пароля не проникнуть через ограду. – И со смешком добавил: – Как говорится, но пасаран.

– И даже амаг не пройдет? – поддела его, не удержавшись от соблазна.

– Такие, как я, практически все переписаны и не смеют нарушать закон.

Как он корректно выразился! А подтекст далеко не невинный: все амаги посажены на короткий поводок и пристроены туда, где их выгодно видеть Контролю.

Странное дело, даже после таких объяснений-предположений Васи паника отступила. Однако я решила, что лучше перестраховаться, чем потом кусать локти. Этой ночью я буду стеречь доверенного мне ребенка.

Прежде чем отправиться в детскую, заскочила в свою комнату за электронной книгой и несколькими маминими амулетами. Накрыв спящую Дашу «Колпаком тишины», забаррикадировала дверь массивной тумбочкой, на которую поставила бело-розовую напольную вазу. Проем окна решила защищать собственным телом, то есть лечь на широкий подоконник. Не так давно еще думала, что там удобно читать, вот заодно и проверю. Все! В спальню Даши никто не проберется незаметно!

С чувством выполненного долга устроилась с читалкой.

Прошел час. Нападать на дом Вольского никто не спешил. И я немного расслабилась.

Тело затекло от лежания на твердом – подушечка не помешала бы не только под голову, но и под бок. Книга раздражала – героиня страшно тупила, влезая во все возможные и невозможные неприятности. На месте героя я бы давно ее придушила, а он ничего, терпит и еще в любви ей признается. Ой, злюка любовь, злюка...

Спать хотелось невероятно, и это несмотря на то, что героиню, решившую ночью проверить, что за шум раздается в подвале, вот-вот, кажись-таки, схарчит монстр... Монстр, в которого превращается ее возлюбленный каждое полнолуние. Эх, и тут про оборотней плохо говорят!

Хотя я и сама о них не могу сказать ничего хорошего. Отец не в счет. Папа – это папа. Я видела его в звериной ипостаси нечасто. Он оборачивался назло теще с тестем, когда те изредка приезжали в гости. Бабушка бледнела при виде огромного серо-седого волчищи, а когда он уходил на улицу для обратной трансформации, успевала за несколько минут его отсутствия высказать своей дочери все, что думает о ее мезальянсе – замужестве талантливой красавицы с грубым чудовищем. Дед всегда поддакивал, сердито попыхивая трубкой. Когда же зять возвращался в дом, бабка опять бледнела, а мамин отец добродушно улыбался. Трусливые лицемеры...

Это я так думаю сейчас, а тогда, невольная слушательница, я получала массу впечатлений. Негативных. Вербовольфы – волосатая мерзость. Только и умеют, что выть на луну, жрать сырое мясо и отпугивать угрюмым видом нормальных полуночников. И мама совершила главную ошибку в своей жизни, уничтожив карьеру: блестящий артефактор Полина Макарова якобы отказалась от ученицы, ставшей женой животного.

Много позже я узнала, что бабушка преувеличивала: родители счастливы и ни о чем не жалеют, пускай и пришлось им, чтобы быть вместе, поступиться некоторыми взглядами и отказаться от планов. Отец вышел из стаи: Владлен Булатов, брошенный на тот момент какой-то магической, отговаривал друга от женитьбы, пророча ему разбитое сердце. Маму доставали подруги и вся родня – проще было переехать в другой город, чем переубеждать их в неправоте. Вот родители все и бросили, начав семейную жизнь в новом месте. Счастливую жизнь.

И все же бабушке в свои редкие приезды удалось зародить в моей душе крамольные мысли, которые перечеркнули то, чему учили родители, – уважению ко всем представителям Полуночи. Я все больше склонялась к мысли, что маги неподвластны низменным звериным инстинктам, а оттого выше и благороднее веров. Колдуны – элита, а оборотни созданы, чтобы им служить, но по чистой случайности получили самостоятельность.

Да, это я сейчас понимаю, что родственники несли бред, а вот тогда... тогда мне это казалось привлекательным. Ты лучше, чем кто-то, уже только потому, что таким родился. Разве не здорово?

Родители не заметили, как дед с бабкой заразили меня снобизмом. В десять лет я даже мечтала, чтобы в меня влюбился волк, а я бы им крутила как хотела. А в пятнадцать познакомилась с Максом, племянником отца. И тогда-то папка понял, что его маленькая принцесса считает оборотней вторым сортом. Он попытался изменить мои взгляды, но удалось лишь скорректировать. Я поняла, что и среди веров с вампами встречаются те, кто выделяется среди большинства благодаря родovitости или возрасту. У некоторых даже есть специфическая магия, поэтому с ними придется считаться.

Неудивительно, что я получила от жизни щелчок по носу. Карма, бумеранг судьбы... Высшие силы наказали, воплощая глупые мечты девчонки наоборот: волчица заинтересовалась магом, который никогда не станет ее.

Создатель, как же я проклиная тот день, когда встретила Горобинского! Час, когда он обратил меня, укусив за плечо!

Но больше всего я проклиная другой момент – когда посчитала, что могу остаться нормальной. Могу вернуться к прошлой жизни. Я обрела надежду, чтобы вскоре жестоко обмануться...

Я открыла глаза в клетке. Толстые прутья окружали матрас, на котором лежала. Болела голова, крутило позвоночник, ныл живот, как будто по нему били. С потолка лился неяркий свет ламп дневного света, и глаза вмиг заслезились, а кожа начала нестерпимо зудеть. Удивление, вызванное тем, что меня накрыли грипп и аллергия одновременно, быстро сменилось паникой: проведя по волосам, увидела зацепившийся за пальцы выпавший локон.

Что со мной? Где я?

Оглядываясь по сторонам, нервно запустила руку в шевелюру и закричала – у меня выпадали волосы! Ключьями!... Я лысела от малейшего прикосновения к коже головы!

Вскочив на ноги, заметалась по клетке:

– Помогите! Кто-нибудь, помогите мне!

А в ответ – негромкий смешок.

– Не ори, здесь звукоизоляция. – И издевательский вопрос: – Как себя чувствуешь, соня?

Я замерла, затем медленно обернулась к говорившему. Наглые глаза на довольной физиономии жгли раскаленным прутом.

Горобинский... Я сначала вспомнила фамилию оборотня, потом клуб... Танец с приставадой... Фиолетовый коктейль... Дурноту и боль от укуса... Кусочки воспоминаний вспыхивали в темноте яркими пятнами, чтобы почти сразу исчезнуть.

– Что со мной? Где я? Что вообще происходит?!

Подойдя ближе, молодой человек протянул бутылку воды. Вспомнив, как развезло от его безалкогольного коктейля, отшатнулась – не рассчитав сил, больно врезалась в прутья противоположной стены.

– Тихо-тихо! Не отравлено, пей.

Только сейчас осознала, как сильно мучает жажда, – во рту наждачная бумага. Но принять воду из рук подлого вервольфа? Ни за что!

– Что ты со мной сделал, больной ублюдок?! – С силой ударила по прутьям.

– Зачем ты так о моих родителях? – притворно огорчился Андрей. – Я родился в законном браке.

– Поздравляю. Почему я в клетке? Выпусти немедленно!

– Не могу, Машуль, да и не хочу. Не для того я тебя обратил, чтобы отпускать так быстро. К тому же куда ты пойдешь, если не до конца прошла превращение? Хочешь угодить в неприятности?

Я слушала и не верила. Он обратил меня? Он?! Память любезно подкинула красочные картинки.

Мне стало стыдно. За каждый стон в его руках, за каждую попытку прижаться посильнее, потереться о его мускулистую грудь... Фу!

Да. Обратил... Горобинский намеренно применил смертельный укус в надежде, что выживу и стану такой, как он. Если бы мой организм отвергнул вирус, я была бы уже мертва...

А так я мертва только как маг.

Силы оставили меня, ноги подкосились. Опустившись на пол, прошептала:

– Разве таким должно быть обращение? Мне плохо... Что со мной?

Парень присел на корточки и просунул руку между прутьев, планируя... погладить?!

Снова в ужасе отпрянула:

– Не трогай меня!

– Тшш, не буду. Я всего лишь хотел успокоить. – Его глаза маниакально блестели, а может, в тот момент мне хотелось видеть признаки сумасшествия. – Ты в порядке, Маш. Обращение идет своим чередом, вот только у кого-то оно отличается от нормы. Не переживай за волосы – выпадают слабые, новые и здоровые вскоре отрастут и будут лучше прежних.

Я промолчала, а Андрей поднялся и объявил:

– Не могу быть с тобой рядом, ухожу до утра. Есть хотеть не будешь, в первые дни перестройки мучает только жажда. Поэтому...

Он вышел из комнаты, просторной, с минимумом добротной мебели и выкрашенными в жуткий сливовый цвет стенами. Фиолетово-синий обострял головную боль, и я закрыла глаза. Ненадолго.

– Вот тебе вода, чтобы все выпила.

Андрей подтолкнул к клетке упаковку минералки с бутылками емкостью два литра. Подтолкнул ногой. Боится, что цапну? Смешно и нелогично, раз перед этим пытался погладить. О нет, этот жест выдавал не страх, а скрытое пренебрежение: он хочет меня, но глубоко в душе считает грязью...

Андрей что-то рассказывал – я не слушала, занятая разглядыванием своей темницы. Клетка большая, в длину шагов пятнадцать. Кроме матраса на полу лежали подушки и несколько шерстяных пледов, стопка книг. А еще в углу стоял... унитаз. Значит, один вопрос о насущных потребностях отпадал.

– Ты поняла меня? – Андрей ударил по прутьям ребром ладони.

Из чувства противоречия хотелось сказать «нет», но зрачки его глаз приняли форму вытянутого вертикально овала. Глаза вера, готового вот-вот утратить контроль.

Ужас острым ножом полоснул по горлу, отбирая дар речи, затрудняя дыхание. Понимание, полное осознание ситуации накатило оглушающей волной. Меня обратил вервольф... Похитил... Держит в клетке... Для чего – и дурочке понятно, если вспомнить, как облизывал взглядом в ночном клубе. Я один на один с беспринципным оборотнем, который может сделать со мной что угодно в любой момент!

И я закивала, хоть плохо поняла, что он требовал подтвердить.

– Отлично. Отец придет дня через три-четыре посмотреть на тебя. Только заикнись, что была против обращения, – вмиг без головы останешься!

Андрей ушел, и я осталась паниковать в одиночестве.

Что делать? Что мне делать? Как выбраться из этой ловушки?

Горячечные мысли заставляли бегать по клетке в поисках выхода. А его-то нет!.. Выхода нет! Толстые прутья, растущие из потолка и уходящие в пол, можно выдрать только с кусками бетона, да и то где гарантия, что клетка не усилена магией? Окон в комнате нет, вероятно, нахожусь в специальном доме или подвале, где удерживают провинившихся оборотней перед разбирательством, я слышала о таких камерах от Макса. Жаль, не расспрашивала о порядках, царящих в стаях, эти знания мне бы сейчасгодились. Недаром же Андрей угрожал, требуя подтвердить перед его отцом, что на обращение согласилась добровольно.

Вскоре мысли стали путаться: поднялась температура, и меня то бросало в жар, то трясло в ознобе. Жажда усилилась, и я позабыла, что не собиралась пить воду врага.

Освежающая, чуть солоноватая минералка стала моим спасением от боли. Каждый глоток ее унимал, сбивая температуру и прогоняя ломоту в суставах.

Пересохшие, треснувшие губы, словно засыпанные песком глаза... И боль, боль, боль... О Ночь, как же мне было больно! И у боли была закономерность: она накатывала поочередно, выбирая мишенью какой-то один орган, часть тела. Словно дятел, она долбила в виски и сердце, наматывала на невидимую катушку кишечник, гигантским молотом дробила кости...

Я орала и каталась по полу, врезаясь в прутья, разбивала кулаки в кровь. Когда становилось невмоготу, теряла сознание.

Иногда лежала неподвижно, потому что не могла дышать. Задышалась рыбой, почищенной и выпотрошенной, но еще не разрубленной на куски и оттого еще живой.

Мне пришлось пережить обращение в одиночестве. Без подсказок и утешающих слов. И каждый раз, когда приходила в себя, когда на пол падал очередной локон или лоскутами слезала кожа... каждый раз я от всей души желала Андрею побывать в аду, в который он отправил меня. Я молила Создателя, языческих богов древности, Луну и духов предков – всех, о ком вспомнила в бреду! – дать мне возможность сбежать, обмануть вера.

И они услышали...

Для начала мне стало легче. Не знаю, сколько прошло времени, часов или даже дней, его бег я отмечала по приходу моего мучителя с новой упаковкой воды, но в какой-то момент перестала собирать выпавшие волосы с пола и смывать их в унитаз. Кожа также больше не слезала, приняв идеальный цвет и фактуру, то есть став гладкой и мягкой. Линька закончилась, хотя тело продолжало ныть.

– Дай зеркало, – нагло потребовала у Горобинского в один из его приходов.

Босиком, в одних шортах из старых джинсов, он выглядел отменно, в отличие от меня, измученной превращением. И, судя по его обновленному загару, наверху ярко светило солнце, тогда как я сидела в мрачном подвале.

– Зачем, тебе зеркало, Машенька?

– Хочу посмотреть на себя новую, я ведь девушка, мне любопытно.

Андрей хмыкнул и покачал головой:

– Рано, испугаешься еще.

– Ты же не пугаешься?

Новый смехок и самодовольное:

– Я предвкушаю результат, куколка. Вместо зеркала я принесу кое-что другое.

Андрей вышел и через минуту вернулся с едой – с огромным эмалированным тазом мяса... сырого мяса.

– Приятного аппетита, ведьмочка моя.

С куска, который протягивал вер сквозь прутья, капала кровь.

– С ума сошел?! Жри это сам!

Парень широко улыбнулся, показывая идеальные зубы:

– Сырое мясо способствует правильному превращению.

– Ого! А бывает еще и неправильное? Хотя, глядя на тебя, это можно предположить.

Горобинский бросил окровавленный кусок в таз и без спешки облизал пальцы. Меня едва не вывернуло наизнанку.

– Чего ты добиваешься, Маш? Чтобы отступил? Так не будет этого. Ты добьешься лишь того, что я не буду с тобой добрым. Я ведь принес тебе не живых кроликов, как делают в некоторых стаях, а мясо только-только заколотой свиньи.

– Меня тошнит! От твоей свинины и от тебя самого! – Мной овладела ярость, мозг выключился, и я совсем не думала о последствиях. – Ты урод, Андрей! Подлый мерзавец, мучающий слабых женщин! Ублюдок!

Я даже во вкус не успела войти, выкрикивая оскорбления, как вер быстро остудил горячую голову.

– А ведь я могу зайти в клетку, Машенька, – подчеркнуто ласково произнес он, поднимаясь на ноги и доставая из заднего кармана синих шорт ключ. – Только одним кормлением я не ограничусь. И мне будет пофиг, что ты еще меняешься, давно не принимала ванну и похожа на чучело.

Страх вперемешку со стыдом вмиг отрезвил. Что я несла? Зачем его дразнила?

И я поспешила капитулировать:

– Давай сюда свое дурацкое мясо!

Довольно ослабившись, Горобинский присел на корточки и придвинул миску к прутьям. Я потянулась за первым бросившимся в глаза кусочком, но Андрей отдернул мерзкую еду назад.

– Что не так?

– Я буду кормить тебя сам. – И он просунул руку с подношением сквозь прутья.

Тонкий и длинный ярко-красный кусочек блестел в электрическом свете прослойкой жира и, казалось, еще выделял тепло недавно убитого животного. Держали его короткие, квадратные пальцы, поросшие темными волосками.

– Ешь! – отрывисто бросил Андрей.

Зажмурившись, я подчинилась.

Боялась, что не смогу проглотить, что сразу тошнит, но вкуса почти не ощутила. Было страшно и противно, а после третьего кусочка... приятно? Неожидаемое открытие.

Желудок встретил сырую свинину довольным урчанием. И вскоре волна тепла прошла по телу, унимая боль и успокаивая измученные кости. К своему огромному огорчению, я уже сама тянулась к окровавленным пальцам, желая не только выхватить из них мясо, но и облизать стекающую кровь.

Мучитель это тоже понял. Когда в миске осталось две трети содержимого, он оставил ее и поинтересовался на полном серьезе:

– Оближешь мои пальцы?

– Иди ты!.. – Я вовремя остановилась, не послав по общеизвестному адресу.

– Куда? – заинтересовался Андрей и прошептал: – Машка, чую, выведешь ты меня раньше времени. Но знаешь, я жду этого момента с нетерпением. Так что дерзай, ведьмочка!

Он ушел, приказав доесть свинину в течение двух-трех часов.

Сомневалась, что у меня получится осилить гору еды, – живот едва не трещал, набитый под завязку. Но после метаний по клетке жор вернулся.

Вместе с сытостью пришло отупляющее равнодушие. Что со мной будет, уже не волновало. Я все равно пока не могла выбраться, так почему не накопить сил? Выцепив из оставленных узникам книг детективный роман, я улеглась на матрас.

Читала долго – добралась до двадцать третьей главы и пистолета у виска главного героя. Глаза немного устали, пришлось оставить смелого следователя в критической для него ситуации.

Поставив томик на пол, рассматривала обложку, благо там было на что поглядеть: стильно одетый брутал с широкими скулами и массивным подбородком напоминал супергероя. Вот бы такой заглянул в мою темницу и спас! Эх, мечты!..

Интересно, сколько несчастных сидело здесь до меня и убивало время, читая этот слегка потрепанный роман? Учитывая, что Андрей, как, вероятно, и его отец, – не лучший образец справедливости, то много.

До зуда в кончиках пальцев захотелось создать гигантский ком огня и пробить себе путь к свободе. Увы, о магии пора забыть. Ее нет, как будто и не бывало вовсе! А все из-за Горобинских! Гады! Какие же они гады!

Отчаяние, помноженное на злость, вылилось в гневный крик:

– Чтоб тебя, Андрей!.. – Я бросила полный ярости взгляд вперед.

Книга резко хлопнулась о бетон.

Замерев, смотрела на нее, как на все семь чудес света разом. Смотрела и не верила. Она упала... из-за меня? Упала, потому что я вышла из себя?

У начинающих и находящихся в состоянии аффекта магов случаются неожиданные «полтергейсты», когда предметы летают, ломаются электроприборы. Неужели это тот случай?

Отчаяние сменилось азартом. У меня появилась надежда, горько-сладкая, робкая, но настырная, как зеленый стебель, пробивающийся сквозь асфальт.

И я буравила взглядом вновь поставленный вертикально детектив, запрещая себе радоваться. Неужели у меня осталась магия? Хоть немного? Пожалуйста, небо! Пускай это будет не глупой случайностью, а твоей щедрой компенсацией за пережитое!

Ведь если я сохранила магию, пускай и капельку, то вскоре отсюда сбегу. Не буду дожидаться полной метаморфозы – сырого мяска смогу и дома поесть, – тотчас сбегу, как смогу открыть клетку!

Мучила себя, пока не разболелась голова. Повторить падение книжки не удалось, но я не теряла надежду. Прояснить ситуацию должны тренировки, и я их себе обеспечу, даже если придется вообще не спать.

Мне нужна магия. И если есть хоть крохотный шанс, я ее себе верну...

Из воспоминаний, плавно перетекших в крепкий сон, вырвал грохот. Упало что-то звонкое, а затем гулкое.

Распахнув глаза, не сразу поняла, что нахожусь уже не в клетке. Я свободна и лежу в комнате маленькой девочки, которую обещала охранять... И к нам кто-то лезет!

В испуге не поднялась, а скатилась с подоконника – и влетела головой в живую преграду. Чьи-то руки стальными обручами обхватили за плечи.

– Тише, это я! – Голос Вольского уберег от поспешных действий.

– Александр?.. – удивилась я и чуть расслабилась в его руках. – А что вы здесь делаете?

– А вы? – вопросом на вопрос ответил маг.

Этот диалог живо напомнил мне другой, на черешне. Невольно смутилась, вспомнив, в какой позе Вольский меня тогда застал. И тут же встряхнулась: не стоит забывать, почему я забаррикадировалась в спальне Даши. Неизвестные следят за домом! Как я могла о них забыть? Об опасности, грозящей ребенку?

– Я охраняю Дарью. – Вывернувшись из рук мага, кивнула на прикрытую «Колпаком тишины» мирно спящую девочку. – Кто-то бродит вокруг дома, за оградой. Определила, что их трое, мужчины предположительно среднего возраста.

Вольский удивленно вскинул брови. Если спросит, как можно на расстоянии узнать приблизительный возраст, рассержусь. Потому что уж слишком элементарный вопрос. По запаху можно многое узнать: от состояния здоровья до степени финансового благополучия.

Но Вольский обманул мои ожидания:

– Вам не стоит переживать, мой дом – одно из самых безопасных мест в мире.

Самонадеянно, ох как самонадеянно, господин маг! Как бы вы потом не проклинали себя за беззаботность.

– А те трое?

– Забудьте и спокойно спите. – Вольский взял меня за руку и подвел к дивану. – Ни о чем не переживайте.

Легко сказать, а сделать? Как он не понимает, что я почувствовала угрозу от тех неизвестных?

Я не позволила себя усадить:

– Александр! Все серьезней, чем вы...

– Как же с вами сложно, Миа, – выдохнул маг и поцеловал.

Прикосновение чужих губ парализовало, напугало, возмутило... восхитило. Безучастная вначале, всего секунды спустя расслабилась в его объятиях, растаяла от обжигающих ощущений.

Ноги задрожали, теряя устойчивость. Я забыла обо всем на свете, чувствуя напористые, твердо-мягкие, властные прикосновения мужского рта. В полной мере ответить на горько-сладкий, как имбирный чай с медом, поцелуй не успела.

– Прости, Миа, – грустно шепнул Вольский.

– За что? – Я не договорила, окунаясь в темноту.

Последнее, что запомнила, как что-то холодное зазмеилось по руке...

Утро началось с солнечного зайчика, пляшущего по лицу. Я не спряталась под одеяло – героически победив желание спать, зажмурилась и, вставая, сильно удивилась, какая короткая у меня кровать. Или я легла с краю?

Стоп, какая кровать? Я же не в своей спальне, а в детской!

Окончательно проснувшись, огляделась. Дарья спала под слабеньким «пологом», за ночь амулет разрядился. Деактивировав его, оглянулась – и задохнулась на вдохе.

Тумбочка все еще придвинута к двери. Напольная ваза, в качестве сигналки водруженная сверху, также находилась. Никаких черепков, разбросанных вещей... Это что получается? Вольский мне приснился? И поцелуй, когда он сначала удерживал мои руки, а затем уже, охмелев от страсти, я сама обвивалась вьюнком, – тоже сон?

Вот это да, всего лишь сон! Но какой реалистичный! Какие неприличные, волнующие вещи мне снятся. Жаль, что только снятся...

Впрочем, я и этому рада: они затерли собой кошмар про Горобинского, который вновь и вновь приходил по ночам. Понимаю, что должна научиться вспоминать без страха и боли, чтобы оставить события в прошлом, и не могу. Не могу отпустить, слишком свежи в памяти дни в клетке, чересчур остро воспринимается пережитая тогда безнадега.

Значит, кошмар еще не раз вернется, он будет повторяться, пока не прощу сама себя. Не прощу себя за беспомощность.

«Миа, доброе утро! – мысленно пропела бодрая и улыбчивая девочка. – А что случилось? Мы играем в крепость?»

– Доброе утро, Даш. Почти играем. Иди умывайся, я расскажу подробнее.

Подопечная послушно выполнила просьбу, и я правдиво призналась, что ночью испугалась, почуяв неизвестных за оградой. Рассказывала как бы между прочим, надеясь, что не напугаю малышку. Не напугала – Дашу незнакомцы, наоборот, заинтриговали. Похоже, вся ситуация виделась ей веселыми приключениями, как в кино.

А после завтрака меня ждал сюрприз в виде признания краснеющего Васи. Он остановил меня в холле, и Дарья выбежала на улицу одна.

– Миа, я вчера глупость спорол.

Вскинула брови и выжидающе взгляделась в мнущегося парня. Нет, до сих пор не верится, что он амаг.

– Наговорил глупостей про тех, кого ты учуяла за забором, и даже соврал. Не обижайся, пожалуйста, я не подумал.

Он опять замялся, а я насторожилась:

– Что именно, Вась, соврал?

– Что не знаю, кто они. Это наша охрана.

– В смысле? Есть еще кто-то, кто работает на Вольского, но находится за пределами двора?

– Да. Боевики Контроля, их присылают каждый раз, когда хозяин уезжает по делам.

М-да, все просто, а тайн развел сколько...

– Так это же здорово, что нас охраняют!

Шофер повеселел:

– Ты, главное, не сердись на меня, ладно?

– Было бы на что. Почему сразу не сказал?

– Потому что и так наговорил вчера много. Ты не должна была знать о работе Вольского. И я, не подумав, сглупил, когда не рассказал про охрану, а ты баррикадироваться вздумала.

Теперь настал мой черед тушеваться:

– Откуда знаешь?

– Слышал, как ты мебель двигала утром.

Мой просчет... Я ведь могла тумбочку беззвучно переставить, сил бы хватило, а по привычке передвинула. Но хоть не потешается, называя трусихой, уже хорошо.

В холл влетела разруганная девочка:

«Миа, в цветник бабочки прилетели! Красно-коричневые! И белые! Давай сфотографируем?»

– Конечно, давай! Только за фотоаппаратом наверх поднимусь.

Дарья, маленькое солнышко... Радостное и пока еще беззаботное. И чтобы так оставалось как можно дольше, я должна забыть о сне с участием ее отца. Разорвать паутину надежды, которая успела меня оплести.

Глава 6

День варенья с бочкой дегтя

Прошло четыре дня. Вольский возвращаться не спешил, и я занервничала. Оговоренное с куратором время, в течение которого соглашалась присмотреть за ребенком, закончилось. Для меня же было опасно оставаться на одном месте так долго. И пускай находился коттедж колдуна на нейтральной территории, сюда иногда заглядывали оборотни как из Северного, так и из Восточного Круга. Представителей последнего я боялась больше всего, ведь возглавлял эту стаю отец Андрея Горобинского.

«Миа! Ты их уже слышишь? Едут?»

Взбудораженная Дарья носилась по лугу перед домом в ожидании машины. Вася уехал за хозяином рано утром, когда дом еще спал, и поэтому малышка сделала вывод, что они вот-вот появятся. Это «вот-вот» растянулось на тягостные минуты, а затем и часы. Их малявка коротала, нещадно эксплуатируя мою сверхчувствительность оборотня, заставляя прислушиваться, не едет ли ее отец.

– Извини, где-то далеко шумит трактор – и все.

«Миа! А папа надолго домой?»

– Откуда же мне знать, солнышко? – чуть устало отозвалась я.

Почти каждая ночь после посиделок со слугами в саду не обходилась без реалистичных кошмаров, и я не высыпалась, держась днем исключительно на естественной энергии веров. Будь я до сих пор магичкой, уже не раз и не два ошиблась бы, колдуя.

«Миа, как ты думаешь, что папа мне подарит?» – не отставал взволнованный ребенок.

– А что ты заказывала? То и подарит.

«Поход в зоопарк просила! – Даже мысленно я ощутила ее зашкаливающий восторг. – Папа сказал, что подумает, хоть и не время гулять по городу, когда плохие дядьки следят за ним».

Интересная трактовка ситуации. Значит, плохие дядьки? Но, с другой стороны, не рассказывать же, что мама захотела отобрать у папы талантливую дочь любой ценой? Возможно даже, это желание не Ксении, а ее любовника, увидевшего возможную выгоду в том, чтобы стать опекуном маленького ментала. По сути, одурманенная, подчиненная «Зеркалом Купидона» женщина могла и не принимать решения устроить бывшему супругу магическое выгорание и вывести из игры.

Демон! Я старалась оправдать Ксению в своих глазах. Старалась изо всех сил. Не потому, что такая правильная, а из-за Дарьи, которая заслужила нормальную, полную семью. Если есть шанс, что мама вернется к отцу, так почему бы нет? Каждый ребенок должен быть окружен заботой и любовью.

Моя школьная подруга Майка, землевичка со сносными способностями к гаданию на рунах, вышла замуж в девятнадцать лет, а в двадцать стала матерью. Когда сыну исполнилось три, ее муж осознал, что ему не хватает свободы. И когда не обремененная «спиногрызами» красotka поманила за собой, он ушел, не оглядываясь на тех, кто в нем тогда сильно нуждался.

Я очень хорошо помню, как рыдала Майя у меня на плече, как кляла разлучницу. Подружка до сих пор считает, что если бы не та девица, ставшая своеобразным катализатором, супруг не бросил бы семью...

Другой случай, пускай и закончившийся счастливо, оставил в моей душе еще больший след, ведь касался он моей собственной матери.

Как поется в замечательной песне, маме за неделю до свадьбы «красивая и смелая дорогу перешла». В день, когда она собиралась обрадовать жениха известием о том, что ждет ребенка, он «осчастливил» ее заявлением, что уходит к другой. Тоже магичка, она понравилась его семье больше, чем моя мама, и его подлое решение никто не осудил.

В состоянии аффекта брошенная девушка оказалась на мосту. В марте, когда с реки только начал сходить лед. Она прыгнула – выскочивший из машины мужчина не успел ее остановить и потому смело сиганул вслед за ней.

Чудом мама не погибла, но прыжок сказался на ее женском здоровье.

Почти полгода понадобилось спасителю, чтобы вывести ее из состояния черной депрессии. Убедившись, что обычные способы не действуют, он против маминой воли отвез ее в горы, где они

длительное время жили в палатке. Близость к природе, отсутствие людей, особенно знакомых, которые не упускали случая посочувствовать бедняжке, вернули радостный блеск ее глазам и желание жить.

Еще полгода спаситель, оказавшийся оборотнем, терпеливо ждал, пока она поверит ему и позволит себе зарождающееся чувство...

Да, мои родители прошли через многое и долго добивались моего появления на свет, все же купание в ледяной воде не проходит даром даже для магички.

Случается, что счастье прорастает из горя. Увы, немногим так везет. Чаще всего горечь предательства отравляет женщине всю жизнь, омрачая, а то и перечеркивая новые отношения. Но это если она, конечно, не избавится от груза прошлого осознанно и не простит себя за допущенные ошибки.

Утешая подругу и помня случай мамы, себе я поклялась, что никогда не посмотрю на женатого мужчину, у которого есть дети. Ни за что не стану причиной детских слез. И вот, снова законы судьбы в действии. Не зарекаться, не клясться и ни в коем случае не осуждать! Особенно важен последний пункт – его невыполнение приводит к скоропалительным щелчкам по гордо задранному носу. Потому что нельзя считать себя лучше, не зная всей ситуации, в которой оказался человек.

Это я поняла недавно, оказавшись на месте потенциальной разлучницы. Пускай Вольские уже развелись и Ксения не всей душой любит Александра, раз «Зеркало Купидона» на нее подействовало, я все равно лезу между ними со своими чувствами. И потому выход один – затушить огонек симпатии к магу.

Ох, кому я вру! То, что я испытываю к Вольскому, уже давно не симпатия и не огонек. А страсть... пожар, не дающий мне покоя...

Пускай мы с ним общались не очень много, но когда живешь в чужом доме, невольно узнаешь его хозяина, даже в его отсутствие. Уклад жизни, то, как жилище защищено, сама атмосфера – все непостижимым образом рассказывает о его владельце, нужно только широко раскрывать глаза и внимательно вслушиваться в шепот стен.

Еще о характере Александра говорили любовь дочери к нему и то, каким светлым человечком она росла. Что он справедливый и понимающий, подтверждали люди, работающие на него: Ким, прогневивший некроманта, добрый растяпа Вася, случайно втянутый в неприятности. Лиза – вообще отдельный разговор. Оказать помощь бывшей пассии, при этом не возобновляя отношений, даже когда навязываются, – это показатель не только порядочности, но и стойкости. Та же Майка с грустью заверяла меня, что ни один мужчина не переступит через обнаженную женщину, разлегшуюся у него на пороге. Разлегшуюся, конечно, в иносказательном смысле. А вот Вольский «переступил»: тогда, случайно подслушав, как Лиза набивается к нему в постель, я отлично уловила шорох сбрасываемой одежды...

«Едут! Ура! Миа, папа едет!»

За размышлениями не заметила, как открылись ворота, впуская черный джип. Вот тебе и слух оборотня! Если специально не концентрироваться, то, витая в облаках, можно все прослушать.

Автомобиль остановился. Дарья со всех ног бросилась к отцу.

Первым вышел Василий и, приветственно махнув нам рукой, открыл заднюю дверь. Сердце екнуло в груди – с магом что-то произошло, раз шофер собирается помочь ему выйти?

Но из салона выпорхнули только воздушные шары. Розового и белого цвета, не меньше трех десятков, они устремились в чистое небо.

Девочка захлопала в ладоши, и я всей кожей ощутила волну ее восторга. Несколько мгновений она наблюдала за эффектным полетом шариков в слепящих лучах полуденного солнца, а затем подошла ближе к салону.

– Даша, смотри, что еще есть.

Василий засуетился, быстро вытаскивая из нутра авто коробку за коробкой. Разноцветные обертки и пышные банты с цветочками красноречиво говорили о том, что подарки приготовлены для маленькой принцессы.

«А папа где?» – В мысленном вопросе ребенка открыто звучало отчаяние.

– Даш, с ним все хорошо...

Девочка перебила шофера:

«Знаю, что он в порядке! Я это чувствую! Где он сам?» – Уперев руки в бока, она грозно наступала на бедного Васю.

– Даша, ты же помнишь, какая у него работа? – осторожно начал парень.

Малышка топнула ногой:

«Я-то не забыла! А он помнит, что у меня день рождения?»

Вася растерянно оглянулся на гору подарков.

«У меня же день рождения раз в году!» – Всхлипнув, именинница припустила в сторону дома.

Я не бросилась за ней, решив уточнить важный момент. Глядя на расстроенного шофера, спросила:

– Вольский точно в порядке?

– Да что с ним делается.

– Вот только не ври мне больше, Вась! Иначе научусь распознавать ложь, как все вервольфы, и если солжешь, откушу голову.

– Дурочка, – рассердился он. – Я всего раз солгал, а ты...

М-да, наверное, перегнула палку. Это все нервы.

– Извини. Значит, дело действительно в работе, да?

– Ну не в любовнице же! – хохотнул шофер. – Работа для Алекса сейчас и жена, и подруга. Не смог он приехать, они с Хеммингом в паре тысяч километров отсюда, спасают жителей поселка, возле которого археологи разрыли проклятый курган.

Я присвистнула. Прекрасно помню, что территория, за которой присматривал контролер, велика – два федеральных округа России и вся Украина, но все же дико слушать о командировках на такие огромные расстояния.

– А подарки тогда откуда?

– Вольский выбрал их заранее, мне оставалось только забрать.

– Ясно... Ладно, я побежала успокаивать Дашку.

– Куда подарки? – бросил вслед Василий.

Я обернулась:

– Давай пока в холл? И пускай никто нас не трогает, хорошо?

– Иди, я предупрежу остальных.

Само собой, моя просьба слугам только на руку: когда Даша страдает, с ней сложно находиться рядом. Ментальный маг, не умеющий или не желающий закрываться, проецирует свои эмоции на окружающих. И чем он сильнее, тем мощнее оказывается влияние. До сих пор всех передергивает при воспоминании об ее отчаянии, когда Вольский уехал в командировку.

Даша горько плакала, уткнувшись лицом в бок большого белого медведя. Осторожно улегшись за ними, я опустила руку на вздрагивающее плечико:

– Солнышко, у тебя очень хороший папа, и он делает хорошее дело – оберегает людей от страшных бед.

Мои слова утонули в тихих всхлипываниях – Даша все так же плакала, не соизволив даже прислушаться ко мне.

– Заботясь о любимой доченьке, он постарался в меру своих сил скрасить день без него. Честно тебе говорю, на твоём месте я бы тут не рыдала, а раскрывала десятую коробку с подарком.

И снова увещевания не возымели нужного эффекта. Что ж, придется действовать по-другому.

Отвернувшись, грустно прошептала:

– Хорошо, чего уж там, скажу... Ты права, Даш, с таким паршивым папашей остается только плакать. Как можно не приехать в день рождения единственной дочери? Александр – отвратительный, безответственный, ужасный отец...

Девочка, приподнявшись на локте, предсказуемо бросилась защищать родителя:

«Миа, ты что! Папочка хороший! Он самый лучший!»

Успокаивающе погладила ее по руке:

– Да-да, самый лучший, я рада, что ты об этом вспомнила.

Даша пытливо взгляделась в мое лицо и улыбнулась. Слезинки серебристо засверкали на ресницах.

«Ты специально так сказала?»

– Я восхищаюсь твоим отцом, Даш. Тебе с ним повезло, не у всех деток есть такие папы. Поэтому прости его за невозможность быть рядом в такой день.

«Я... постараюсь».

Больше ничего не сказав, она удобно устроилась между медведем и мной. Наверное, с полчаса я гладила ее по золотым косичкам и спинке, ожидая, пока она успокоится. Хорошо, что дети не могут долго находиться на одном месте без движения. Вскоре и Даша не выдержала – веселый нрав напомнил о себе:

«Миечка, а подарков правда десять?»

– Нет, – покачала головой я, но прежде чем девочка огорчилась, добавила: – Их больше. Пойдем смотреть?

«Нет, Миа, мы побежим!»

Спеша за Дашей, в который раз порадовалась, что дети не умеют долго грустить. Вот бы эта способность оставалась на всю жизнь!

Дизайнерские куклы, красочные книги, украшения для маленькой модницы, всевозможные игровые наборы, плюшевые звери – фантазия Вольского разыгралась. И мне стало любопытно: он всегда заваливает дочь подарками? Или в этот раз пытался купить себе индульгенцию? Нет, я отлично понимала, что он не мог быть рядом с ней, и все же слишком похоже на подкуп...

После шедеврального шоколадного торта от Кима, когда именинница начала тереть глаза и зевать, я тихонько спросила у Васи, как обычно отмечают праздники в семье Вольских. Оказалось, что маг баловал Дашу по поводу и без, апогеем его щедрости становились ее день рождения, Новый год и Рождество. Здорово, когда родители могут позволить себе радовать чадо, не опасаясь за толщину кошелька!

Вечером грусть вернулась. Засыпая, Даша призналась:

«Обменяла бы все подарки на целый день с папой в зоопарке. А если бы с нами была мама, то отдала бы и любимых кукол».

Тоска накатила и на меня, накрыв тяжелой волной. Каждому ребенку нужна мама – это закон жизни. И какой-то тете ее не заменить, как бы та ни старалась, поэтому у пары есть все шансы на воссоединение. А если еще вспомнить, что Ксения попала под воздействие запрещенного артефакта, Александр обязан простить ей другого мужчину.

Думая о сложной ситуации четы Вольских, я гнала мысль, что Ксения не любила мужа всем сердцем, а была всего лишь влюблена, раз на нее подействовало «Зеркало Купидона». Я оправдывала ее тем, что некоторые люди просто не способны на глубокие чувства до последнего вдоха, но и они любят. Любят как умеют.

Даша крепко спала, когда я, приняв душ и переодевшись в чистые шорты и футболку, решила позвонить куратору.

Николаев Николай Николаевич, кроме весьма креативных в плане имени родителей, имел сильный магический талант, счета в зарубежных банках и тягу к преподавательской деятельности. Он вел основы политологии и курировал студентов-магов моего факультета, коих, включая меня, было всего тринадцать. Привлекательный рыжеватый шатен, холостой и при деньгах, он волновал сердца и обычных девчонок. Каждый раз, когда нам удавалось видеть въезжающий во двор университета вишневый БМВ класса «люкс» (позже его сменил «крайслер»), однокурсницы забывали дышать. Неудивительно, что целых пять лет я переживала, как бы они не узнали, что иногда встречаюсь с их

кумиром после пар. Мое вероломное молчание не поняли бы, ведь объяснить, что маги опекают молодое поколение, я не имела права. Как и не могла сообщить, что девичье божество – редкостный зануда.

Нравоучения Николая Николаевича («Зовите меня, ребята, просто Ник»), с моей легкой руки ставшего Ником Никовичем, не вдохновляли на романтические вздохи. Мне и еще одной воднице, Алене, всегда доставалось по полной за малейшую шалость с применением магии. Но как сдержаться, если тебе подчиняется стихия Воды, а главная сплетница универа стоит возле лужи?.. Искушение – словно торт перед носом голодной сладкоежки на диете, его не преодолеть. Сейчас странно вспоминать, как призывала силу по пустякам, чтобы неопасно, но обидно расправиться со своими врагами. Выскальзывающая из рук чашка с кофе, прицельно летящая под ноги преподавателю; сорванная резьба на кране в туалете; капли дождя, неожиданно падающие с веток все как одна на указанный объект, – много чего довелось натворить. И оправдания мне нет. Впрочем, я не жалею – некоторые личности просят кирпича, а не только порцию холодной воды.

Да, мне далеко до святости, а вот Нику... Ник – идеал своих родителей. Господин Совершенство, куратор с детства верил в то, что мир во всем мире возможен и однажды с его помощью он наступит.

Много лет назад его отец и дядя основали Союз просвещенных – объединение магов, оборотней, вампиров и прочих представителей Полночи, которые сознательно стремились к миру между расами. А еще они бескорыстно помогали попавшим в беду, создав под прикрытием ресторанов и ночных клубов убежища. В одном таком под названием «Ультрафиолет» я намеревалась пересидеть немного, отдохнуть и в полной мере осознать, кем стала после насильственного обращения.

Когда я заявила к Нику домой, до оскомины на зубах правильный маг отправил не в убежище, а на одну из тайных квартир Союза, сам же принялся выискивать способы мне помочь. Да, забавный поворот судьбы: невыносимый Николаев стал не только моим куратором в университете, но и покровителем в дальнейшем, после укуса. Именно о нем я вспомнила в первую очередь, когда нужно было спрятаться от Андрея, именно его советы уберегли моих близких от смерти. Если бы не Николаев, не знаю, что было бы со мной сейчас.

Впрочем, он озвучил несколько версий. Первая и самая щадящая – Горобинские нашли бы меня в течение суток после побега и забрали. Вторая – моя семья пострадала бы, и я все равно принудительно оказалась бы в стае. Третья – я рискнула бы обратиться за справедливостью в Совет магов, а он, в свою очередь, – в ВОК. И после Горобинские, заплатив штраф и получив по зубам, потихому мстили бы моим родителям и родственникам, пока меня изучали бы в лаборатории Контроля...

Само собой, такое будущее меня не устраивало.

И тогда Ник произнес судьбоносные слова: «Нет девушки – нет проблемы».

И на несколько дней я для всех пропала. Для всех, кроме Ника.

Горобинские наведались к моим обеспокоенным родителям и к главе Совета магов Кривогорска. Неподдельная тревога близких убедила веров в их непричастности к моему исчезновению. И того, чего я так боялась, не случилось: сумасшедшие волки никого не тронули.

Выждав еще немного, я позвонила родителям. Маму мой поступок шокировал, отец вообще пришел в бешенство. По его словам, я струсилась, не пожелав отстаивать свои права, да еще и в него не поверила, в его способность защитить дочь. Но я не могла иначе! Родители не понимали: обратившись в ВОК с жалобой на Андрея, я автоматически попадала в круг интересов контролера Хемминга. Магичка, ставшая оборотнем, но при этом сохранившая магию, – заманчивый объект для исследований. Прожить всю жизнь в качестве подопытной зверушки – незавидная судьба, уж лучше скитаться по свету, не так это напрягает, особенно когда любишь перемены и новые места.

Послушавшись умного совета Николаева, я пустилась в бега, кочуя от одного его знакомого к другому...

Ночь пахла фиалками, отдающим солнечное тепло асфальтом, сладостью спеющих ягод и хвоей темного леса, раскинувшегося в паре десятков метров от дома колдуна.

Благодаря полученному от Вольского разрешению я беспрепятственно вышла за ограду, но набирать номер куратора не спешила, огляделась для начала. Где-то в темноте скрывались они – боевики Контроля, охраняющие покой домочадцев Вольского. Магический спецназ Полночи – сила, с которой считаются все.

Втянув носом воздух, нащупала нить характерного для заочно знакомой троицы аромата. На фоне присущих человеку запахов четко выделялись и другие: репеллента, колбасы и растворимого кофе. Бедняги, вынуждены питаться всухомятку? Можно было бы предложить Киму подкормить наших

защитников, да только вряд ли они согласятся.

Как ни всматривалась в расцвеченную для глаз оборотня тьму, никого не заметила. И не услышала – чужое присутствие выдавал только запах. Впрочем, уверена, у боевиков Контроля есть артефакты, превращающие их в невидимок и на обонятельном уровне.

Полюбовавшись на звездное небо, а заодно набравшись решимости, отыскала в новеньком смартфоне номер Ника и решительно нажала на «вызов».

Он ответил мгновенно, будто не выпускал телефон из рук:

– Мария?

– Да, это я...

– У тебя совесть есть, Мария? Почему не звонила? Я же волнуюсь!

Получив допуск на свободный выход за ворота, я перестала отзваниваться Николаеву, сама толком не знаю почему. Возможно, повлияли слова Вольского? Про то, что я отчитываюсь Нику?

Впрочем, нет, дело в другом. Надоело, что куратор, находясь на расстоянии, контролирует каждый мой шаг, подробно расспрашивает, как прошел день, словно ведет журнал наблюдений за ходом эксперимента. Сам же редко когда рассказывает то, что интересует меня: о родителях и друзьях.

Подождав, пока Николаев выдохнется, спокойно уточнила:

– Хотите сказать, что не осведомлялись у своего друга, как я? От него вы знали, что я в порядке, так что не возмущайтесь.

– Мария!.. – Молчание. И растерянное: – Извини, был неправ. Но и ты меня пойми, я за тебя в ответе.

Едва не возразила, что ему не перед кем отвечать, но сдержалась. Спасая, Ник взял на себя определенного рода ответственность за мою судьбу. Влезая в цепочку «преследователь – жертва» третьим звеном, он подверг свою жизнь опасности: вервольфы не прощают тех, кто уводит у них добычу.

– Это вы меня простите, Ник, я больше не буду пропадать.

– Хорошо, ситуацию прояснили, – быстро согласился куратор и потребовал: – Рассказывай.

Приказной тон не слишком приятен, но когда тебе помогают, приходится закрывать глаза на то, как это делают.

– Кошмары вперемешку с воспоминаниями продолжают. Волчий тоник плохо подавляет волчицу, поэтому я перестала его пить. А чтобы не было случайных превращений, оборачиваюсь сама и бегаю в лесу минимум по часу каждую ночь.

– Мария...

– Мне правда так удобней, – перебила я его. – И лучше я буду выпускать зверюгу сама, чем она полезет в самый неподходящий момент.

Несколько секунд Николаев молчал, а затем осторожно спросил:

– Ты тренируешься?

– Когда? Даже не пыталась, пока Вольский был дома. И сейчас не могу, Даша – что маленький хвостик, везде со мной. Гарантированно остаюсь в одиночестве только ночью, да и то приходится уходить в лес на всякий случай. А на днях узнала, что дом охраняют боевики Контроля. Как мне теперь быть?

– Как и раньше. Никто за тобой не последует, не оставит пост любопытства ради, – успокоил Николаев. – Выходит, у тебя никаких продвижений в тренировках нет?

– К сожалению, ноль. Вероятно, то был единичный случай, прощальный всплеск утраченного дара.

– Намекаешь, что можешь вернуться к родителям и заявить в ВОК на Горобинского? – проявил недовольство куратор.

– А почему бы нет?

– Мария, не глупи. Единичный случай может оказаться чудом. Ты же не хочешь, чтобы

«прощальный всплеск» снова всплеснул в застенках ВОКа? А ведь они обязательно поинтересуются, как тебе удалось сбежать из клетки.

Меня даже передернуло от мысли, что куратор прав. Становиться подопытной крысой я не хотела.

– Ник, как долго мне еще здесь сидеть?

– Тебя что-то не устраивает? Кто-то обижает? – насторожился куратор.

Приятно, когда за тебя переживают.

– Нет. Даша ко мне привязывается, боюсь, ей будет больно, когда настанет время расставаться.

– Это минус данной ситуации. Но время все лечит.

Захотелось стукнуть его за черствость. Время лечит души взрослых, а детские раны только присыпает пылью забытья. Но там, под слоем прошедших лет, они все равно есть.

– Ник, когда я смогу покинуть Вольских?

– Скоро. Я подготовлю тебе новое место пребывания, а Алекс закончит дела, вот тогда и приеду. Не волнуйся, я тебя не оставляю здесь навсегда. – И пошутил: – Ты мне самому нужна, Мария.

Я помолчала, кусая губы, а потом все-таки призналась:

– Рада, что, хоть я и оказалась пустышкой, вы мне помогаете.

– Прекрати, – процедил Николаев в трубку. – Я оказываю помощь не ради твоей уникальности.

– Извините... И спасибо вам за все. Скажите, как мои родители?

– Они грустят, Маша, но в целом держатся хорошо.

– Волки Горобинского все еще мелькают в городе?

– Да, он их не отозвал. Тебя ждут, устроили засаду.

– Гады!

– Не ругайся. Красивая девушка не должна разговаривать некрасиво.

Недаром вспомнилось, что куратор зануда, – продолжает воспитывать даже сейчас.

Смиренно повинившись, постаралась закруглить разговор. Чувствовалось, что Николаев не прочь еще меня попытать, но я слишком устала, чтобы терпеть его придирки. Мелкие и несущественные, сейчас они задевали, а я не хотела быть грубой в ответ на в общем-то невинные слова. И куратор, естественно, прав: брань никого не красит.

– Все же я надеюсь, ты возобновишь тренировки и вскоре будут результаты, – подытожил наш разговор Николаев. – Добрых снов, Мария.

– И вам, Ник Никович.

С прогулки за оградой я возвращалась в растрепанных чувствах. Куратор всколыхнул воспоминания.

Закрывшись в спальне, я достала дневник, в котором успела зафиксировать сюрприз издевательницы-судьбы.

События недавнего прошлого не причиняли сильной боли, наоборот, я гордилась, что тогда впервые победила Горобинского-младшего. Увы, решающее сражение за мое освобождение от него еще предстоит. А вот главную победу – полное принятие своей новой сущности, – боюсь, могу так никогда и не одержать...

Но тот день, когда оставила Андрея с носом, я запомнила до малейших деталей и подробно описала. Ведь всякая победа достойна увековечивания в летописи, пускай она и пишется в толстой ученической тетради с геометрическим принтом на обложке.

Глава 7

Флешбэк

– Вставай! – Грубый окрик ворвался в сон, будоража.

Голос был незнаком и принадлежал девушке. Девушке?!

Резво вскочив на ноги, потрясенно уставилась на посетительницу. Сквозь остатки дремы подумалось, что за мной явились спасатели.

– Ну что ты на меня совой смотришь? Глазками своими хлопаешь невинно? У нас мало времени! – резко заявила смутно знакомая блондинка.

Худая, тонкая, но крепкая даже на вид, с коротко стриженными волосами, она мало походила на магичку. Скорее на вервольфа.

Я сникла. Неумолимая память подсказала: да, мы уже встречались, я ее видела в авто Горобинского в ночь моего обращения. Он ее, если не путаю, называл Алей.

– Мало времени на что? Для чего мне вставать? Куда? – засыпала ее вопросами.

Девушка покачала головой, будто крайне опечалилась моей непонятливостью:

– Через пару часов к тебе заглянет Захарий Горобинский. Знаешь такого?

К превеликому сожалению, я знала. Вожак Восточного Круга вервольфов, отец Андрея.

– Да. Зачем ему ко мне приходить? Хочет восстановить справедливость: меня отпустить, а сынку надавать по шее?

Сбоку кто-то хмыкнул. Я развернулась всем корпусом и смутилась: справа, подпирая стены, стоял здоровяк. Тоже знакомый благодаря встрече с Андреем.

Девушка строго посмотрела на парня и поджала губы. Затем повернула голову ко мне и тихо, подчеркнуто равнодушно произнесла:

– Он придет, чтобы понять, оставлять ли тебе жизнь или проще прикопать в лесу.

Боюсь, у меня челюсть отвисла от подобного откровения. Они подумывают меня убить?! А как же недостаток женщин? Девушки-оборотни – ценность любой стаи!

– Ох... – только и смогла выдавить из себя.

Аля не дожидаясь, пока отвисну: схватив за руку, вывела из клетки и целеустремленно потянула за собой. Повела прочь из темницы!

Я не успела обрадоваться – по длинному коридору мы подошли к ванной. Оставив за дверью следовавшего за нами по пятам парня, Аля подтолкнула к душевой кабинке:

– Мойся. – И скривила нос, без слов давая понять, что это мне крайне необходимо.

Наплевав на оскорбительность данной ситуации, на то, что вообще-то нахожусь в плену, я встала под горячие струи.

Демон, как же мне было хорошо! Впервые после встречи с Горобинским. Вода согревала, уносила боль, даря облегчение и новые силы. Душ оживил, прогнал остатки сна и, видимо, запустил мозговую активность. Как вести себя, когда вождь придет на меня посмотреть? Зависит ли от меня решение, которое он примет? Что он должен увидеть, чтобы пожелать оставить меня в живых? Или мое поведение никак на это не повлияет?

Я бы еще постояла в душе, но Аля бесцеремонно забарабанила в полупрозрачную стенку кабинки:

– Хватит, вылезай!

Я не ответила и не выключила воду – мысленно была далеко и не сразу среагировала на требование.

– Вылезай сама или тебя вытащим мы, – тотчас пригрозила надсмотрщица.

Мне пришлось подчиниться.

Алина вручила белый топ и короткую джинсовую юбку небесно-голубого цвета, под которые

почему-то не полагалось нижнее белье. Наверное, оставайся я человеком, легкая материя не защитила бы от холода, что шел от бетонного пола, а так я не ощущала дискомфорта, разве что от понимания, что я не совсем одета. Это обстоятельство нервировало, ведь предстояла очередная встреча с Андреем. Впрочем, можно подумать, кусочек ткани убережет от озабоченного волка, если тому придет в голову получить то, что я не собиралась давать добровольно. И все же... и все же привычная деталь одежды создавала иллюзию безопасности.

Я простила Алине командный тон после того, как она озаботилась принести зеркало и расческу. Первым делом я бросилась изучать себя новую. Бездушное стекло отражало лихорадочно блестящие ярко-зеленые глаза, бледную кожу, более острые скулы и узкий подбородок. Небольшие изменения во внешности не делали меня неузнаваемой, но и прежней я уже не была.

Потратив пару минут на «опознание», занялась волосами. Они, как и обещал Андрей, стали лучше в несколько раз – гуще и более насыщенного цвета.

Порой для счастья надо мало: искупаться и расчесать спутанные космы. Невозможность привести себя в порядок в клетке причиняла почти физическую боль. Мысль о том, что я могу умереть или того хуже, я гнала прочь. Категорически запрещала себе думать, что погибну или на себе узнаю, что такое насилие. Период истерики прошел, настал час сражения за саму себя. Раз меня никто не спешит спасать, придется делать это самой.

После того как я приобрела почти приличный вид, меня сытно покормили. Нормальной едой, а не сырым мясом. Горячий суп, щедрый на куски курятины, гречка с котлетами и салат. Даже компот был. Первое ела, борясь с жадностью, обжигая язык. Попробуй кто-нибудь увезти столик на колесиках с едой прочь, я бы наверняка зарычала. Как хищник, у которого отбирают кость. И за это я тоже должна «благодарить» Горобинских...

– Наелась? – поинтересовалась Алина равнодушно, но неожиданно я уловила в ее голосе нотку сочувствия.

– Да, спасибо.

Передернув плечами, девушка заявила:

– Сейчас я расскажу, как нужно вести себя в присутствии Захария.

Это обрадовало и одновременно возмутило: правила поведения в присутствии Захария? Какого демона?! Можно подумать, что он особа королевских кровей! Впрочем, для некоторых это так и было.

И хотя старший Горобинский никогда не станет моим вожаком, я внимательно выслушала наставления.

Не закатывать истерики. Молчать, пока не спросят. Отвечать кратко и не жаловаться на Андрея. Не смотреть в глаза, когда того не требуют. Всем видом выражать покорность. Голову склонить, когда вожак войдет в помещение и будет выходить...

Унизительные правила, но придется подчиниться, если хочу жить. А я хочу. Очень.

В этом подвале осознала, что люблю жизнь. Мне нравится так много простых вещей, которые сейчас недоступны: смотреть в окно во время дождя, получать цветы от поклонников, загорать на солнышке, печь родителям на праздники торты, вязать шарфы двоюродным племянникам, щелкать с друзьями семечки и делиться новостями. Мне так не хватает того, что я делала, пока была свободной! Того, что отнимет у меня Андрей, если я не сбегу. Я даже в зеркало смотреть на себя не смогу, ибо потеряю самоуважение! Если он ко мне... если он ко мне прикоснется... не знаю, что я буду делать. Смогу ли пережить это?

Впрочем, нет, знаю. Я все выдержу. Сбегу, а потом, подготовившись, приду сюда и убью его.

Принятое решение позволило вернуть хладнокровие. Цель дала силы удержаться в море паники на поверхности, не позволяя сознанию в нем захлебнуться.

– Идут. – Парень и девушка вскочили на ноги и потребовали того же от меня. – Вставай! И помни: не будешь паинькой, тебя прикопают под первой березой возле дома.

Аля и сама побаивалась – я видела это отчетливо, словно залезла ей в мозги, тогда как лицо ее оставалось безмятежным и доброжелательным.

Захарий Горобинский, крупный темноволосый мужчина в чернильно-синей рубашке и черных брюках, войдя в помещение, казалось, сделал его меньше своим присутствием.

- Добрый вечер, молодежь, - поздоровался старший Горобинский.

Окинув нас быстрым взглядом, он благодушно улынулся. Эдакий плотно поужинавший волчара, которому сейчас лень смотреть на мелкую добычу.

- Добрый вечер, вождь...

Ответное приветствие прозвучало на удивление слаженно, словно я тренировалась с Алей и здоровяком.

За Захарием вошел Андрей, который так спешил, что едва не врезался в отца. Странно взглянув на меня, усмехнулся:

- Пап, позволь представить тебе мою невесту.

Невесту?! Я забыла, как разговаривать. Что за бред? Что он несет?..

Советы Али тотчас вылетели из головы, я во все глаза смотрела на веров. Отец и сын были похожи. Захарий - высокий, мускулистый, с грубоватыми чертами лица и цепким взглядом. Бугры мышц одежда не скрывала, только подчеркивала, и эта явная физическая мощь пугала до дрожи. А как не бояться того, кто может уничтожить тебя за пару секунд? Притом его сдерживает не моральный запрет, а только собственное нежелание убивать.

Опомнившись, уткнулась взглядом в пол. Нельзя, нельзя так пристально рассматривать, вдруг решит, что бросаю ему вызов?

- Невесту? Неожиданно, сын. А ну, дай мне взглянуть на тебя, невестушка.

Меня беспардонно схватили за подбородок и повернули голову под таким углом, чтобы ничто не укрылось от взгляда будущего свекра. Демон! Да лучше сдохнуть, чем влиться в волчью семейку! Волчью не из-за того, что превращаются в серых хищников, а потому, что плюют на желания других, глядя на них как на тупых овец!

В эмоциях позабыла наставления Али и заглянула в глаза Вожака. Ох, какие же они у него страшные! Пустые, блекло-серые, будто выцветшие, с крохотным огоньком интереса где-то на дне.

- Красивая, - подбил одним словом осмотр Захарий. - Я даю добро, Андрей.

На что он дает добро? На обращение - и меня теперь не убьют? Или на «жениховство»?

Горобинские вышли. Выждав в тишине с минуту, Аля прошептала:

- Ого...

- Угу, - подтвердил парень и весело оскалился: - Андрюха отжигает.

- А вдруг по-настоящему влюбился? - возразила Алина.

- Не, - покачал лобастой головой вер. - Полюбил бы - отпустил бы ее домой.

- Идеалист ты, - улынулась Аля и, встав на цыпочки, быстро чмокнула его в нос.

Молодой человек улынулся уголками губ, в глазах затаив разочарование.

- Могу поспорить, что она будет интересна Андрею не дольше месяца.

- А как же его заявление отцу про невесту?

- Аль, ты как маленькая, - хмыкнул здоровяк.

Они разговаривали, как будто я была неодушевленным предметом, разговаривали без стеснения и честно, не позволяя надеяться на хороший исход событий.

Обсуждаемый вервольф влетел в комнату ураганом. Не успела и пикнуть, как он, подражая отцу, не иначе, крепко сжал мой подбородок.

- Машуль, прекрасно выглядишь, - оскалился он в хищной улыбке. - А значит, через три дня у нас с тобой будет романтический ужин.

Внутри все замерзло от его недвусмысленного намека. Как? Уже через три дня?..

Горобинский-младший так же резко отпустил мое лицо, как и схватил, и развернулся к друзьям:

– Аля, почему она не в клетке? С твоим периодическим обострением тупости она сбежит!

Слова сами по себе обидные, но тон, которым они произнесены, даже мне, ненавидящей своих тюремщиков пленнице, показался и вовсе оскорбительным.

Алина вспыхнула, у здоровяка заходили желваки на скулах.

– Андрей, выбирай выражения, – тихо потребовал он.

– Извини, я не хотел тебя обидеть, Алька, – покаялся сын вожака так, что всем ясно стало: он совсем не жалеет. Хорош друг, не правда ли?

Девушка отвернулась:

– Ладно, проехали. Иди к отцу, мы присмотрим за твоей невестой.

– Спасибо, ребята! – повеселел «женишок».

После его ухода Алина с другом недолго пробыли в подвале, и вскоре я осталась одна. В клетке.

Я злилась! Ох как я злилась на свое бессилие! Швыряла вещи, била кулаками по прутьям. Я рычала и, уткнувшись лицом в подушку, раздирала ее зубами...

А когда успокоилась, вновь попыталась применить простейшее заклинание: из открытой бутылки вытащить каплю воды и поднять ее в воздух. Увы, у меня не вышло. Я больше не маг, и та книга упала случайно, введя меня в заблуждение. Как же горько расставаться с надеждой!

Ночью я так и не уснула. Думала, искала иной выход, без магии.

К утру появился план побега. Сумасшедший, нереальный и в то же время простой. Ладно, дурацкий план наивной идиотки, которая хваталась за тоненькую соломинку.

Я решила вызвать сочувствие у тюремщиков, сделать так, чтобы пожалели, прониклись моей участью, увидели не симпатичную девку, которую захотел их друг, а личность. Личность, у которой есть право на выбор и свободу.

Точку, на которую можно надавить, я нашла, когда приходили Горобинские, только тогда не осознала, что она поможет спастись.

В минуты счастья люди совершают великодушные поступки, а влюбленные и вовсе творят безумные вещи. Если помочь парочке понять, что они будут счастливы только друг с другом, то они могут осчастливить и меня. Осчастливить свободой. Мне далеко до профессионального психолога, однако на все сто процентов я была уверена, что здоровяк любит Алю. И она внутренне готова ответить на его чувство, пускай сама этого и не осознает.

Подло ли использовать столь светлое чувство? Разумеется. Но иного выхода я не видела. Друзья Андрея ведь не мучаются угрызениями совести оттого, что я здесь пленница? Не спешат меня спасти? Так почему я должна думать о честности? Это война. Сражение, в котором ставка – моя свобода, а может, и жизнь.

Завтрак принес здоровяк – сама судьба благословляла и содействовала.

Хотелось расспросить, где мы вообще находимся, но, к счастью, придержала любопытство и произнесла:

– Твоя Алина – хорошая девушка.

Парень посмотрел на меня удивленно.

– Не моя, – возразил отрывисто. – Она своя собственная. Мы друзья.

– А хотел бы, чтобы было по-другому?

Он промолчал, одарив тяжелым взглядом.

И я вернулась к тому, с чего начала диалог, – к комплименту другой девушке:

– Алина простая и очень добрая, да?

Мысленно я кричала веру: «Соглашайся со мной! Ну же! Ты ведь от нее без ума!»

И о чудо – он кивнул!

- Она замечательная...

- Вы, наверное, давно дружите?

Вручив мне поднос с тарелками, парень закрыл дверь клетки и только потом ответил:

- Да, мы дружим с детского сада.

- И с Андреем тоже?

- Нет. С ним мы начали общаться в школе, он младше нас с Алей на четыре года.

Что-то в его словах заставило насторожиться.

- А сколько, кстати, Андрею лет?

- Восемнадцать.

Я села на пол. Ох, небо, моему похитителю восемнадцать... Я ведь старше его. Зачем вообще ему невеста, когда не нагулялся? Откуда подобная наглость и потребительское отношение к окружающим? Откуда безнаказанность? Циничность? Ведь он, по сути, вчерашний ребенок... Впрочем, на ребенка он совсем не похож - вервольфы взрослеют быстрее и всегда физически развитее сверстников-магов.

Пока я хваталась за голову, оборотень ушел не прощаясь.

К обеду смирилась с мыслью, что обративший меня вер младше и что при всем своем опыте я не справилась со вчерашним несовершеннолетним. Успокоившись, приготовилась обрабатывать вервольфа дальше. Но он пришел с Алей. Проверил клетку, подергав прутья, и вышел в коридор.

- Ешь быстрее! - потребовала девушка, вручая блюдо с курицей-гриль и горячий хрустящий батон.

Мясо - первейшая еда для оборотня, хлеб же не только насыщал, но и пах свободой - солнцем и бескрайними полями пшеницы.

- Что-то случилось?

- Ничего. У меня могут быть и личные планы помимо присмотра за тобой, - глухо буркнула Алина.

- Личные планы - это провести больше времени со здоровяком? - с невинным видом поинтересовалась я.

- С кем?! - удивилась Аля и уточнила: - Ты про Соболева?

Ага, буду знать хотя бы фамилию, неожиданную и смешную для оборотня-волка.

- Да, о нем, - подтвердила я, энергично закивав.

- Ты пошутила? - рассмеялась она. - Не в этой жизни...

Стальная дверь открылась, впуская Соболева с упаковкой воды.

- ...я буду наслаждаться твоим обслуживанием, - закончила совсем иначе, чем собиралась, Алина. - Есть дела поинтереснее, чтобы тратить время на тебя.

Я провокационно предложила:

- Так отпустите меня - с удовольствием обслуживала бы себя сама.

- Глупая попытка, - фыркнула Алина.

Когда я принялась за еду, она расселась на диване, закинув ногу на ногу. Длинные, в коротких шортах, эти ножки явно улаживали взор Соболева: беззвучно вздохнув, он не сводил с них горящих глаз.

Да, чувства тут есть. И это не страсть или влюбленность - он уважает подругу и не навязывается. Заинтересованно смотрит, только когда она не видит. Интересно, почему молчит, не признается? Аля собиралась заявить, что он ей не подходит, но в то же время она к нему хорошо относится, поэтому и не захотела обижать резкими словами. Большинству парней хватает и меньшего, чтобы вступить на путь завоевания сердца дамы. Может, скромный и неуверенный в себе? Хотя это не о верах. Вон Андрей - недавно стал совершеннолетним, а ведет себя как прожженный ловелас. Сложно поверить, что его друг иной. Скорее испытывает истинные чувства, переживает, чтобы не задеть любимую.

И потому он, как говорится, мой «клиент».

Ужин принесла одна Аля. Нет, парень тоже заходил, но только для того, чтобы в очередной раз проверить клетку. Странные... Как будто я могла сорвать замок или выломать прутья зачарованной темницы.

Девушка прикатила столик с несколькими блюдами – на ночь всегда кормили плотно. И если честно, в это время суток есть хотелось сильнее. Особенности метаболизма оборотней? Других объяснений я не нашла.

– А вы хорошо смотрите с Соболевым. Давно встречаетесь?

– С Соболевым? – удивилась Алина. – У тебя провалы в памяти? Я же сказала, мы только друзья!

– Зря. Он порядочный молодой мужчина, особенно на фоне Андрея. За таких, как Соболев, нужно держаться. – Слова лились неудержимым потоком. Я не задумывалась, что говорить, и провокационность заявления меня совсем не смущала.

Брови девушки удивленно поползли вверх. И она не заткнула мне рот – разговор зацепил.

– Когда кто-то у тебя его уведет, поймешь, что потеряла больше, чем друга.

– Что?!

– Думаешь, я не вижу, как ты на него смотришь?

Глаза Алины округлились:

– Что ты несешь?

– Можешь обманывать себя, но не сторонних незаинтересованных наблюдателей. Соболев привлекает тебя. Ты ощущаешь, что можешь ему доверять, он не предаст, будет ценить и оберегать свою женщину.

Произносила монотонно, доверительно, будто и не врала вовсе. А может, действительно не врала? Вскоре поняла, что слова шли от души, я сама искренне верила в сказанное.

– Глупости! Посуду заберу утром, мне пора.

Девушка поспешно ретировалась. На красиво очерченных скулах горели пятна румянца.

Дверь с лязгом закрылась, и я упала на матрас.

Резкий упадок сил, такой сильный и неожиданный, что ноги подкосились. Всего каких-то полчаса назад меня настолько переполняла энергия, что хотелось лезть на стену от безделья, а теперь я вся дрожала от переутомления. Что происходит?!

Такое ощущение, что переколдовала.

Немного полежав, принялась за еду. Быстро умяла все, что принесли на ужин, и легла спать, потому как глаза слипались, словно ресницы смазали клеем.

А новый день принес приятные сюрпризы.

Алина мило розовела, стоило Соболеву нечаянно задеть ее рукой. Или не случайно? Он тоже заметил ее реакцию и удивленно приглядывался к подруге, раз за разом проверяя ее реакцию, невинно касаясь.

Я решила не дожидаться обеда, который ребята могли и не принести, увлекшись друг другом. Лучше начать рано, чтобы не было поздно.

И я приступила ко второму пункту плана.

– Везет вам, встретили свою половинку... – Показательно тяжелый вздох и по-настоящему полное отчаяния утверждение: – А у меня даже надежды на любовь не осталось. Из-за вашего Андрея! Если, конечно, вы меня не отпустите... Отпустите меня, пожалуйста, а?

Первой, как ни странно, отреагировала Аля, хоть и не так, как я того добивалась. Она пропустила мимо ушей просьбу, растерянно спросив:

– О чем ты? Какие половинки?

Я заранее заготовила речь с логическим обоснованием. Мол, меня надо отпустить, так как дома

переживает парень (выдуманный, разумеется), а разлучать истинных влюбленных грешно. Но не произнесла ее.

Вместо нее с языка соскользнули сентиментальные глупости:

– Вы созданы друг для друга, но можете потерять шанс на счастье из-за своего так называемого друга. Однажды отец не сумеет его прикрыть, и Андрей утянет за собой друзей. А ведь вас ждет счастливое совместное будущее. Зачем отталкивать любимого? Откуда нерешительность по отношению к той, что от рождения принадлежит тебе? Ждешь, пока сама поймет и придет? А если найдется тот, кто опоит ее ложью и поведет за собой?

Где-то на середине моей бредовой речи Алина уронила тарелки. Но звон разбившейся посуды не разрушил транса, в котором они с парнем пребывали.

Алина развернулась к Соболеву. Тот приблизился к ней и замер неподвижно.

– Мужчина делает главный шаг, женщина – последний или же отступает. Нельзя заставлять ее проявлять активность. Ведь это ты – мужчина, защитник и обольститель...

Когда парень и девушка набросились друг на друга с поцелуями, а затем и вовсе упали на диван, я на несколько секунд перестала дышать. Не верила своим глазам. Получилось... только не то, что планировала! Затем, сбросив оцепенение и убедившись, что для этих двоих больше не существую, выдохнула и решительно толкнула дверь незапертой клетки.

Парочка, перекатываясь по дивану так, что он натужно скрипел, лихорадочно целовалась, забыв обо всем на свете, не то что о какой-то пленнице.

Я беспрепятственно вышла в коридор, бросив назад напутствие:

– Любите, цените и уважайте друг друга! – и почувствовала себя работником загса.

Как там пел Джон Леннон? Занимайтесь любовью, а не войной? От себя добавлю: и забудьте о пленниках...

Сбросив туфли на высоком каблуке (единственное, что оставили веры мне из личных вещей), я побежала. Ох как быстро я бежала по длинному коридору! Бежала, ежесекундно ожидая окрика в спину и боясь встретить кого-то, идущего навстречу, что еще хуже. Неслась, отбивая голые пятки о шершавый цементный пол. Лампы дневного света мигали зловеще, что подтверждало не укладывающийся в голове факт: ко мне вернулась магия! Пусть не совсем такая, как ждала, но вернулась!

Решив подумать об этом после, когда окажусь в безопасном месте, сосредоточилась на настоящем моменте. Возле лифта затормозила. Вызвала его. Искусала губы, дожидаясь. Заскочив наконец в кабинку, я растерялась. На какую кнопку нажимать? Если есть «1», «2», «0», «3», «4»? Ткнула посередине, в нолик.

И не прогадала – лифт открылся в большом вестибюле с мраморным полом и стеклянными дверьми, за которыми виднелись сосны. Там ярко светило солнце и гулял ветер в кронах хвойных деревьев. Но главное, там меня ждала СВОБОДА!

Хотя о ней рано говорить, ведь я все еще находилась в здании. Мне и так сказочно везло, что никто не повстречался на пути.

Волнуясь, дернула дверь на себя... Заперто!

В глазах потемнело от ужаса. Все еще держась за ручку, качнулась вперед – и вывалилась на улицу! Дверь открывалась наружу.

И снова бег. В ступни впивалась мелкая галька дорожки. Мельком оглядевшись, поняла, что нахожусь, по всей вероятности, на базе отдыха вервольфов посреди леса. И почему-то на ее территории, кроме моих охранников, я не чувствовала ни единой живой души...

Многим позже Ник объяснит, что в тот день почти вся стая находилась в городе, даже старики и дети, – праздновали свадьбу племянницы вожака. Только Алине и Соболеву как ближайшим друзьям Андрея доверили стеречь пленницу.

Ограду из толстой сетки-рабицы перепрыгнула, почти не заметив.

Я неслась среди сосен, кустей терна и боярышника, не зная точного направления, боясь остановиться хотя бы на минутку. Хвоя, колючки, прошлогодняя высохшая трава кололи ступни, но я старалась отрешиться от боли. Иногда это получалось.

Бежала, не ощущая холода, несмотря на легкую одежду. В клетке я провела несколько дней, значит, наступил май...

Характерный шум слышала задолго до того, как увидела темно-серую ленту трассы. Лишь раз выбралась к ней, чтобы посмотреть на указатели, а так стремилась оставаться под защитой леса. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем он закончился и пришлось бежать вдоль обочины. Вскоре стало ясно, что поддерживать первоначальный темп затруднительно: босоногая девица в джинсовой юбке и коротком топе мало походила на спортсменку и потому вызывала любопытство.

После того как остановился второй автомобиль и водитель предложил подвезти, я уменьшила скорость, вовсе переходя на спокойный шаг, когда невдалеке слышались звуки машины.

Почему не согласилась на предложение, чтобы подкинули до города? В первом случае просто испугалась, а потом пожалела, что отказалась. А вот второй водитель не внушил доверия – несло от него мерзко, чем-то странным, да и глаза как стеклянные. Уж лучше пешочком, чем с таким ехать в одном авто.

Раньше я умела за себя постоять. Теперь, после укуса, я не знала, чего от себя ждать. Воображение рисовало жуткие картинки: подозрительный мужчина начинает флиртовать, и я превращаюсь в волчицу, которая перегрызает ему горло, заливая салон багровыми реками крови... И потому лучше не допускать таких ситуаций. Смогу оторвать кому-то голову или нет, проверять на практике не хочется.

Сосредоточившись на буйстве фантазии, перестала смотреть под ноги – и напоролась на стекло. Вот же есть странные личности!.. Выбрасывают бутылки и прочий мусор из окна, как будто сложно потерпеть до урны ближайшей заправки!

Прихрамывая, сошла с дороги. К счастью, начиналась листовая посадка, где я нашла нужную траву, почти не запыленную благодаря защите деревьев и кустов.

Вопреки распространенному мнению к открытым ранам лучше прикладывать не подорожник. Он хорош для другого. Его измятые листья вытягивают пчелиный и змеиный яд. А вот останавливает кровотечение, обеззараживает и заживляет раны полынь горькая.

Помыть листочки не было возможности. Выбрав самые молоденькие и оттого еще не успевшие пропитаться пылью, пожевала их. Какой же мерзкий вкус, незабываемо отвратительный! Полученную зеленую кашку приложила к рассеченному пальцу, точнее, хотела приложить. Лишь бледная кривая черточка напоминала о ране – регенерация справилась с ней за несколько минут.

На дорогу вернулась в скверном настроении и с гадким, горьким вкусом во рту. Полцарства за бутылку воды!..

На горизонте появились неясные очертания домов, к сожалению, одноэтажных. Всего лишь поселок, до города по-прежнему далеко.

Черный пикап, едущий в ту сторону, откуда я шла, резко развернулся, нарушая правила дорожного движения, и притормозил, чуть меня обогнав.

Распахнув дверь, темноволосый водитель весело произнес:

– Эй, Золушка, твой принц оказался настолько плох, что, убегая, потеряла обе туфельки?

Угадал, остряк!

– Я принципиально не ношу обувь, религия запрещает, – мрачно пошутила, напрягшись всем телом.

Молодой, хорошо сложенный мужчина будил смутную тревогу. Не так, как тот со стеклянными глазами, но все же...

– Садись, босячка, я довезу тебя, куда скажешь, – грубовато предложил он.

И снял солнцезащитные очки. Карие глаза внимательно рассматривали меня, как будто сканируя.

– Тебе же в другую сторону? – поддела насмешливо.

Хоть я и не приветствую фамильярность, было легко «тыкать» незнакомцу, он сам задал шутливый тон разговора.

– Когда девушка угодила в неприятности, стоит повременить со своими планами. Садись, подвезу!

Принимать его предложение я не собиралась, но и пройти мимо не решалась. Аура силы вокруг мужчины давила, требуя подчиниться, и только природное упрямство позволяло стоять на своем.

– Спасибо, не надо. И у меня нет проблем, кроме героев, останавливающих своих железных коней ради любопытства.

– Разве я о чем-то тебя расспрашивал? – вскинул водитель темные брови. – Не бойся, босячка, со мной ты будешь в полной безопасности. Ведь тяжело идти по солнцепеку, да еще без воды?

Невольно сглотнула горькую слюну. Жажда мучила все сильнее.

– Спасибо, я и на топтобусе доберусь.

Мужчина, вздохнув, вышел из авто, и мои нервы сдали – я рванула вниз с насыпи, в сторону посадки.

– Стой! Ты куда?!

Поздно! Я уже нырнула в высокий терн, раздирая хлопок топа и собственную кожу. Мужчина не стал преследовать, зато всласть выругался.

– Девушка, я действительно хочу помочь, но не буду бегать за тобой по кустам! Слушай, я спешу, но могу отвезти, куда скажешь. Я готов поклясться, что не причиню тебе вреда.

Настырный какой попался! Не причинит он мне вреда. Так я и поверила. Если предают родственники, то следует ли ждать честности от незнакомого типа?

– Эй, босячка! Я знаю, что ты еще здесь, – слышу, как шуршишь листвою. Вот тебе вода, а я поехал – дела не ждут, пока испуганная девица надумает принять помощь.

Оставив бутылку на обочине, незнакомец развернул пикап и убрался прочь из моей жизни.

Минералку я взяла. Руки дрожали: если не пошутил, что слышит, как шуршу, то он полуночник, а я и не поняла. Вопрос, кто именно? Слух у вампиров немногим хуже, чем у оборотней, маги при необходимости обостряют органы чувств заклинаниями. Про сидхе и демонов ничего сказать не могу – к счастью для меня, ни разу не встречалась с этими представителями Полуночи.

Все же надеюсь, что водитель пошутил.

К городской свалке я подошла, когда начало темнеть. Унюхав ее «ароматы», отказалась от вначале показавшейся привлекательной идеи подъехать в кузове мусоровозки. Ведь не доеду! Скончаюсь от болевого шока – тысячи запахов забивали нос, раскалывая голову на части. Как отрегулировать эту способность, я не представляла.

Нет, подъезжать на вонючей попутке не буду, уж лучше еще два часа топтать до родного Кривогорска.

После обращения ориентироваться в темноте не составляло труда. И все же она пугала, оказаться ночью далеко за городом на пустынной трассе – то еще испытание для нервов.

Поэтому островку света, заправке с магазином при ней, обрадовалась по-настоящему. Невзирая на позднее время, на парковке стояло несколько автомобилей: белый внедорожник, обшарпанная «девятка» и новенькая дамская машинка. Последняя, правда, на эвакуаторе. Владельцы средств передвижения, как и работники парковки, по моим ощущениям, находились в магазине.

И меня посетила очередная гениальная идея. Я залезу в эвакуатор! Не к водителю, само собой, а под машину, которую он повезет, благо темнота сыграет мне на руку.

Успела выполнить задуманное буквально в последнюю минуту – из магазина вышли водитель и его напарник. Эвакуатор мягко отъехал, и я осознала, как сильно у меня болят ноги. Даже регенерация плохо спасает, если идти босиком, а дорога – позор региона...

Я забылась тяжелым сном, поэтому не сразу ощутила, что эвакуатор остановился.

– Девушка, не стыдно путешествовать «зайцем»?

Мерзкий голос одного из мужчин и рука второго, вцепившаяся в юбку, вмиг прогнали остатки сонливости.

– Простите, я больше не буду! Я сейчас уйду. – Вырвавшись, вылезла из-под машины, а затем и прыгнула на асфальт.

Фонарик, которым светили в лицо, сбивал с толку.

– Не, ты катайся! Только расплатись за проезд, – хохотнули в ответ.

Угрожающий треск – и бок обожгло болью. Мышцы свело, я упала, не в силах контролировать свое тело. Меня ударили электрошокером!

– Давай быстрее ее в машину, пока не очухалась, – велел первый второму.

Как в дурном сне... Это не могло происходить со мной! Так не бывает, что случается только плохое, не давая передышки!

– А хороша девка, – одобрительно произнес мужчина и подхватил под мышки мое окаменевшее тело.

– И на бомжа совсем не похожа, хоть и босиком, – заявил второй, щерясь. Зубы у него были великоваты для человека. – Мастер будет доволен.

Из огня да в полымя? Я сама влезла в лапы к вампирам. Живой теперь точно не выбраться! Не раз слышала, что кровопийцы промышляют, ловя случайных жертв на ночной работе. Теперь удостоверюсь на собственной шкуре.

Затолкать меня в кабинку эвакуатора не успели. Из резко затормозившего пикапа выскочил мужчина, угостивший меня днем водой:

– Отпустили девушку! Быстро!

Кровососы восприняли приказ буквально – резко разжали пальцы, и я шлепнулась вниз. Больно ударившись, рассвирепела. Ярость огнем омыла тело, наполняя силой и возвращая подвижность. Захотелось позабыть о чувстве беспомощности. Стереть из памяти страх и отчаяние. Гнев на Горобинских, усиленный эмоциями, вспыхнувшими по милости вампиров, грозился вырваться наружу.

Остро захотелось впиться ближайшему в глотку. Оторвать второму руки, которыми он хватал меня.

Я зарычала, чувствуя, как по позвоночнику проходит, покалывая, горячая волна силы. Упоительное ощущение!

Но и оно не затмевало дикое желание убивать.

– Тихо, тихо, девочка. – На плечо успокаивающе опустилась широкая ладонь. – Они уже поняли свою ошибку.

Захотелось оттолкнуть мужчину, прикоснувшегося без разрешения и посчитавшего, что он вправе меня останавливать. Я развернулась – и утонула в желтовато-карих глазах, полных неподдельного сочувствия.

Он понимал, каково мне сейчас...

Меня словно холодной водой из ведра окатило. Ох, я едва не бросилась убивать вампиров голыми руками. А ведь всегда гордилась своим контролем!

Отдышавшись, тихо спросила:

– Предложение подбросить в Кривогорск все еще в силе?

Мужчина удивился, и почему-то мне кажется, что не вопросу, а тому, как быстро я совладала с эмоциями, затушив ярость. Хотя чему тут удивляться? Я не кровожадна, вдобавок бывшая магичка-боевик, которая в первую очередь училась сдерживать порывы.

– Иди в машину, вскоре присоединюсь к тебе.

В этот раз я подчинилась незнакомцу и не стала прислушиваться к его разговору с вампирами. У меня даже не вызвал любопытства его разговор по телефону, протянутому водителем эвакуатора. Не до того было, если честно.

Я думала, что рассказывать о себе, морально готовилась к допросу. А еще осматривалась в салоне, стараясь по нему понять, кто мой спаситель. Одно ясно – он полуночник и фотограф. Первое вытекало из того, что он знал о вампирах и вовремя осадил меня на грани превращения. На второе указывал профессиональный фотоаппарат, лежащий на заднем сиденье.

К допросу подготовиться не успела – незнакомец вскоре занял место водителя.

– Надеюсь, ты не успела заскучать.

– Мне бы не помешало немного скуки, а то одно веселье изо дня в день, – призналась тихо.

- Бывает, – серьезно кивнул молодой человек.

Выехав на дорогу, он, не отрывая от нее взгляда, протянул руку ладонью вверх:

- Кирилл Данилов.

- Маша. – Моя рука утонула в его.

- Очень приятно, Маша, с тобой познакомиться, – произнес он стандартную фразу.

Не сдержавшись, хихикнула.

- Что?

- Сомневаюсь, что приятно.

- Отчего же? Вытащить девушку из беды всегда приятно.

Вздыхнув, стиснула зубы. Если бы на этом все закончилось... Увы, стычкой с вампирами мои беды не ограничивались.

- Если расскажешь, то и остальные проблемы я постараюсь решить. – По моей мимике Кирилл правильно угадал мысли, что слегка испугало. – Думаю, в моих силах тебе помочь.

- Спасибо, я должна сама справиться.

- Я не тороплю с решением, довериться незнакомцу сложно.

- Ну какой же ты незнакомец? – усмехнулась я.

- И то верно, познакомились уже, – улыбнулся Кирилл и предложил: – На сиденье сзади сумка с бутербродами, угощайся.

Мне зверски хотелось есть. Зверски! И я не колебалась ни секунды, доставая переносной холодильник. Бутерброды были на выбор: с вареным мясом, ветчиной, красной рыбой, зеленью – и так много! Мой желудок издал позорный, но безгранично счастливый рык.

Спаситель, а после того, как он избавил несчастную девушку от мук голода, мне хотелось величать его только так, не отвлекая от трапезы. Но когда я запила поистине царское угощение водой, спросил:

- Итак, куда тебя везти? Прежде чем ответишь, я назову несколько своих вариантов, согласна?

Я напряглась. Что за «свои варианты»? Мы так не договаривались!

- Вот только не надо игр в паранойю. Хотел бы что-то тебе сделать, не вез бы так далеко, – нарочито мрачным тоном заявил Кирилл. – Считай, что и у злодеев бывают выходные, дни добрых дел.

Как ни странно, даже такая незамысловатая шутка помогла расслабиться.

- Ладно, предлагай свои варианты.

А может, благодущие мне вернула вкусная еда? Что ж, путь к расположению оборотня лежит через его желудок.

- Первый вариант: я везу тебя в область, и там ты подаешь заявление в ВОК о незаконном обращении. Твоего обидчика находят и наказывают, тебе предоставляют всевозможную помощь, чтобы ты смогла адаптироваться в новой для тебя роли.

- Нет, только не в ВОК! Без этого обойдусь!

В тот момент я еще не думала, что могу угодить под микроскоп ученых Контроля, но само предложение добровольно встретиться с Хеммингом вызывало в душе отторжение. Нет, я не готова к подобному подвигу.

- Хорошо, не настаиваю. Второй вариант: я везу тебя в один из центров помощи пострадавшим от действий полуночников.

Я бы согласилась, не будь у меня знакомых, которые могли помочь с таким же результатом, что и центр.

Когда покачала головой, Кирилл озвучил последний вариант:

– Тогда отвезу тебя к тем, кто научит быть вервольфом, а также добьется наказания для оборотня, обратившего тебя против твоей воли. В Северную стаю.

– Не надо, – снова отказалась. – Я не готова встречаться с оборотнями.

Кирилл бросил на меня быстрый взгляд и кивнул.

– Дело твое, – сдался он. – Называй адрес.

В голове промелькнула мысль о родителях. Заскочить к ним в Кривогорск, быстро успокоить, все объяснить. Но вовремя сориентировалась, что именно там в первую очередь будут искать пропажу Горобинские, если уже не ищут: я-то шла пешком, а у них автомобили и телефоны. Один звонок вожака восточных веров – и ближайший к моему дому оборотень отправится туда дожидаться беглянку. Нет, там мне точно нельзя показываться. И к друзьям дорога заказана – почти всех предатель Макс знал если не в лицо, то по рассказам. Макс, ох Макс... Как же противно на душе, когда предадут близкие!

И я не стала просить Кирилла заезжать в мой родной городок. Как он и предлагал, мы поехали в областной центр. Не в ВОК или в Северную стаю, естественно, а к моему университетскому куратору, который присматривал за студентами-полуночниками.

Где жил Николай Николаевич, я знала, благо дважды заносила с Аленой книги по этике магии, которые он заставлял нас читать. В третий раз Алена, которой ужасно нравился Ник, пыталась набиться в гости одна и без уважительного повода, но куратор не пустил ее даже на порог. Она тогда сильно расстроилась и за глаза обзывала его святошей до самого выпуска.

– Нам еще долго ехать, постарайся уснуть, – предложил Кирилл.

После всего, что новый знакомый для меня сделал, я решила, что он достоин доверия. Чуть сдвинувшись в кресле вниз, преспокойно уснула. И кошмары меня не мучили.

Открыла глаза, когда Кирилл легонько коснулся плеча:

– Приехали. Просыпайся, Маша.

Всего на несколько секунд подумалось, а туда ли он меня привез? Потом прогнала гадкую мыслишку прочь и поблагодарила, даже не взглянув для успокоения в окно.

– Спасибо, что помог мне. Я никогда не забуду твою доброту, и если будет возможность, постараюсь отблагодарить.

Кирилл светло улыбнулся:

– Простого спасибо достаточно.

Открыв дверь, замешкалась.

– Удачи, Кирилл! – Быстро поцеловав его в щеку, выскочила на улицу.

Не оглядываясь, вошла в подъезд дома Ника, к счастью, в теплое время года стальная дверь не закрывалась. Поднимаясь на второй этаж, мысленно молилась, чтобы он был дома. Молодой мужчина, не женат, что мешает ему ночевать у подруги или развлекаться в клубе? И буду я, сидя на лестничной площадке, куковать до утра...

Уже перед дверью квартиры замерла. Что ему сказать? Понятное дело, что правду. Вот только с чего начать? А, разберусь, главное, чтобы он был дома.

Позвонив, принялась ждать. На жилище куратора стояла магическая защита, и услышать, что происходит внутри, не смог бы даже прирожденный оборотень, что говорить о недавно обращенной, еще не умеющей использовать свои возможности верволчице.

Дверь резко распахнулась. Взъерошенные рыжевато-русые волосы, темно-синяя пижама и вытянувшееся от удивления лицо – куратора таким неидеальным я еще никогда не видела.

– Мария?!

– Здравствуйте. Простите, что так поздно...

– Мария, ты где была? – Ник, к его чести, быстро справился с потрясением и живо сориентировался в ситуации. – Заходи скорее, пока никто не увидел!

А вот с приглашением он поспешил зря... Вдруг я поднятая нежить? Которую натравил на него

какой-нибудь недруг? Хотя не стоит забывать, что Ник Никович – сильный маг и боевая практика у него богатая.

Сбежав в зал за пледом, он вручил его мне со словами:

– На улице холодно. – Взглянув на запыленные, сбитые ноги, скрипнул зубами: – Ты в порядке?

– Относительно...

– Что случилось, Маша? Твои родители и Совет подняли на уши весь Кривогорск и едва не всю область!

Протянув обратно шерстяное покрывало, я объяснила:

– Не надо, мне теперь трудно замерзнуть. Если коротко, то на меня напал оборотень, обратил, удерживал в клетке, но я сбежала.

Куратор молча взял плед, раскрыл и накинул на меня, невольно обнимая. Постояв так немного, отпустил.

– Давай перейдем в зал. – Все это время мы стояли в коридоре. – Разговор предстоит долгий.

Но сразу к расспросам Николаев не приступил, а ушел на кухню, и я услышала, как щелкнул, включаясь, электрочайник.

Сидеть, когда предстоял непростой рассказ, не было сил, и я ходила по комнате, не находя себе места. В какой-то момент посмотрела в окно – перед подъездом все еще стоял черный пикап. Отдернув воздушную занавеску из бледно-зеленой органзы, помахала рукой. Если Кирилл наблюдает за окнами, то меня увидит.

Он и увидел. Мигнув дважды фарами, его внедорожник сдал назад и вскоре выехал со двора.

В груди разлилось приятное тепло. По сути, случайный знакомый, он переживал за меня. Хороших людей все-таки больше в этом мире, чем плохих.

– Маша? Что-то не так? – войдя в комнату, забеспокоился куратор.

От двух чашек в его руках приятно пахло травами и медом.

– Нет, все хорошо. Прощалась с человеком, который привез меня к вам.

– Так, рассказывай все. – Поставив чашки на стеклянный журнальный столик, Николаев подошел к окну. – Рассказывай от начала и до конца.

Признаваться в собственной глупости и описывать пережитые унижения сложно, но необходимо, особенно когда просишь помощи.

– Пей. – Куратор усадил в кресло и всунул в руки горячий напиток. – Прости, что не даю времени прийти в себя, мне важно понять, сколько его у нас вообще, прежде чем за тобой явятся сюда.

– Извините, что взваливаю на вас свои проблемы, – виновато пробормотала я в чашку. – Я не должна была.

– Глупости! Ты моя студентка и должна помнить, что я обещал поддерживать и после завершения учебы. Так что пей чай и рассказывай.

Ник умел слушать. Неподдельное сочувствие побуждало к откровенности, позволяя расслабиться и ощутить, что в этом месте поймут и помогут. Впрочем, так оно и было.

– Так как, ты говоришь, зовут мужчину, который тебя привез?

Я еще не говорила, но не стала заострять на этом внимание:

– Кирилл Данилов.

Николаев закатил глаза:

– Мария, это только ты могла нарваться на сына Булатова! И расположить его к себе настолько, что он учел твоё желание не входить в стаю!

– Сын Булатова?.. Вожака Северной стаи? – всполошилась я. – Но он же представился Даниловым! Соврал?..

Николаев снисходительно улыбнулся:

– Нет, не соврал. С отцом у Кира сложные отношения, и это долгая история. Данилов – его псевдоним для работы, сокращение от фамилии отца.

Смутно вспомнился разговор родителей. Они беседовали о том, что вожак северных волков женился на любимой женщине спустя годы, когда она овдовела. Выходит, до того он не знал, что она родила ему сына? «Санта-Барбара» какая-то, не иначе!

– Слушай меня внимательно. – Посерьезневший куратор отвлек от пустых размышлений. – Сила и природа проснувшейся в тебе ментальной магии пока не проявились. Но уже сейчас понятно, что ты заинтересуешь не только Горобинских, но и всех без исключения оборотней.

– Почему? – испугалась я. – Что в этом особенного?

– Гены, Маша, гены. Ты можешь передать склонность к ментальной магии своим детям, а это укрепит позиции веров. Если твой дар силен, ты вдвойне уникальна и заинтересуешь также ВОК. Поэтому за тобой будут охотиться: кто-то, чтобы изучить, а кто-то – чтобы получить одаренное потомство.

Мне стало дурно. На душе заскребли, заметались кошки отчаяния. Только сейчас я осознала, в какую ловушку загнала меня судьба, подарив магию, о которой я настойчиво просила. Вот уж точно сказано: бойтесь своих желаний, они иногда исполняются, и жизнь идет наперекосяк.

Николаев говорил долго и убедительно. Что мне повезло до неприличия сначала сбежать из клетки, затем нарваться на беспринципного, жестокого Кирилла, когда у того было отличное настроение и он пожалел новообращенную. Сложно поверить, что мужчина, отбивший меня у вампиров, негодяй. Но ведь он сам сказал, что у него, злодея, сегодня «день добра»? Что, если это действительно так?

Разум отказывался анализировать имеющиеся данные, вдобавок за разговорами о моем будущем особо не было времени на думы. Дав возможность искупаться и нормально поесть, под утро Николаев отвез меня к своей знакомой старухе в забытую провидением деревеньку.

Именно там и состоялся мой первый оборот. Увидев в подсыхающей луже отражение волчьей морды, я долго скулила над нелегкой судьбой. Себе я казалась уродливой неудачницей.

Усугубляло ситуацию то, что рядом не было не только близких людей, которым можно доверять, а вообще никого. Знакомую Ника я боялась окликнуть лишний раз – настолько старой, готовой рассыпаться на ходу выглядела сухонькая женщина.

С моим телом творились малопонятные вещи, а я переживала их в одиночестве. Это было настолько страшно, что не пожелаешь и врагу.

Глава 8

Не слышащий Луну

Захлопнув дневник, я потянулась, разминая затекшие мышцы спины.

Вспоминать плохое неприятно, а порой и больно. Но это необходимо делать, чтобы усвоить урок, посланный Вселенной. Ведь проигнорированное задание повторяется вновь и вновь до тех пор, пока не найдется верный ответ.

Я пока свой не нашла. Нет, кое-какие выводы сделала. Все, что произошло со мной в прошлом, научило двум вещам: во-первых, бежать, когда подает голос интуиция, бежать любой ценой, без оглядки на правила и людей; во-вторых, принимать помощь незнакомцев, слушая свое сердце.

Почитав воспоминания о том, как вырвалась из лап Горобинских, по-новому осмыслила слова куратора о Кирилле Булатове (он же фотограф Данилов). Что-то напутал Ник. Не мог мой спаситель быть беспринципным негодяем, который в угоду интересам семьи и стаи ломает чужую жизнь. Или не напутал? Кирилл – оборотень. Подчинение инстинктам и старшему над ним, в данном случае отцу, у него в крови. Немаловажно, что, когда Булатов подбирал меня на трассе, я была для него всего-навсего жалкой, испуганной новообращенной, которую легко пожалеть. Это уже потом, когда выплыло (если выплыло, разумеется!) то, что у меня появились способности внушать, я стала ценной добычей, которую нужно принести стае...

Нет, Ник прав. Если хочу быть независимой хозяйкой собственной судьбы, надо всегда быть начеку. Нельзя верить оборотням и Контролю.

Чтение дневника разбредило подживающие раны, и мне захотелось есть. Я и раньше заедала стрессы сладким, а теперь с новым метаболизмом перекусы стали жизненной необходимостью.

Вот только мне нужен не торт. Точнее, не только он. Я поняла, что слишком давно не ела сырого мяса. И сейчас испытывала двойственное чувство: невероятно сильно хотелось освежить в памяти его вкус и заранее тошнило от аромата крови.

Какая-то неправильная из меня вышла волчица.

Впрочем, свежая говядина или свинина – это еще ничего, а вот когда, очнувшись, осознаешь, что стоишь на четырех лапах и во рту... в пасти у тебя бьется, агонизируя, ворона... Фу! Какие же противные ощущения! Хуже только жрать голубя. А если при этом помнить, что эта мусорная птица вдобавок разносит заразу и не просто так называется летающей крысой... Ох, как же тошно-то становится!

Мерзкие воспоминания не перебили желание отведать сырого мяса, напротив, голод стал острее. И я точно знала, его не заглушить чем-то другим. Время от времени оборотни становятся сыроедами, и это мне не преодолеть, к сожалению. Если буду противиться, то после оборота первая попавшаяся на глаза собака или кошка рискует оборвать свой жизненный путь в моем желудке.

В тринадцать утра оголодавшая я спустилась на первый этаж. О том, что у меня особая диета, куратор предупредил Вольского, но за все время моего пребывания у него я ни разу не ходила на кухню с этой целью – мне хватало обычных приемов пищи.

– Доброе утро, Ким. – Я нерешительно остановилась на пороге.

Не ожидала встретить тут кого-то так рано.

– Доброе, Миа. Присоединяйся.

Азиат пил чай. Уже в белоснежной форме, он выглядел строгим и собранным.

– Да я как бы и не чаевничать пришла. – Он мешал, я не могла при нем достать из морозилки мясо – не хотелось видеть отвращение при виде моей «трапезы». – Ладно, зайду позже.

– Стой, – тихо произнес повар. – Ты есть хочешь? Сейчас сделаю.

Вот влипла! Сейчас кашку мне какую-нибудь сварит.

Послушно, без возражений присела за стол. А что бы я сказала? «Извини, Ким, твоя обычная, обалденно приготовленная еда меня не интересует, потому что хочу сырого мяса? И чтобы кровь стекала по подбородку...» Фу! Последнее лишнее, спасибо бурному воображению.

Признаться высококлассному повару в низменных желаниях я не могла. Неловко. А грызть при нем кусок мороженого мяса еще и стыдно. Потерплю до следующей ночи.

– Ким, а что ты делаешь?

Задумавшись, не сразу заметила его странные манипуляции с... большим куском сырой телятины.

– Я уже почти закончил, – невозмутимо ответил азиат. – Потерпи.

Еще несколько минут в напряженной тишине, и он поставил передо мной белоснежное блюдо с тончайшими лепестками телятины, украшенными веточками петрушки и кольцами лука.

– Не знаю, как ты любишь, начал с карпаччо по-вервольфски, экспресс-вариант.

Я молчала, ошалело хлопая ресницами. Как он понял, что хочу сырого мяса?

– Но мы ведь попробуем все? – продолжил повар. – Классическое карпаччо, тартар, севиче, строганина... Мы подберем то, что придется тебе по вкусу.

Машинально подцепила вилок почти прозрачный алый кусочек и отправила в рот. Мм... Освежающий вкус лимона и аромат оливкового масла подчеркивали нежность и сочность телятины. Да уж, это не жесткая ворона и даже не жилистый зайчик!

– Ну как тебе? Нравится? – поинтересовался Ким, когда моя тарелка наполовину опустела.

– Очень! Слов не могу подобрать, чтобы описать, насколько вкусно!

– Это ты еще не пробовала тартар и севиче моего приготовления.

Повар не хвалился, а всего-навсего констатировал факт, что и другие блюда из сырого мяса получаются непревзойденно. И я ему верила.

– Ким, а как ты понял, что я пришла не за кашей с котлетами? – задала мучающий вопрос.

– По приказу Вольского Вася, покупая продукты, не забывает и о пяти килограммах мяса для тебя. Филе категории «селект» держу в холодильнике при нуле градусов, опять же для тебя, затем перемещаю в морозилку, когда появляется свежее. Но ты его ни разу не ела, и знаешь, такими темпами мы скоро забьем морозильный ларь на триста двадцать пять литров.

Мне стало неловко. Как-то и не думала, что Вольский пойдет на подобные сложности, – специально для моей «диеты» будут привозить мясо.

– А еще ты пришла в три часа ночи на кухню, и глаза от голода светились желтым, – добавил, хитро улыбаясь, Ким.

Ужас какой! Светящиеся глаза! Схватив нож, поднесла к лицу, пытаюсь разглядеть свое отражение на зеркальной поверхности стали.

Повар рассмеялся:

– Я пошутил, в порядке твои глаза. Если серьезно, то когда один оборотень голоден, второй это чувствует.

Не поняла... Оставив нож в покое, пытливо посмотрела на Кима. Теперь-то он серьезно говорит? Похоже на то.

– Ты вер?

Теперь я уже знала, что новообращенному непросто понять, что перед ним оборотень, если тот того не хочет и при этом силен настолько, чтобы спрятать свою суть. Как, например, это было с сыном Булатова, в котором я не сразу опознала вервольфа.

Ким грустно улыбнулся:

– Сложно поверить? И неудивительно – я не слышу Луну уже несколько лет.

Я не сразу поняла, о чем он. Но, к счастью, не обидела бестактным вопросом – вспомнила, что однажды вскользь упоминал отец. Бывает, очень редко, когда вер умирает как бы наполовину: его звериная часть гибнет, и он больше не может оборачиваться.

– Мне жаль, Ким...

– Не надо, Миа. – Он вздохнул. – Моя смерть должна была стать платой за достойную цель. Но, как видишь, я все еще жив.

Вопросы роем кружились в голове. Но как их задать, когда потеря второй ипостаси для обычного

оборотня – трагедия всей жизни? Это только я радовалась бы избавлению от волчицы.

В груди кольнуло. словно новая сущность высказывала протест? Уймись, лохматая, я тебя в свою жизнь не приглашала! Поэтому сиди тихо и не отвечивай!

Ох, неужели схожу с ума, раз веду внутренние разговоры с волчицей?

От психоанализа самой себя отвлекли тихие слова:

– В моем клане мало достойных бойцов. И когда издавна враждующий с нами род в очередной раз попытался отобрать территории, я знал, что умру. Просто не переживу ритуальный поединок – соперники собирались выставить урсолака, которому я был на один удар лапы.

Оборотни-медведи – да, сильные, но нельзя назвать их непобедимыми: их одолеет и вертигр, и матерый вервольф. Так почему Ким говорит, что он ему на один удар лапы? Реально оценивает шансы? Или...

– Прости нахалку, а какой ты оборотень? – осторожно поинтересовалась я и тут же пожалела.

Дурацкое любопытство, вечно толкает потоптаться по чужим мозолям. Можно было просто послушать и сделать выводы. Одно радуется, что не в прошедшем времени оборотнем назвала.

– Лис.

– Кицунэ? – не удержала восхищенного вздоха.

Я ведь только вервольфов видела вживую, остальных веров – на картинках в книгах по истории Полуночи.

– Нет, лис. Как-нибудь объясню разницу.

– Мне было бы интересно... Постой, так ты дрался с медведем?!

Само собой, лисы-оборотни крупнее обычных лисиц в несколько раз. И все же с урсолаками они в разных весовых категориях!

– У меня выбора не было. Клан Золотых лисов претендовал на территорию и на мою внучатую племянницу, женитьба на которой закрепила бы их притязания. Девочку ждала незавидная участь временной жены-обузы, да и остальные родственники недолго бы прожили. Пейжи Ликиу выросла у меня на глазах, и я люблю ее как собственную дочь. Поэтому только ради нее одной стоило рискнуть жизнью.

– А почему вы не выставили тоже кого-нибудь покрупнее? Наняли бы вертигра или вервольфа?

– Выставляют только своих. В отличие от остальных кланов, Огненные лисы никогда не смешивали свою кровь с чужой, – с горечью обронил Ким. – Прабабка за этим зорко следила и пресекала малейший интерес сначала дочерей, а затем и внуков с правнучками.

– Страшная женщина. Указывать, кого нельзя любить, жестоко.

– Не представляешь, насколько страшная. Но при этом мудрая, хранительница древних знаний.

– Знаний, которые не помогли ей в войне с соседями, – не удержалась я от шпильки.

– Отчего же? Помогли. По закону клан победителя получает предмет спора, в данном случае – земли. Если поединок заканчивается смертью обоих бойцов, спор за территории откладывается на четверть века. Я понимал, что не смогу завалить медведя, и надеялся на второй вариант. Хотел дать своим передышку и уберечь малышку Пейжи Ликиу от участи заложницы, ведь за двадцать пять лет она точно встретила бы своего избранника, а значит, не смогла бы оставаться в статусе возможной невесты для золотых.

Ким смолк. Пока я мало что понимала, особенно слова о «мудрости» прабабки. Но он недолго томил неизвестностью.

– Прабабка – первейший мастер личин и артефактор в Нью-Йорке, если вообще не в Штатах. Без моего согласия она создала амулет, разрушающий связь между человеческой ипостасью и звериной, – это если вкратце, там все намного сложнее. И когда я подышал рядом с трупом урсолака, она надела свое творение мне на шею. – Ким продемонстрировал цепочку с золотым медальоном овальной формы. – Благодаря ему я не ушел вслед за умершим лисом, а клан Огненных сохранил свою территорию.

– А затем ты ухватился за предложение поработать в другой стране и сейчас не спешишь обратно,

потому что среди родных чувствуешь себя неловко, – сделала я вывод, объединив раннюю информацию с только что озвученной.

– Да, – не стал отпираться Ким и тут же ошарашил: – Даже не надейся, тебе он не поможет.

– Что?..

– Думала, не замечу, с какой надеждой смотришь на мой амулет?

Я невинно улыбнулась – ладно, попалась. Однако ничего криминального не видела в желании раздобыть такой же медальон, как у него.

– А как зовут твою прабабку, Ким?

– Госпожа Цзинь Хуа Ли. Увы, она тебе не поможет, Миа.

– Почему? За ценой я не постою.

– Дело не в деньгах, а в состоянии, в котором нужно находиться.

– Умирать?

– Не совсем. Нужно быть не только на грани, но и оборотнем, от рождения владеющим большим потенциалом.

Вмиг загрустилось. Эх, а я уже предавалась мечтам, что вскоре избавлюсь от четвероногой захватчицы своего тела.

– Жаль, что тот, кому не нравится быть оборотнем, остается им, тогда как другие...

Азиат поднял руку, останавливая мое признание:

– Ты не должна так говорить и тем более думать. Вижу, не осознаешь до конца, что с тобой произошло?

– Отчего же? Прекрасно понимаю. Из-за чужой прихоти я стала зверем и пока не пойму, насколько большую власть волчица получила надо мной.

– Нет, Миа, не понимаешь, – не согласился повар. – Ты глупая девчонка, которая трусливо закрывает глаза на истинное положение вещей.

Я даже рот открыла от возмущения, но спорить не стала. Сытая я – миролюбивая я. К тому же стоит послушать старших, вдруг что умное скажут?

– Ты уже родилась оборотнем, Миа.

– Что?!

– Не смотри на меня так, как будто я тебя по голове разделочной доской стукнул, – усмехнулся Ким. – В тебе спал зверь. Иначе говоря, в наборе генов скрывалась предрасположенность к обращению. Не будь ее, тебя могли искушать хоть тысячу вервольфов, и ничего бы не случилось.

Не сумев сдержать циничную ухмылку, возразила:

– Боюсь, уже после парочки укусов я бы окочурилась, а уж после тысячи...

– Не ерничай, ты поняла, о чем я.

– Да, я слышала о предрасположенности! Но ведь без укуса этот дремлющий зверь так бы и не проснулся!

Лицо азиата сделалось торжественным, и голосом, каким рассказывают страшные тайны, он просветил:

– Тебя избрала сама Луна. Ты особенная, Миа.

Какие глупости... Или нет? Тревожно застучало сердце. Неужели Ким что-то знает о моих способностях? Нет, не может быть, не должен...

Я отрицательно покачала головой:

– Не понимаю, о чем ты.

– И не надо пока, время не пришло, – загадочно улыбнулся повар. – Просто прими себя новую, Миа. Да, обращение многое у тебя отобрало. Но ведь что-то и дало?

Пустая затея – подсчитывать плюсы и минусы. Я утратила магию, свободу быть там, где хочу, с кем хочу. Мне снятся кошмары почти каждую ночь. Какие плюсы, если я боюсь сама себя? И того, что могу натворить, превратившись в здоровенную кровожадную волчицу?

Разволновавшись, впилась пальцами в край столешницы. Деревянная, приятно гладкая на ощупь – как бы я ее не сломала. Выровнив дыхание, сложила руки на груди.

– Сейчас я сама себе не принадлежу, управление телом норовит перехватить волчица. Я просыпаюсь посреди ночи в лесу, гоняюсь за зайцами и птицами – и все из-за нее.

Пока говорила, глаза Кима округлились. Скомкав бумажное полотенце, он метко отправил его в мусорную корзину. Затем налил себе новую чашку чая и залпом ее выпил.

– Говоришь так, словно у тебя раздвоение личности. Ты подавляешь свои новые желания, отрицаешь случившееся, подсознательно выдумывая внешнего врага. А он внутри тебя, Миа. Ты и только ты доводишь себя до страшного состояния потерянности. Пора бы осознать: ты – волчица, а волчица – это ты.

Услышанное не стало откровением, я это и без него понимала, а вот принять не выходило.

– Мне кажется, я бы все отдала, чтобы вновь стать магичкой, – призналась тихо.

– Это иллюзия. Все – слишком много. Есть нечто более ценное, чем магия или даже жизнь. Твои любимые люди, Миа, их бы ты отдала за возможность вернуть утраченное? За возможность перестать быть оборотнем?

Ответила, не задумываясь ни на секунду:

– Нет. Мои родные для меня дороже спокойной жизни мага.

– Неужели думаешь, что спокойная жизнь невозможна для оборотня? – удивленно вскинул брови повар. – Миа, став вервольфом, ты не утратила право на счастье. Только от тебя зависит, будешь ли наслаждаться жизнью, любить и быть любимой.

Как он правильно и красиво говорит, а на деле все неприглядно и сложно. Разве Горобинские оставят в покое? Нет. А разве возможно счастье в бегах?

Я постоянно думаю, как жить. Строю планы избавления от внимания Андрея. Иногда такие дурные идеи в голову приходят, что потом самой стыдно и противно.

Одна из них занимала мой ум несколько дней. Мечтала научиться метко стрелять, чтобы грохнуть Горобинских из винтовки с оптическим прицелом. Продумывала план отхода, который казался мне наиболее сложным. Учитывала в нем все до мелочей, а потом пришел откат. Я никогда не смогу так сделать. Да, Андрей сломал мне жизнь, но разве достоин он смерти? Смерть – это навсегда.

Вот такая я правильная. Или глупая? Безвольная? Слабохарактерная? Не знаю. Но пока я не вижу повода для применения правила «око за око, зуб за зуб». Попробуй Андрей меня убить, считала бы иначе? Да. Наверное. Не знаю...

– Спасибо, Ким, я подумаю над твоими словами. – Я встала из-за стола. – Большое спасибо за великолепный завтрак!

– На здоровье, – улыбнулся он, вот только в этот раз улыбка не коснулась его грустных глаз. – Если пожелаешь, вечером приготовлю севиче.

– Спасибо, с радостью попробую, – не стала отказываться я, хотя, кажется, норму по сыроедению выполнила.

Уходя, чувствовала на себе тяжелый взгляд. Ким расстроился, что не захотела играть в его загадки про избранную Луной? Или осуждает, что мечтаю избавиться от волчицы? Вероятно, что второе. Ему, утратившему лиса, не понять, каково это, когда зверь мешает жить.

До пробуждения Дарьи оставалось несколько часов, так что я успела выспаться, и ко мне вернулось хорошее настроение. Увы, испортилось оно быстро.

После завтрака из сырного супа, роскошного омлета и пышных пирогов с творогом девочке позвонил отец, и она вприпрыжку поспешила за Василием в кабинет, единственное место на даче,

откуда можно было связаться с внешним миром.

Минут через десять я услышала ее всхлипывания. Молниеносно взлетев по лестнице на второй этаж, едва не сбила Васю с ног.

– Даш, что случилось?

Подопечная отчаянно замотала головой, пряча личико за завесой из светлых волос.

– Вася, что происходит?

Шофер быстро открестился:

– Не смотри на меня так! Это не я! Это ее отец!

На миг мне стало дурно: неужели с магом что-то случилось, раз его дочь заходится в истерике?

Она громко рыдала, размазывая слезы по лицу.

– Маленькая моя, что произошло? – постаралась я привлечь ее внимание, обнимая.

Девочка, крепко обхватив мою талию, зарыдала сильнее.

– Вась, есть догадки, что произошло?

Парень развел руками:

– Как обычно, я отчитался, что у нас все хорошо, и передал Александру то, что мысленно просила Даша. Затем она его долго слушала, а отключившись, почему-то принялась плакать.

Если девочка сама признаваться не хочет, придется обратиться к тому, кто ее расстроил.

– Вась, открой кабинет, будем звонить Вольскому.

Даша отстранилась и, не поднимая головы, попросила:

«Не надо беспокоить папу, он очень занят».

– Солнышко, что произошло? – Опустившись на колени, заглянула в ее покрасневшие глаза. – Почему ты плачешь?

«Папы не будет еще две недели, а может, и больше... Он не приехал на мой день рождения, а теперь еще и пропал надолго! И в зоопарк мы пойдем уже осенью...»

Дался ей этот зоопарк! Свет клином сошелся, прямо навязчивая идея какая-то – поехать туда.

– Даш, ты уже большая девочка, правильно? И знаешь, что у взрослых есть обязанности. Твой отец должен выполнять свою работу, хотя ему, конечно, хочется быть рядом с тобой. Но у него есть долг перед людьми, он не может бросить все и бежать к тебе. Хотя уверена, что ему этого очень хочется.

«Он меня не любит... работа важнее, чем я!»

Когда Лиза утверждала, что Дарьины истерики похожи на локальный конец света, я не верила. Теперь убедилась сама: это просто невыносимо. Видать, девочка неосознанно пользовалась возможностями дара – ее печаль давила на окружающих. У Васи было такое несчастное лицо, словно ему прямо сейчас лечили зубы в стоматологии с оборудованием, установленным еще при Советском Союзе.

– Даша, что за глупости? – через силу выдавила я. – Отец обожает тебя!

«Ага, как же! Когда он нужен, его нет рядом! Ни день рождения не отметили вместе, ни в зоопарк не пошли!»

Такое ощущение, что голова сейчас треснет, как переспевший арбуз. Больно-то как.

Внизу что-то с грохотом рухнуло, зазвенело разбитое стекло... Не только мне плохо – кто-то уронил посуду.

Как прекратить истерику ментала? Превращение в волчицу не поможет, один прием дважды не действует, да и, чувствую, не смогу я сделать сейчас оборот.

– Даша, ласточка, – слова давались с трудом, – раз папа вернется нескоро, давай вместе поедem в зоопарк?

Ее горе сменилось неверием и какой-то странной, мрачной радостью. Даже, пожалуй, торжеством.

«Миа, ты не врешь?»

– Нет, зачем мне врать?

«А когда поедем? Хочу сегодня!»

– Ладно, давай сегодня. – Что угодно готова пообещать, лишь бы голова перестала болеть.

«Сейчас хочу!»

Я покорила судьбе и махнула рукой:

– Беги собирайся...

«Ура!» – Мелкая террористка во всю прыть рванула в детскую.

Тотчас отчаяние схлынуло, головная боль отпустила. И я с облегчением вздохнула.

– Вольский нас убьет, – обреченно простонал Вася, массируя виски.

– Нас?

– Ты же не думаешь, что я отпущу вас одних? Да и на чем доберетесь в город? На такси? Не смешно.

Это точно. Смеяться не хотелось, а вот плакать. Маг не простит нам незапланированный выход с безопасной территории. И если честно, я надеялась, что Дашу не пропустят ворота или задержат боевики Контроля, приставленные стеречь ее, пока отец в командировке. Ох, куда я опять влезла?!

С другой стороны, а разве девочка дала мне выбор? Когда ментальный маг чего-то безумно желает, то готов вынести мозги окружающим. Позор, что я со своими способностями к внушению не устояла перед маленьким ребенком. И зря, зря отказалась от специального амулета: Вася, у которого он был, перенес Дашкин приступ намного легче, чем я.

Как прореагирует на мое своеволие Вольский, когда вернется? Если все-таки поездка состоится, надеюсь, он будет слишком занят, чтобы сразу примчаться домой после доклада охраны. А ведь охранники поставят его в известность сразу, как только покинем дом без разрешения.

– Вася, у меня действительно не было выбора. Даша неосознанно могла нам мозги поджарить.

Шофер фыркнул:

– Только не Дашка. Знаешь, как у нее развит самоконтроль?

– То есть ты хочешь сказать, что она специально? Выбивала из нас обещание отправиться туда, куда ей хотелось?

Василий пожал плечами. Ему не нравилась возникшая ситуация, и все же он влез в авантюру вместе со мной.

– А почему зоопарк, Вася?

– Туда Ксения постоянно таскала дочь каждые выходные.

Меня прямо в жар бросило. А не надеется ли Даша встретить там маму? Сегодня как раз воскресенье!

– Ксения – маг Земли, одинаковую власть имеет и над растениями, и над животными, поэтому зоопарк, ботанический сад, парк – территория, на которой она практически всемогуща, – продолжал тем временем рассказывать Вася.

– Теперь понятно, почему Даша просится в зоопарк, – помрачнела я.

Шофер, нахмурившись, уточнил:

– Считаешь, что Ксения назначила ей свидание там? Сомневаюсь.

– Почему? Естественно, каждые выходные ждать дочь там сложно, но в ее день рождения и на следующий день после него – запросто.

– Дело в том, что избранник Ксении – преступник, его разыскивают ВОК, несколько стай и вампирских лож страны.

Выражение лица Васи в этот момент мне не понравилось: злость, гнев, сожаление – всего и не разобрать. Он принимал близко к сердцу этот позорный факт биографии бывшей жены Вольского? Если да, то почему? На помощь пришла интуиция, дав подсказку, что парень мог влюбиться в прекрасную магичку. А что тут такого? Ксения – удивительно красивая женщина, и это, к сожалению, не преувеличение.

– И что с того, что он преступник? Ксения ведь от этого не стала нарушительницей закона? Ждать в зоопарке дочь она может и одна.

Водитель открыл рот, чтобы что-то произнести, но сдержался. Наверное, хотел сообщить, что я дура, если, предполагая подобное, все же решила везти девочку туда, куда она так рвется. А вот и не угадал, я не совсем дура, даже проблески гениальности случаются.

– Не беспокойся, я все продумала, – заверила Васю и поспешила в свою комнату. – Жди здесь, я скоро.

«Миа, зачем эти штучки?» – закономерно спросила Даша, когда я начала прикалывать к ее платью броши.

Амулетов одноразового действия у меня было много, на целую армию. Меняющие цвет волос и глаз, фигуру и голос – мама передала через Ника всяких. Были, разумеется, и комплексные, так называемые личины, но для ребенка они не подходили.

– Сейчас увидишь, зачем, – пообещала я Даше и активировала броши.

Девочка ахнула – зеркало отразило маленькую пухленькую шатенку вместо хрупкой блондинки.

«Зачем, Миа?»

– Чтобы тебя не узнали недруги отца. Ты же не хочешь, чтобы они нас поймали? – меняя и свою внешность, спокойно ответила я.

Поймав недовольный взгляд мелкой интриганки, улыбнулась: вот и первый прокол в ее планах. Наверняка переживает, что мать не узнает в таком виде. С другой стороны, мой маскарад – не помеха для того, кто может общаться мысленно.

– Ого! – пораженно присвистнул ждущий в коридоре Вася. – Вы кто такие, дамочки?

Даша засмеялась, а я пообещала:

– Сейчас сделаем что-то и с тобой, господин.

И мысленно потерла руки. Издевательство над чужой внешностью – увлекательное занятие, быстро поднимающее настроение.

– Прости, что вынужден расстроить, но твои личины не для амага, – напомнил о своем редком даре парень. – Они попросту не работают.

– А я и не собиралась их применять, обойдемся классическими средствами.

– Как? Говори, я заинтригован.

– У тебя есть красная футболка, солнечные очки и бейсболка? Брюки или шорты должны быть фиолетового, оранжевого или голубого цвета.

Ядовито-зеленая футболка нашлась у Кима, красные шорты – у самого Васи, а оранжевая бейсболка – в моей сумке. Там же я отыскала и специальный крем, делающий кожу темнее. Автозагар и тоналка в одном флаконе плюс капелька травяного зелья-закрепителя. Вася натер кремом лицо, шею и руки, чтобы стать смуглее. Затем он переоделся – одежда в стиле «вырви глаз» привлекает внимание, оттягивая его от лица. Щедро обрызганный моими специальными духами, он стал практически неощутим для оборотней в плане индивидуальных ароматов.

Себе я выбрала личину эффектной блондинки – хоть так почувствую, каково быть светловолосой красоткой.

Вопреки моим ожиданиям Ким у виска пальцем не покрутил, когда сообщили, куда собираемся втроем. А вот Лиза... Лиза с предвкушением улыбнулась:

– Недолго тебе тут осталось, Миамина.

– Ну да, – подтвердила я спокойно. – Мне нельзя долго оставаться на одном месте, я и так тут задержалась.

Дарья насупилась, но мое признание не прокомментировала – видать, уже мечтала о встрече с мамой. На какой-то миг я пожалела, что вскоре из-за меня она разочаруется, и захотела все переиграть. К счастью, вовремя вспомнила, что это не Ксения доверила мне свою дочь, а Вольский, и я не имела права его подвести. А с бывшей женой пускай разбирается сам.

– Вася, а ты кабинет закрыл? – хитро поинтересовался повар, провожая нас к машине.

– Да.

– Ключ спрятал?

– Он тут. – Парень похлопал рукой по карману красных шорт. – Больше я не дам шанса Лизе подставить меня.

– Молодец, – похвалил его Ким. – Удачи вам, ребята. Может, все и обойдется.

– Обязательно обойдется, – пообещала я.

Азиату не понравилась моя самоуверенность, и он покачал головой. Не стала вдаваться в подробности: Ким – взрослый мальчик, потерпит с объяснениями до нашего возвращения, а вот Дашу раньше времени расстраивать нельзя.

– Удачи! – пожелал повар и вручил пакет с пирогами, холодным травяным чаем для Даши и минералкой для нас с Васей.

Выехали мы со двора беспрепятственно, боевиков Контроля, охраняющих дом, также не увидели. Впрочем, они и не должны попадаться нам на глаза.

Телефон с собой не взяла, о чем быстро пожалела: девочка молчала, а Вася сосредоточился на дороге. Так что я могла бы с чистой совестью полазить по любимым сайтам или купить новую книгу в интернет-магазине «Параллельные миры». Я неисправимый книжный червь и, даже скрываясь от преследователей, не хотела отказываться от чтения приключений и фэнтези. Но в бегах не потаскаешь чемоданы с бумажными книгами, и электронные стали моим спасением. Ведь это так здорово – погрузиться с головой в выдуманный мир, сопереживать ненастоящим, но таким близким героям... и позабыть на несколько часов о собственных проблемах.

Впрочем, сильно заскучать не успела. Через полчаса, когда проехали мимо нескольких сел, появился повод проявить любопытство: автомобиль неожиданно свернул с трассы на грунтовку. При этом точно такой же, как наш, продолжал двигаться дальше по магистрали. Иллюзия?

– Та машина – обманка, растает посреди дороги через пару километров, – не дожидаясь вопросов, объяснил шофер. – Наша же, настоящая, временно невидима.

– Зачем подобные сложности, Вась?

Остановив машину у большого дома, он просигналил и только потом пояснил:

– Обычные меры безопасности.

Ворота открылись, со двора выехал серебристый «мицубиси».

– Пересаживайтесь в него, – велел молодой человек.

Начиная догадываться, зачем конкретно все это, послушалась. Водитель серебристого авто, крепкий мужчина в возрасте, передал свои ключи Васе, а его забрал себе. Все это молча.

Когда поехали обратно, в сторону трассы, обернувшись, увидела, как черный джип, на котором покинули владения Вольского, заводят во двор.

– Думаешь, замена автомобиля поможет уйти от преследователей?

– Не думаю, знаю точно. Магические следилки еще никто не отменял, Миа.

Через полчаса мы сменили «мицубиси» на белый «ауди», в этот раз заехав на крытую парковку.

– А когда вез меня к Вольским, ты так не делал, – удивилась я. – Почему?

– Я тебя забирал с автобусной остановки, не заезжая в город, – напомнил водитель.

– Точно.

Меня туда подбросил Ник Никович и не хотел уезжать, оставляя одну, пока не появился Вася. Сейчас могу с уверенностью сказать, что куратор до последнего сомневался, отправлять меня к так

называемому отшельнику или нет. Вероятно, помня, что он работает на ВОК, опасался, что обо мне могут узнать. И все же рискнул, за что я его не осуждаю: прятать лучше всего на видном месте, там, где не будут искать. К примеру, в доме сотрудника Контроля, фактически под носом организации.

До города оставалось каких-то двадцать минут, когда я предупредила:

– Вась, на следующем перекрестке повернешь влево.

– Зачем?

– Мы едем не в областной зоопарк, а в частный, мецената Владимирского.

Жующая пирожок Даша поперхнулась:

«Миа, куда мы?!»

Постучав хитруню по спинке, повторила:

– В зоопарк Владимирского. – Жалость сейчас неуместна, и все же смотреть на расстроенного ребенка было тяжело. – Думаю, там ты будешь в большей безопасности, чем в городском.

Юная интриганка, откашлявшись, откусила новый кусочек выпечки и стала энергично жевать. Молча. Она приняла проигрыш достойно. Теперь верю, что умеет держать свой дар в рамках и мы бы не пострадали во время ее истерики.

Что ж, поддаваясь на провокацию и выполняя ее просьбу, нарушив приказ Вольского никуда не выходить, я быстро исправила совершенный промах. Очень надеюсь, что исправила и он не приведет к череде новых ошибок.

Глава 9

Ярость в клетке

Даша повеселела после черепахи. Огромная, как автомобильное колесо, та лежала в длинной загородке, в которую разрешалось заходить детям. Малышня радовалась возможности и загладила Тортилу до такого состояния, что она не высовывала нос из панциря.

Зоопарк Владимирского поражал размахом и тем, что часть животных свободно разгуливала по дорожкам. Гордые собой павлины, наглые мартышки, задорные козлята подходили к людям, требуя чего-нибудь вкусненького. Полосатая свинья с выводком поросят возлежала в затененной деревом луже совсем недалеко от выхода, и мне стало интересно, что будет делать охрана, если хрюши решат посмотреть, что делается в большом мире. Наверное, животным жилось тут хорошо, раз никто не боялся, что они сбегут.

В самом начале парка хрустально пел фонтан. В его чаше плавала здоровенная форель, может, поэтому никто из посетителей и не бросал в воду монетки на счастье, как это обычно происходит возле водоемов.

Пока шли к конюшням, повстречали трех не боящихся людей белок. Одна и вовсе бесстрашная – спрыгнула с ветки на плечо Васи, напугав его до икоты. Угощением для животных мы запаслись заранее, и рыжая игруня, получив дань в виде орешков, вернулась на свой наблюдательный пост. А парень еще несколько минут задерживал дыхание, пытаясь перестать икать.

У конюшен выяснилось, что лошади чуют оборотней, и мне пришлось оставить малышку с водителем. С полчаса, отойдя на приличное расстояние, я издали наблюдала, как Даша каталась на белом пони. Она счастливо смеялась и, похоже, забыла о цели, побудившей ее требовать поездку в зоопарк.

Потом мы кормили кроликов-гигантов, юрких хорьков и еще какую-то пушистую мелочь. Носуе морковь не понравилась, и она решила попробовать на вкус Дашины пальцы. Лишь благодаря реакции вера я вовремя отдернула малышку от клетки.

– Солнышко, от клеток хищников держись подальше, ладно? – попросила я ее, когда свернули на дорожку с указателем «Тигры. Медведи. Волки».

«Я их боюсь, Миа, близко не подойду», – успокоила она меня, вертя во все стороны головой.

Расслабилась я всего на несколько минут, потому что при виде пары волков, серо-стального и серого с рыжими подпалинами, глаза у Дарьи азартно загорелись. Однако звери для нее оказались неопасны: не успела я подойти к ограждению, закрывавшему подход к клетке, как они заволновались, заскулили, преданно лоя мой взгляд. Больше для серых хищников никого не существовало. Такое ощущение, что хозяйка вернулась домой после долгого отсутствия, и собаки выскочили ее встречать. Волки разве что хвостами не виляли... Вот только меня подобная реакция не радовала. Мне не нравились волки и пугали клетки.

Чувствуя, как неловко мне находиться рядом с вольером, Даша предложила поглядеть на медведей.

Бурый спал и на призывы зрителей не реагировал, тогда как его сосед гризли охотно подходил к прутьям и там замирал, словно позируя фотографам. Оба медведя казались безобидными, словно плюшевые мишки, но стоило присмотреться к когтям и клыкастым пастям, как впечатление менялось на противоположное.

«А теперь идем к тигрикам!» – радостно предложила Даша.

Вольеры уссурийских тигров были особенно просторны и солнечны, и чтобы спрятаться от жары, гигантские кошки скрывались в деревянных домиках, изредка выходя попить воды. Простояв возле полосатых красавцев с четверть часа, перешли к дальней клетке. Табличка возвещала, что здесь самка, двухлетка по имени Фрося. Эта тигрица устраивать себе сиесту не хотела и взволнованно металась по вольеру.

– Фрося, поешь, – просил ее работник зоопарка. – Смотри, какая вкуснятина.

Хищница не обращала на сочные куски мяса (настолько соблазнительно ароматные, что у меня заурчало в животе) никакого внимания и бегала, недовольно фырча.

– Фрося, поешь, – проявлял настойчивость немолодой мужчина в зеленой форме с надписью «Сад Владимирского» на спине. – Если не успокоишься, придется сделать тебе укол.

Естественно, животное не реагировало на его слова, и работник, вздохнув, развернулся к нам.

- Здравствуйте, - заученно улыбнулся он, затаив в глазах усталость. - Уважаемые посетители, большая просьба перейти к другим клеткам, наша Фрося немного нервничает.

Быстро окинув полосатую скептическим взглядом, я уточнила:

- Немного? Да она у вас не только раздраженная, но еще и голодает! Вон бока уже запали, шерсть не так блестит, как у других тигров!

Фрося, то ли соглашаясь с отповедью, то ли чувствуя во мне оборотня, агрессивно заметалась по вольеру, плотоядно поглядывая в нашу сторону. Сверкающие желтые глаза хищницы будто пытались заглянуть в душу, и это казалось... странным, что ли? Впрочем, ее поведение - концентрированная ярость существа, запертого в клетке, - мне было понятно, сама недавно так же бесилась в подвале Горобинских.

- Посмотрите на нее, - не унималась я. - Вы что-то делаете не так, и ей плохо!

Мужчина, подавляя злость, стиснул зубы:

- Фросю подарили зоопарку три недели назад, а она все никак не привыкнет. Ума не приложу, что ей еще надо.

Не дожидаясь нашего ответа на риторический, в общем-то, вопрос, он зашагал вверх по дорожке.

Проводив его взглядом, я приблизилась к прутьям, наказав Васе:

- Присмотри за Дашей, ладно?

Мне не давало покоя поведение зверя. Молодое здоровое животное должно быстро адаптироваться к изменениям. Что-то тут не так, что-то не дает покоя моей совести, не позволяя отвернуться и пойти дальше. Такое ощущение, что в клетке...

«Оборотень! Миа, она оборотень!» - Возбужденная девочка оказалась рядом, грудью касаясь заграждения. Вряд ли хищница дотянется, но лучше перестраховаться.

- Даш, сделай шаг назад! Быстро!

«Она не причинит нам вреда, Миа, она же разумна!»

- Солнышко, я не чувствую в ней человека, да и не похожа она на вера.

Тигрица замерла, дрожа. Красивые дикие глаза по-прежнему переполняла ярость.

«Миа, на ней специальный амулет, который не дает совершить оборот и закрывает ее истинную сущность от других оборотней».

- Это она тебе так сказала? Или ты строишь предположения? - уточнил молчавший до этого хмурый водитель.

«Она! Миа, Вася, мы должны ей помочь!»

- Как? Вытащить из клетки не сможем, - осторожно возразила я.

И мысленно добавила, что, может статься, мы и не должны ее спасать. Знаю, для оборотня нет худшего наказания, чем оказаться на определенное время запертым в теле животного. Веры свободолюбивы, да и в большей мере люди, чем животные, поэтому пребывание в звериной шкуре - действенный способ усмирить или покарать провинившихся. Возможно, она сидит в зоопарке за дело.

«Миа, она не наказана! - рассердилась Даша. - Ее выкрали из дома и заперли тут! Стая ищет ее, а она не может подать о себе весточку. Если мы не поможем, то похитители уж точно ее отсюда не выпустят».

- И она одичает, а затем и вовсе умрет, - тихо добавил Василий.

Ужасная участь! А ведь я тоже могу оказаться в конечном итоге в подобной ситуации. Ведь кто мешает Горобинским поступить таким же образом со мной, когда поймают? Поправочка: если поймают.

- Фрося, из какой ты стаи? Как связаться с твоим вожаком?

Тигрица заволновалась и, издав жалобный звук, села на пушистый зад, будто тело отказались держать лапы.

- Просто подумай, а Даша тебя услышит.

«Она из стаи Черновых. Патриарх – Демид. Это его жена Эмма отдала приказ запереть Ефросинью здесь».

Ефросинью?.. А супруга вожака – еще та злая шутница, сократила имя девушки до звериной клички Фрося. Как в насмешку, хотя... скорее всего так и есть. Не удивлюсь, если супруга патриарха убрала таким способом потенциальную соперницу.

Пока я строила цепочку ненужных выводов, Вася записал телефон, номер которого вертигрица продиктовала ему через Дашу. Как же ей повезло, что маленькая менталистка прошла мимо вольера! Будь на месте девочки взрослый маг разума, он мог и не услышать мысленный крик о помощи. Состоявшиеся менталы обычно ставят щиты, чтобы отдохнуть от чужих мыслей и эмоций.

- Миа, позвонишь Чернову? – Вася протянул мне свой телефон.

С сожалением вынуждена была отказаться:

- Лучше ты, мне нежелательно светиться перед оборотнями, пускай и другого вида. Вожак обязательно поинтересуется, кто я такая.

- Да, ты права, – смутился он. – Извини.

- Ничего страшного, Вась.

Водитель отступил в сторонку и позвонил.

Пока шли длинные гудки, я тихонько спросила:

- Ефросинья, мы можем еще чем-то тебе помочь?

Тигрица повела головой влево и вдруг замерла. Фыркнула и, облизав морду розовым языком, сделал шаг в сторону Даши.

Девочка, хихикнув, перевела: «Миа, она мечтает о мороженом!»

- В такую жару все мечтают... Это легко выполнимая просьба, – кивнула я. – Вась, я отлучусь на несколько минут, побудьте с Дашей здесь.

- Давай лучше я схожу? Продолжу звонить Чернову по дороге.

Я не стала возражать, лишь уточнила у вертигрицы то, чем забыл поинтересоваться Вася:

- Ефросинья, какое мороженое ты любишь?

Желтые глаза довольно сощурились.

«Она благодарит, что ты спросила, и говорит, что хочет шоколадное и с карамелью», – передала ответ Дарья.

- Вась, слышал?

- Ага, уже бегу!

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что поблизости никого, я строго потребовала:

- Ефросинья, пообедай сначала, иначе о мороженом можешь забыть.

Большая кошка издала глухой звук. Если тигры умеют смеяться, то именно этим сейчас и занималась полосатая.

Вася пришел, когда она доедала последний кусок мяса. Парень не поскупился – принес по пять пачек каждого вида.

Развернув холодный десерт, я протянула сквозь прутья ванильный рожок с пахнущей жженым сахаром горьковатой карамелью. Тигрица деликатно лизнула подношение, зажмурилась от удовольствия... и откусила полпорции.

- Приятного аппетита, Ефросинья, – пожелал вежливый Вася. – Демид Чернов приедет за тобой завтра, он уже на полпути в аэропорт.

- Дозвонился-таки? Отлично!

Прямо камень с души свалился. И в то же время слегка взгрустнулось. У попавшей в беду девушки есть тот, кто спасет ее, уладит проблемы, пускай и возникли они по причине ревности жены спасителя. А я... я одна. Да, мне помогает Ник, мама передала амулеты и травы. Но все же у меня нет никого, кто избавил бы от притязаний Андрея Горобинского раз и навсегда.

– Чернов пришел в ярость, когда узнал, кто так поступил с девушкой, – невольно подлил масла в огонь водитель. – Заявил, что разберется с женой.

Так, Миа, не вздумай завидовать! Как девушка самостоятельная, ты сама справишься с неприятностями, никакие жожаки и прочие покровители и даром не нужны, не говоря уже о том, чтобы полностью подчиняться их приказам и зависеть от устоев стаи. А именно так обстоят дела у Ефросиньи, ее жизнь фактически принадлежит этому Чернову.

Справившись с недостойными чувствами – зарождающейся завистью и жалостью к себе, – я скормила тигрице почти семь порций мороженого, когда пришел работник зоопарка. Он едва не выпустил пистолет-шприц, увидев, чем занята его четвероногая подопечная.

– Боже мой, – прошептал он. – Что вы делаете, девушка? Так же нельзя...

– Кто это сказал?

– Но она же дикая! Сейчас руку оттяпает!

Кивком головы я указала на Васю, держащего обертки от мороженого.

– Хотела бы укусить, давно бы это сделала, да, кошечка?

Ефросинья фыркнула, вышло щекотно – мою ладонь укололо вибриссами и обдало капельками тающего шоколадного мороженого.

– Чтобы тигрица кушала с аппетитом, давайте ей мороженое. Видите, какое она предпочитает?

Работник зоопарка схватился за голову:

– Девушка, вы экстрасенс?!

– Нет, дрессировщица, – соврала я, не мучаясь угрызениями совести. Васька отвернулся в сторону, не в силах сдержать улыбку, Дарья смеялась мысленно. И я их не осуждала, уж очень потешное было выражение лица у сотрудника зоопарка. – Я изучала повадки тигров, решила поделиться опытом с вами. Но! Это действует только с Фросей. Остальные тигры в вашем зоопарке с удовольствием съедят руку, а не мороженое, которое протянете.

Мужчина поежился:

– Хорошо, госпожа дрессировщица, я буду выполнять ваши рекомендации по кормлению Фроси. Я рад, что бедняжка начнет нормально кушать, значит, скоро поправится.

Ага, скоро, только ты этого не увидишь, ведь за ней завтра приедут.

Интересно, каким образом Чернов заберет у Владимирского «подарок» женушки? Выкрадет или перекупит? Хотя о чем я? Без проблем заберет, просто так, ведь владелец зоопарка знает о существовании мира Полночи. Слышала, что ему неоднократно предлагали стать оборотнем или вампиром, но, удивительная вещь, он отказывался, желая оставаться человеком.

Попрощавшись с вертигрицей, мы отправились дальше. Мне показалось или Василию действительно не хотелось уходить от ее вольера? Неужели проникся судьбой девушки и все еще переживает? Зря, мы сделали все, что от нас требовалось.

В зоопарке была большая детская площадка с деревянными домиками, батутами, качелями и массой надувных аттракционов: горками, замком и бассейном с разноцветными шариками. Даша себе чуть шею не свернула, когда проходили мимо.

«Миа, я тоже хочу полазить в надувном замке!»

– Хорошо. Только давай сначала перекусим?

«Давай...» – печально вздохнула она.

Присев на лавочку в тени арки вьющихся роз, мы занялись провизией, которую собрал нам Ким. Творог и сдоба – это прекрасно, но организм оборотня требовал мяса. Умяв четыре пирога, я отправилась к тележкам с мороженым, хот-догами и шаурмой.

Даше купила клубничный вафельный рожок, Васе – булочки с сосисками и корейской морковью, себе же – все, что у торговцев было с куриным мясом, притом по три штуки.

– «Горячая собака» – такое смешное название, – откусив с треть хот-дога, невнятно произнес Вася.

– Ага, особенно когда оно себя оправдывает, – легкомысленно отозвалась я.

– В смысле? Хочешь сказать, что тут собачатина?! – Парень, позеленев, отодвинул от себя бумажный пакет.

– Брезгуешь? – поддела я его. – Ну и ладно, мне больше вкуснятины достанется.

Вася вскочил с лавочки.

– Я сейчас. – Он бросился по аллее вверх.

«Зачем ты так, Миа? – совсем по-взрослому огорчилась девочка. – Васю тошнит при виде волосинки в супе, а ты ему такое сказала».

– Честно? Не знаю, Даш. Иногда находит что-то, и шутки становятся злыми.

Она задумчиво кивнула, словно понимая.

«Миа, я поела, теперь могу бежать к детям? Я чуточку поиграю, ладно?»

– Сколько хочешь играй. – И уже вслед малявке добавила: – Все равно влетит, так что домой можно не торопиться.

К моменту возвращения шофера девочка исчезла в недрах надувного замка. Двухэтажный, яркий, он магнитом притягивал детвору. Табличка у входа ясно предупреждала, что родителям вход воспрещен, но миниатюрная шатенка, разувшись, полезла туда за своим карапузом. Мальчик еще плохо ходил, но смело устремился туда, где раздавался радостный смех.

Молодец все-таки Владимирский, что открыл бесплатный зоопарк с аттракционами для малышни. Будь здесь кафе, вообще можно было бы отправляться сюда на целый день.

– Где Даша? – первым делом спросил водитель по возвращении.

– Там, – указала рукой. – Вася, прости, пожалуйста, за шутку про собачатину. Не хотела тебя расстроить. А в хот-догах, поверь, качественные куриные сосиски, ешь спокойно.

– Спасибо, аппетит не нагулял, – хмыкнул он, но схватил пирожок, испеченный Кимом. – Слушай, Миа, а ты бы ела собачатину?

Я даже не подавилась – после того, что грызла в волчьем облике, мне никакая еда не страшна. Так что зря парень пытается отбить у меня аппетит, вызвав рвотный рефлекс.

– Вась, несколько странный вопрос, ты так не считаешь?

– Извини. – Он смутился.

Я широко улыбнулась:

– Если ничего другого не будет, то ела бы. Говорят, она напоминает говядину, хоть немного и жирновата.

Водитель переменялся в лице и больше не приставал.

Прошло еще немного времени, и Даша оставила надувной замок.

«Я так устала, Миа, – захныкала она мысленно. – Хочу домой».

Мы поехали обратно.

Возвращались таким же способом, как и добирались до зоопарка, то есть меняя машины. Чувство неясного беспокойства усилилось, когда я заметила, что девочка виновато отводит взгляд, не желая смотреть мне в глаза.

– Даша, что случилось?

«Ничего, Миа».

– Точно?

Девочка вздохнула и повинулась: «Мне стыдно, что я заставила вас везти себя в зоопарк».

– Успокойся, не хотели бы – не повезли бы.

Я обняла ее за хрупкие плечики, и Даша, всхлипнув, мысленно прошептала слова благодарности.

Маленькая, обычно веселая и беззаботная, легкая, как фея из сказок, хорошенькая, как ангел из библейских мифов, она вызывала умиление. Мне стало все равно, что она хитрила с поездкой, что применила дар, чтобы заставить отвезти ее на встречу с Ксенией. Как я могла на нее обижаться, если ее действия логичны? Каждый ребенок любит свою маму и хочет, чтобы она была рядом. Разве правильно осуждать за подобное желание? Нет, разумеется. Ее можно только пожалеть и простить за уловки и доставленное беспокойство.

– Все будет хорошо, Даш, – пообещала я и сама себе поверила.

Вольский вернется, я сразу расскажу про подавляющий волю его жены амулет – «Зеркало Купидона». Узнав, что измена вызвана вредными чарами, он простит Ксению, и у Даши снова появится полная семья. Счастливые, любящие родители, которые оба будут рядом с ней.

Это был по-настоящему сладко-горький момент. Я понимала, что поступлю правильно. И в то же время испытывала странное чувство потери чего-то важного. Вот только чего? Анализировать свои чувства не хотелось.

Остаток дня прошел спокойно. Даша, набегавшись в зоопарке, отказалась от подвижных игр, и до вечера мы рисовали драконов и принцесс, а еще читали сказки.

Ночь выдалась тихой и безлунной. После дневных переживаний я уснула, что называется, без задних лап, и даже страшные сны-воспоминания не тревожили до утра.

Ну а днем, точнее, ближе к вечеру, случилось то, что заставило встряхнуться...

После обеденного отдыха мы с Дашей долго играли в прятки в саду. Затем, подустав, устроились на шерстяном пледе в тенечке под деревом, недалеко от лабиринта из туи.

«Миа, а он кусается?» – с опаской глядя на жука-оленья, спросила девочка.

Коричнево-черное насекомое величиной с мышку агрессивно нападало на стебелек, который я ненавязчиво ему подставляла.

– Не знаю. Хочешь проверить?

Даша заулыбалась:

«Нет уж, спасибо!»

– И правильно делаешь, – похвалила я ее. – Некоторые потенциально опасные вещи лучше не проверять.

Вскоре моя подопечная потеряла интерес к драчуну и убежала за бабочкой – ярко-оранжевым монархом. И стоило ей повернуться спиной, как я поднесла палец к воинственному насекомому, наплевав на собственный совет. Безопасность безопасностью, а когда заедает любопытство, стоит рискнуть, но найти ответ.

– Ай! – Жучара не проигнорировал перст наглой естествоиспытательницы – пробил рогами кожу до крови. И пока я рассматривала регенерирующее на глазах повреждение, смылся с места преступления.

На фоне моей задумчивости шум открывающихся ворот и шелест шин по подъездной дорожке показались громом среди ясного неба.

Недоделанный оборотень, я поняла, что приехал Вольский, стоило тому открыть дверь джипа. Даже и не знаю, по какому признаку определила на расстоянии, что это он. Возможно, по запаху? Или по звуку уверенных шагов?

– Дарья! – В его голосе звучал металл. – Иди сюда!

Всего пару секунд назад прыгавшая неподалеку девочка будто испарилась.

– Дарья, я не шучу, быстро сюда!

Поднявшись с пледа, я застыла. Заморгала, не веря глазам, – на миг показалось, что это не Вольский. Нет, это он... Но как же отличается от себя прежнего!

Сложно узнать в суровом мужчине, буравящем хмурым взглядом зеленые стены лабиринта, некогда бледного, ослабленного магическим истощением прокляточка. Сейчас вокруг Вольского мощно вилась энергия. Просто невероятная силища!

– Миа, вы в порядке?

Сморгнув, уставилась на хозяина дома. Слегка мятая белоснежная рубашка и брюки от костюма стального цвета неслышанно шли ему, придавая облику строгости.

Где былая бледность? Привычные круги под глазами? Усталость, заметная даже ненаблюдательному человеку? Где ощущение, что он магически измотан и временно бессилен? Поразительно все-таки, что в первые же дни после появления в доме Вольского я поняла, что он просто притворяется. Интересно, почему перестал сейчас? Что-то изменилось? И каким образом создавал иллюзию пошатнувшегося здоровья? О таких амулетах я не слышала.

– А мы вас не ждали...

– Я вижу, – резковато обронил он и позвал: – Дарья, в последний раз говорю, иди сюда.

И только в этот миг я осознала, что произошло. Я, оборотень, видела эманации силы, видела как полноценный маг! Пускай недолго и непреднамеренно, но все же!

Пока приходила в себя от потрясения, Вольский вытащил дочурку из зарослей, выдернув воздушной петлей. Даша летела невысоко над землей, слегка дрыгая ногами, и понуро смотрела вниз. Сейчас она напоминала нашкодившего котенка, которого тащат за шкурку. И я поддалась жалости:

– Александр, это я во всем виновата, ругайте меня.

Маг вскинул брови:

– Да? То есть это вы вчера, поговорив со мной по телефону, утаили, что скоро я возвращаюсь, и заставили няню ехать в зоопарк?

Я посмотрела на Дашу, все еще висящую в воздухе. Вот только сожаление с недовольной мордашки исчезло, сменившись досадой. Маленькая, вредная интриганка! Значит, она притворялась? И никакой истерики не было?

– Даша?..

«Миа, вот не надо... Ты же меня понимаешь, знаю. Я просто хотела увидеть маму».

«Ты копалась у меня в голове?» – мысленно четко спросила я, гася раздражение.

Разве можно на нее сердиться? Она же менталистка – лазит в чужих мозгах, как дышит! Но и потакать ей не стоит, иначе сядет на голову. Наверное, мне уже села...

«Миа, я не хотела, прости».

– Александр, давайте вы начнете разбор полетов все же с меня?

Дашка судорожно вздохнула. Ее отец хмыкнул и кивнул:

– Хорошо, Миа. После ужина жду вас в кабинете.

– А вы жестоки – оттягиваете момент казни, давая надежду приговоренному, – возмутилась в шутку.

Дарья, преданно глядя в мою сторону, согласно закивала.

– Девочки, я часть пути прошел с помощью телепортов, дайте нормально поесть.

Каким бы ни был сильным маг-пространственник, а телепорты изматывают не только его, но и тех, кого он перемещает. А если переход был не один, то путешественники устают безумно.

– Извините, – смутилась я. – Конечно, поешьте.

Чем-то довольный маг быстрым шагом отправился в дом. Его дочка летела за ним, как воздушный шарик на веревочке, но при этом умудрялась строить умильные рожицы и посылать поцелуйчики. Вот же хитрая малявка, слов нет!

Голодный мужчина – злой мужчина. Шагая рядом с Александром, я тихонько радовалась его сознательности в деле избавления от негативных эмоций. Сейчас поест и ка-а-ак подобрееет! И наступит мир и покой. И мне не влетит.

Первым нам повстречался настороженный Вася:

– Здравствуйте, Александр. С возвращением.

– Спасибо.

Водитель тревожно посмотрел на меня, на Вольского, снова на меня и опять на босса:

– Александр, а почему вы не предупредили, что приезжаете сегодня? Я бы встретил.

– Потому что должен был приехать через три дня, – усмехнулся Вольский. – Но так как вчера вы с Дарьей отправились на незапланированную прогулку, мне пришлось корректировать планы.

Василий с осуждением посмотрел на Дашу. Нет, ну какой все-таки коварный ребенок! Отец сказал по телефону, что вскоре приедет, но этого не слышал больше никто, и она воспользовалась моментом, чтобы убедить всех, что отец вернется нескоро, и потому она точно помрет без зоопарка. Эх, будь в кабинете вместо Васи я, обязательно услышала бы слова Вольского, у меня ведь слух лучше, чем у амага.

Перед ужином хозяин дома удалился на час в свою комнату, откуда вышел с влажными волосами и в другой одежде – в темно-фиолетовой футболке и легких серых джинсах. Эти перемены воздействовали на него благотно – он даже улыбался, когда вошел в столовую.

Ужин прошел... странно. Даша строила из себя послушную девочку, Вася открыто переживал, а Ким поглядывал на меня сочувственно. И только Лиза, улыбаясь, пыталась втянуть Вольского в разговор, будто ничего и не случилось, при этом она время от времени бросала на меня торжествующие взгляды.

Были у меня недостойные мысли, что это она сдала нас, но они вскоре развеялись – экономка приезде хозяина искренне удивилась вместе со всеми. Да и зачем ей было нас закладывать, если с этой функцией прекрасно справилась охрана, приставленная к дому Контролем?

В кабинет отправились вчетвером: Вольские, водитель и я. Зачем там Вася, который всего-навсего отвез нас с девочкой в зоопарк, выяснилось быстро: Александр передал ему благодарность Чернова за звонок по поводу Ефросиньи.

– Вася, тебя пригласили погостить в доме патриарха вертигров. Спасенная девушка – его дальняя родственница, и он очень благодарен, что ты ей помог.

– Но я ведь не сам, – начал отнекиваться покрасневший Василий. – Главная заслуга тут Даши и Миамины.

Вольский остановил его взмахом руки:

– Дочь я к ним не отпущу, о Миамине вы попросили Ефросинью не распространяться, остаешься только ты. Придется, герой, тяжесть лаврового венка нести в одиночку.

Васе последние слова очень даже понравились, он приосанился и улыбнулся.

– Так что мне говорить? Ты поедешь?

– Да, если отпустите.

Вольский покачал головой:

– Если бы я был против, то не начал бы этот разговор.

– И то верно... А вы случайно не в курсе, почему родственница вожака вертигров оказалась в зоопарке?

– В курсе, – кивнул Вольский. – Девушка чем-то не угодила жене Чернова, и ее таким образом наказали втайне от родственника.

– Хорошее же наказание! Жену патриарха бы так в клетку запереть! – возмутился парень.

– Чернову не получится – она не вер, а магичка, – возразил Вольский.

Поняв, что он в курсе определенных деталей нашей незапланированной поездки, я немного расслабилась. Значит, Вольский также знает, что мерами безопасности мы не пренебрегли и сделали все, чтобы Дарья не повстречала мать. Следовательно, надежда на то, что сильно песочить нас не будет, остается.

Когда Василий ушел, хозяин кабинета взялся за дочь, все время ерзающую в большом кресле из вишневой кожи. Я сидела в таком же, испытывая непередаваемый дискомфорт: мягкое и глубокое, оно поглотило меня в своих объятиях. Неудобная мебель – избитый прием для тех, кто желает вызвать неуверенность и раздражение у посетителей, странно, что Вольский к нему прибег.

– Дарья, ты наказана. Никаких новых игрушек, сладкого и мультфильмов в течение месяца, – как-то по-обыденному объявил маг дочери. Удивительно, насколько хорошо он контролировал свои эмоции, сообщая о наказании. – Понимаешь, за что?

Серьезная девочка кивнула.

– Тогда ты свободна.

Потупив взгляд, Даша, легко выпрыгнув из кресла, вышла из кабинета.

Оставшись наедине с прокляточником, я едва не запаниковала. Несмотря на все ухищрения в виде маскировки и поездки в другой зоопарк, остро чувствовала свою вину. Я не выполнила его требование не выводить девочку за забор, и никакие оправдания тут не помогут.

– Простите, я виновата, – покаялась сразу, как только за Дашей закрылась дверь. – Сегодня же уеду из вашего дома.

Вольский, сидящий в темно-коричневом кресле, похожем на трон, смотрелся по-королевски внушительно и властно. И хотя он крутил в руках черный телефон, нервничающим совсем не выглядел. А вот я... у меня даже ладони вспотели.

– Никуда не нужно уезжать, – тихо произнес он. – Я вас ни в чем не обвиняю – менталистам сложно противостоять, особенно таким, как Даша. Это я должен просить прощения, что вы подверглись внушению.

Не сразу поняла, что происходит. Он извиняется? Неожиданно.

Тем временем Вольский продолжил говорить:

– Я работаю над тем, чтобы дочь не росла капризной и эгоистичной.

– Даша и не будет такой, ведь она чувствует чужие эмоции и читает мысли.

– К сожалению, дар только все усложняет. Вы просто не слышали о магах разума, превратившихся в чудовищ.

– Да, о таком не говорят за чаем... – Я поежилась, представив, что Дашины способности достались какому-нибудь психопату. А ведь даже нормальных людей умение слышать мысли окружающих может свести с ума.

– Вероятно, я скверный воспитатель... или виноваты частые командировки, раз не справляюсь в достаточной мере, что и показали вчерашние события.

Облегчение, вызванное тем, что все обошлось, и несдержанность толкнули к необдуманному заявлению:

– Даша не поддается воспитанию, потому что вы запретили видеться ей с матерью.

Уголок рта хозяина дома дернулся. Все же нервничает, а сразу и не скажешь.

– Да какая из Ксении мать! – с досадой произнес он. – Она может влиять на Дашу только плохо. Если бы не открывшийся дар, она забыла бы о существовании дочери.

Я опешила:

– Как вы можете так говорить?

– Могу. Имею на то полное право. Дарья не нужна матери без своих редких способностей. Я заплатил Ксении миллион, чтобы она не делала аборт, и еще два – чтобы подписала отказ от родительских прав, когда разводились.

В шоке я едва не спросила, в какой валюте он выплатил эти миллионы... Доллары, евро или отечественные дензнаки – не важно, в любом случае торговля детьми – это ужасно. И сложно сказать, кто шокирует больше: продавец или покупатель...

А еще я чуть не заявила, что об аборте, случается, говорят многие женщины, но это не значит, что потом, одумавшись, они не любят своих детей. Да и вообще, требовать плату за отказ от дочки

Вольскую могло заставить «Зеркало Купидона», точнее, любовник, которому не нужен «хвостик» в виде маленькой девочки. Был не нужен, пока у «довеска» к красивой женщине не появились многообещающие способности.

– И все же ваша жена остается мамой Даши...

– Бывшая жена, – перебил Вольский. – И не старайтесь меня убедить, что Ксения может дать что-то хорошее моей дочери.

Вот и пришло время сообщить об амулете.

Мое глупое сердце сжалось от боли. Что же мне так не везет?

– Александр, я должна вам кое-что рассказать.

Сидеть в такой момент в неудобном кресле не хотелось, и я поднялась. Вернее, попыталась – такое ощущение, что зад завяз в дурацкой мебели. Повезло, что я не в коротких, а в длинных шортах, а то в такую жару вообще можно прилипнуть к обивке.

Вольский поспешно вышел из-за стола и протянул мне руку.

– Кабинет обставлял дизайнер без меня, – извиняющимся тоном произнес он. – Все никак не избавлюсь от некоторых его неудачных идей и предметов.

Я вложила в его ладонь свою. Помогая подняться, Вольский потянул за руку, не рассчитав сил, и я фактически влетела в него.

– Извините, – прошептала, пытаюсь отстраниться.

– А вы меня.

– За что? – спросила я, чувствуя, как подкашиваются ноги.

Он не отпустил, наоборот, обхватил одной рукой за талию, другой за плечи, фактически прижав к себе.

– За то, что иногда наши желания сильнее убеждений.

Я не поняла, о чем он, точнее, постаралась не задумываться, чтобы не ошибиться. Быстро билось сердце, покалывало в тех местах, где соприкасалась наша голая кожа. Да что же со мной такое?!

Страхнув оцепенение и сделав неудачную попытку вырваться из цепких рук, начала снова:

– Александр, я обязана вам кое-что рассказать...

Решительно заглянув в серые глаза мага, утонула в голодной бездне. О Ночь, это ведь не то, о чем я думаю?

– Миа, я тоже хочу кое в чем признаться.

Мужская ладонь, отпустив мою талию, лаская, скользнула вверх по обнаженной руке. И там, где она проходила, оставался поистине пылающий след. Я даже дышать перестала. Впервые меня настолько взволновало обычное прикосновение.

Нежно проведя кончиками пальцев по шее, а затем и по щеке, Вольский прикоснулся к моему подбородку:

– Вы мне нравитесь, Миа, безумно нравитесь.

Он смотрел так, что стало ясно: поцелует. И в этот раз интуиция не подвела.

У этого поцелуя был вкус кофе и страсти. Позор мне – я ответила на него сразу. Да и как не ответить, когда губы нежны, но настойчивы?

Вольский целовал так, словно умрет, если остановится... И все же остановился. Заглянул в глаза и довольно прошептал:

– Судя по ответу, мои чувства взаимны.

Я оторопела от подобного самомнения.

– Вы... вы... – Я не могла отдышаться и подобрать слова.

– Не вы, а ты, – возразил Вольский, целуя вновь.

Его руки жили своей жизнью, глядя мою спину, при этом не посягая на то, что находилось ниже. А жаль... вернее, правильно, ибо это вообще будет запредельной наглостью и пошлостью. Первый настоящий поцелуй пары – нечто светлое и трепетное, и не важно, если для каждого по отдельности он миллионный по счету.

Ох, какой пары? Если я не имею права целовать чужого мужчину?

– Я все же скажу. – Чудом удержавшись от соблазна, отклонила голову, и Вольский с готовностью нежно поцеловал не в губы, а в шею. – Подождите...

– Подожди, – перебив, поправил он.

На что я махнула рукой:

– Не важно на самом-то деле... Алекс, послушай... – Голос сорвался, когда он слегка прикусил кожу шеи.

– Мне нравится, когда ты произносишь мое имя именно так. Согласен на Сашу, а вот за Александра и за «выканье» буду штрафовать.

– Как? – спросила я, все еще толком не соображая.

Вольский улыбнулся и поцеловал меня в нос:

– Штраф беру поцелуями.

Удивиться странным расценкам успела, что-либо ответить – нет. Наверное, на кабинете стояло защитное заклинание, потому что последующее было полной неожиданностью.

В дверь постучали – я испуганно вывернулась из объятий мага, – и почти сразу она открылась.

– Александр, у вас гости, – глухо произнесла бледная Лиза. – Это...

– Я не нуждаюсь в представлении. – В кабинет вплыла блондинка, ангелоподобное видение в нежно-фиолетовом платье из воздушного шифона.

Она шла по пушистому ковру в туфлях на тонкой шпильке походкой кинодивы, шагала от бедра, словно по красной дорожке, ведущей в зал, где вручают «Оскара». В каждом движении, повороте головы, легкой улыбке на полных алых губах отображалось одно: «Я знаю, что прекрасна и вы восхищаетесь мной».

И она действительно была прекрасна, эта высокая, стройная женщина с отливающими золотом волосами. А уж от синих глаз, мастерски подведенных черным карандашом и подчеркнутых дымчато-серыми тенями, вообще было сложно отвести взгляд. И демон меня раздери, но ее сиреневое платье гармонировало с одеждой прокляточика больше, чем мои простенькие шорты ниже колена и майка с названием любимой рок-группы.

– Ксения, – выдохнул Вольский, запуская руку во взъерошенные волосы.

К слову, это я ему испортила прическу, во время поцелуя не удержавшись от проверки шевелюры на мягкость.

Косясь на мага, отметила, как заиграл желвак на его левой скуле, правую я видеть не могла, но уверена, она аналогичным образом выражала недовольство.

– Да, дорогой, это я. Приятно, что меня ждали, не забывая.

Вольский холодно бросил:

– Тебя тут не ждали, Ксения!

– Да неужели? – вскинула она тонкие брови. – Тогда почему, спрятав дочь в этом доме, ты оставил на воротах допуск для меня?

Внутри у меня образовался кусок льда. А и правда, почему оставил?

– Это случайность, – процедил Вольский сквозь зубы. – Когда я покупал этот дом и устанавливал защиту, ты еще была моей женой. Теперь же тебе тут не рады.

– Не говори за всех, есть человечек, которому я нужна все так же сильно. – Блондинка развернулась к громко топавшей в коридоре дочери.

Ураган счастья хлынул на окружающих, потрясая своей силой и глубиной. У меня даже слезы на глазах выступили – Даша светилась от радости.

– Мама! Мамочка! – Она задыхалась от переполняющих эмоций, прижимаясь к Ксении. – Ты вернулась!

И она говорила вслух.

Это был шок. Для Вольского... Для торчащей у порога Лизы... Для заглянувшего в кабинет Васи...

Я же тенью скользнула к стене.

– Даша, как ты могла?! – потрясенно спросил переменившийся в лице ее отец.

Что он подразумевает под «как», гадать не нужно: молчание девочки все считали следствием психологической травмы, а не хитрым приемом, призванным вызвать жалость. Вероятно, Даша надеялась, что родители, опасаясь за ее здоровье, вновь будут вместе. А когда надежды не оправдались, придумала другой план: сообщить матери, где ее прячет отец, а там уговорить их сойтись снова, манипулируя их любовью к ребенку. Вот только как ей удалось сообщить адрес?

– Папа, наша мамочка вернулась! – захлебывалась счастьем девочка. – Мы снова будем вместе!

Больше я, никчемная эгоистка, этого вынести не могла. И бочком двинулась вдоль стены к выходу. Отпихнув бедром застывшего соляным столбом Васю, выскочила из кабинета.

Спасибо этому дому за спокойные дни, но пора и честь знать.

Недолго думая я покинула дачу Вольского. И только когда за спиной лязгнули металлические ворота, осознала: вещи остались в спальне. Можно было бы плюнуть на них – прокляточник переслал бы их при первой возможности куратору, да только без телефона тот не узнает, что меня нужно срочно забирать.

Впереди мрачный лес, пронизанный лучами заходящего солнца, позади – утративший свою привлекательность коттедж. Куда податься огорошенному, пережившему страшное крушение надежд оборотню?

Любая чащоба привлекательней пряничного домика, в который вернулась ведьма. Хотя какая из Ксении ведьма? Так, жертва обстоятельств и мужчины, который соблазняет чужих жен с помощью запрещенных амулетов.

Как герой старого вестерна, я уходила в закат в гордом одиночестве. Уходила с уязвленной гордостью и кровоточащим сердцем, но зато с грустной улыбкой доброй идиотки на губах. Все-таки справедливость восторжествовала.

Да, справедливость восстановлена, пускай без моей помощи, но все получили по заслугам. И я в том числе, потому что забыла незыблемый закон: счастье на чужой беде не построишь. «Зеркало Купидона» – беда семьи Вольских, не рассказав о нем, я уподобилась тому, кто его надел на Ксению.

«Первый настоящий поцелуй пары»... Ха! Как это смешно! И глупо. И грустно.

По щекам бежали злые слезы разочарования.

Глупая, глупая я! А ведь давала зарок, что никогда в жизни не посмотрю на мужчину другой женщины, не влезу в чужую семью, не разрушу ее...

Видимо, нравится судьбе слушать клятвы человека, а потом заставлять его нарушать их.

Глава 10

Заложница

Я не решилась заходить далеко, осталась на опушке леса. Забравшись на покореженный временем и бурями клен-гигант, вытянулась на одной из его веток и попыталась уснуть. Улеглась на живот, свесив вниз руки, и потому не боялась свалиться в крапиву, буйно разросшуюся внизу.

Сон – лучшее лекарство при болезнях и тела, и души. А у меня ныло сердце, и вспоминать то, что произошло в кабинете проклятика, прокручивая картинки перед глазами, нельзя, станет хуже. Проще забыться, выждать несколько часов, пока в доме утихомирятся, и, вернувшись на несколько минут, забрать вещи первой необходимости, то есть мобильный, паспорт и деньги.

Можно обойтись и без них, но тогда придется совершать марш-бросок по ночным пустынным и не очень дорогам. А там даже для оборотня порой небезопасно, и не всегда благородные Кириллы могут оказаться рядом.

Спать, надо спать, Миа! Спать.

Но как уснуть, когда губы покалывает? А шея горит, словно на ней выжжено клеймо принадлежности?

Неловко повернувшись, чуть не грохнулась с ветки. Сращивать переломы – последнее, что мне сейчас необходимо. Чтобы призвать эмоции к порядку, я задышала по особенной технике боевых магов. Победа – это не только сила и знания, во многом это самоконтроль и выдержка. И быть хозяином своих желаний и эмоций приходится учиться всем, кто мечтает брать верх над врагами.

Я не задремала, но отгородиться от случившегося сумела. Время потекло медленной каплей из плохо закрученного крана.

На небе появились звезды. Я смотрела на них, надеясь увидеть одну падающую, чтобы загадать желание. Попросила бы угасающее светило отмотать несколько часов назад. Я бы уехала сразу после обеда, чтобы не встречаться с Вольским. Много бы отдала, чтобы забыть его... такого чуткого и страстного. Стоп! Я снова думаю о Вольском. Хотя как о нем не думать?

Пускай я старомодная, не умею бороться за счастье, но не могу принять такие отношения, когда нужно отбивать мужа и отца, разрушая семью. К тому же никто и не говорил о серьезных чувствах и отношениях. «Очень нравишься» – еще не любовь. Я сама на полпути к настоящему чувству. И пока в силах переболеть и забыть Александра. А вот если останусь, а он потом примет жену и мать своего ребенка обратно, я никогда не исцелю полученные раны. Рвать сердце в клочья ради призрачной надежды на счастье? Нет, я не готова. Я слишком для этого разумна... или труслива.

Из-за туч показалась луна. Крохотного кусочка не хватало, чтобы она стала полной. Ох, через два дня полнолуние! Как я упустила это из виду? За проблемами маленькой подопечной забыла о своих.

Полнолуние... Время, когда хищная натура давала о себе знать сильнее всего. Моя волчица в такие дни особенно сильно старалась захватить власть, подчинить человека, заставив плясать под дудку инстинктов. Боюсь, и в объятия мага меня толкнула она. Ладно, вру сама себе. Вольский понравился и разумной моей части.

Жаль, нельзя вытрясти из головы сумбурные мысли и больше туда их не пускать. Вот бы была специальная кнопка, которая в стрессовых ситуациях выключает эмоции, не позволяя выдумывать и делать глупости...

Плюнув на самоконтроль, разрешила себе еще немного самокопания. Час самопознания, не иначе.

Когда и вовсе стемнело, я решила вернуться в дом. Свет горел только в холле, значит, все разбрелись по спальням и кто-то уснул, а кто-то предавался супружескому долгу, коего накопилось предостаточно...

Застонав, треснулась лбом о ветку. Полегчало... немного. Вот почему так? Почему, если мужчина не мой и никогда не был моим, я все равно его ревную? За что мне это?!

Так, хватит. Не надо выпускать когти. Нужно еще немного подышать.

Надеюсь, пробежка под звездным небом в звериной ипостаси развеет темные мысли. Захвачу из спальни рюкзак со всем необходимым и, позвонив Нику, побегу ему навстречу.

Все, решено. Беру телефон, документы, кредитку, наличку – и в путь. Еще дневник не забыть бы. А то маги – народ жутко любопытный, они не считают пороком жажду знаний и аморальные способы их получения.

Спуститься с дерева не успела – привлёк шум приближающихся машин.

Вопреки моим ожиданиям три черных джипа не проехали мимо, остановились перед воротами.

Я превратилась в окаменевшую от неожиданности статую с обостренным зрением и слухом. Даже дыхание задержала, мало ли кто пожаловал. А вдруг такие же чуткоухие, как я?..

Из автомобилей высыпало шестеро мужчин, все в черном. Лиц не разглядеть – закрыты черными платками. Ха, как грабители банков в ковбойских фильмах!

Один выделялся среди них блондинистой шевелюрой и высоким ростом. Постояв с минуту у ворот, он поднял вверх руку, и по стене черными пауками поползли двое из его сопровождения. Считанные секунды – и ворота открылись.

К защищенному магией коттеджу Вольского направились трое, первым быстро шагал, почти бежал, блондин, изредка разводя руки в стороны. Нетрудно догадаться, что он ломал слои защиты. Неужели амаг?.. Из тех, кто хорошо умеет разрушать чужие чары, делая это только при необходимости.

С моего наблюдательного поста было мало видно из происходящего во дворе. Вскоре в поле зрения осталась только троица, терпеливо ждущая у джипов.

Сложно сказать, сколько прошло времени, прежде чем вернулись незванные гости. Они вышли не с пустыми руками. За локоть амага держалась семенящая на высоких шпильках Ксения, один из напарников блондина нес на руках Дашу, второй...

Я протерла глаза. Нет, не показалось! Второй тащил на плече несопротивляющегося Васю!

Вся компания слаженно расселась по автомобилям и беспрепятственно уехала.

Ничего не понимаю... Где охрана Контроля? Ксения заодно с блондином? Зачем похитили Васю?!

Спрыгнув с дерева, я побежала к коттеджу.

Мысль о том, что там необходима моя помощь, заморозила все внутри. Только бы нападающие никого не трогали... Только бы все уцелели... Только бы Алекс не полез в драку...

Вряд ли оставшихся обитателей дома перебили: у крови сильный запах, я бы его учуяла, ведь ветер дул в мою сторону.

Блондин – однозначно любовник Ксении, а мужчины в черном наняты им для похищения ребенка. Вот только зачем они прихватили с собой Васю? Неужели узнали, что он амаг? И решили, что будет неплохим дополнением к маленькому менталу?

Дальше на размышления не осталось времени – я влетела во двор. А там... там я поняла, почему похитители нацепили тряпки на лица.

От ворот до самого порога, пробиваясь сквозь щели между плитами и цепляясь белесыми корешками за кирпичные стены, разросся сонман, блекло-зеленый мох с фиолетовыми коробочками спор. Растение, выращенное магами-селекционерами на основе сон-травы и дурмана. Активированные заклинанием семена разрастались за считанные минуты и так же быстро усыпляли окружающих.

Стянув и скомкав майку, приложила ее к носу. Не знаю, на сколько меня хватит, но благодаря выносливости оборотня свалиться с ног сразу не должна, даже если бы не затыкала нос.

Заскочив в дом, застыла, оглядываясь. А Ксения щедрая дама – рассыпала сонман горстями.

Посреди лестницы на ковре из зеленовато-фиолетового мха спал Вольский. Бледное лицо, темные круги под глазами. На виске наливался чернотой синяк. Ударился, когда упал, подкошенный чарами?

Быстро осмотревшись, заметила у дивана Лизу. Ей чуть-чуть не хватило, чтобы свалиться на мягкое. Ким нигде не наблюдался, но точно спал где-то – запах сонмана пропитал весь дом. У меня тоже кружилась голова, тянуло зевать, хоть я дышала сквозь ткань, притом делая вдохи через раз.

Одной рукой придерживая тряпку у лица, второй ухватила Александра за шиворот и поволокла, стараясь, чтобы бесчувственное тело не билось о ступени. На ровной поверхности тянуть стало легче, и вскоре я вытащила его за пределы двора.

Уложив на мягкой травке, склонилась над ним:

– Ну же, Алекс, очнись! Очнись! – Я паниковала, плохо понимая, что делать. Ким и Лиза продолжают дышать сонманом, Ксения с любовником все дальше увозят Дашу. – Алекс, пожалуйста!

Я тормошила его, не представляя, как поскорее разбудить. Воды не было, чтобы облить, других способов не знала. Ну не хлестать же его по щекам, в конце-то концов?!

Отчаяние отступило, когда Вольский приподнял веки. В серых одурманенных глазах застыла поволока сна.

– Я сплю? – хрипло спросил он и сделал то, что сбило с толку, – потянул меня на себя.

Это был, что называется, разрыв шаблона – Вольский жадно целовал меня, одной рукой удерживая за затылок, второй настойчиво лаская спину. Вместо того чтобы устранять последствия нападения!..

– Алекс, это не сон! – задыхаясь и отталкивая вошедшего во вкус мага, закричала я. – Ксения украла Дашу!

Я еще говорила, а Вольский уже переменялся в лице. Он восстановил цепочку событий и вспомнил, что случилось нечто страшное.

– За Ксенией приехали на трех джипах. Амаг взломал защиту, его помощники забрали девочку и Васю.

– Амаг – блондин? – вскакивая на ноги, уточнил Вольский.

– Да!

– Это Хок, сомнений нет, новый мужчина Ксении, – тихо произнес он.

Удивительно, что этот тип оказался амагом. Судя по тому, что он надел на Ксению «Зеркало Купидона», которое не утратило своих свойств, он действительно из тех, кто по своей воле разрушает заклинание, контролируя процесс, не то что бедный Вася.

– Видела, в какую сторону они поехали?

– Да, и я хочу догнать их и проследить, куда повезут Дашу.

Щека Вольского нервно дернулась.

– Нет, Миа, я запрещаю тебе это делать. Слишком опасно. – Он отрывисто бросил: – Стой здесь! Мне нужно сделать звонок, я скоро вернусь.

Фигурально выражаясь, я уронила челюсть. Ничего себе командир выискался! С минуту смотрела, как он бежит обратно в дом и его слегка поводит в стороны. Хочется верить, что в спешке не забудет прикрыть нос краем одежды и не свалится вновь. Контролировать и вновь вытаскивать на свежий воздух не буду – есть дела поважнее.

Усмехнулась. Запрещает он мне, как же... Не на ту напал.

Сейчас решается судьба Дашки. И раз ее мамаша все еще под воздействием амулета, за девочку стоит волноваться. Как я могу оставить ее в беде? Дочь того, кто мне нравится?

Прислушалась. Никого из людей поблизости нет. И все-таки я, скромная бывшая магичка, зашла за куст бузины, где быстренько стянула одежду. Связала ее, получился аккуратный узелок. Обратившись волчицей, схватила его в зубы и побежала. Хоть бы донести, не хочется после превращения в человека рассекать голый.

Уже далеко за пределами поселка, преодолев не первый километр трассы, осознала две вещи: впервые оборот прошел безболезненно и ходить мне так обнаженной. Узел затыкал ноздри, мешая вынюхивать, да и обзор существенно затруднял.

Шмотки без сожаления полетели в придорожные кусты. Ладно, не совсем без сожаления... Соблазнительного кружевного комплекта цвета карамели будет не хватать. Дорогой, зараза. Впрочем, простых я, когда подалась в бега, и не покупала. Не зная, что ждет впереди, зачем жалеть красивые вещи и отказываться от них в пользу более практичных? Кто знает, сколько вообще судьбой отмерено магичке, насильно превращенной в вервольфа?

Запах бензина, асфальта, леса, а затем и полей затирал слабые ароматы, и Дашу я не чувала. Поэтому положила на быстроту ног. Ох как я бежала! Вытаскивая мага, а потом целуясь с ним, потеряла много драгоценного времени, и мускулы горели, стараясь компенсировать его.

К счастью, мне не нужно было сбрасывать скорость, когда дорога пошла через поселки, – я ведь не автомобиль, правилам дорожного движения не подчиняюсь. Три джипа я таки догнала. Несколько часов плелась в их хвосте, боясь, что засекут. И такой бег выматывал сильнее, чем на пределе сил, поэтому, когда авто остановились у трехэтажного здания, я приободрилась. Забор высотой три метра, глухие ворота из металлических листов – не преграда для оборотня, особенно если ему жизненно важно их преодолеть. Но я была бы безмозглой дурой, если бы полезла туда одна.

Наверное, с полчаса бегала по темным улицам поселка в поисках того, кто позволит позвонить со своего телефона. И уже хотела, обернувшись человеком, постучаться в первую попавшуюся калитку, когда услышала шаги. Кто-то шел мне навстречу, шаркая и спотыкаясь. Пожилой или пьяный? Принюхалась – второе.

Сиганув в кусты сирени, решила дожидаться, пока жертва алкогольной интоксикации пройдет мимо. Тогда, обернувшись, вырублю ударом по голове, подскочив сзади. Нехорошо, понятное дело, но что делать? Дашку и Васю жалче, нежели незнакомого гуляку.

План воплотить в жизнь не удалось. Подвыпивший мужчина остановился возле сирени, как раз напротив меня, и начал расстегивать джинсы... Для чего, гадать не требовалось.

Я бросилась в сторону, на ходу меняя ипостась. Никогда еще так молниеносно не оборачивалась! И все же недостаточно быстро – он увидел и заорал дурным голосом.

Поморщившись, – вопль больно ударил по ушам – спросила строго:

– Мужик, телефон есть? – Сразу после оборота голос звучал неестественно грубо.

Бедняга, снова закричав, попятился и, запнувшись, упал. Когда он затих, я испугалась. Одно дело – временно вырубить, другое – невольно стать убийцей.

Как в кошмаре, где страх смешан с пониманием абсурдности ситуации, бросилась к мужчине. Чувство нереального облегчения затопило с головой, когда услышала его слабое дыхание. Жив, гуляка, жив... Когда он и вовсе громко захрапел, невольно улыбнулась.

Все-таки удобно получилось – бить по голове не пришлось, сам ударился. То, что из-за меня, скорее случайность, чем злой умысел, я ведь не заставляла его использовать куст, где пряталась, в качестве туалета.

Затем я, заткнув совесть и думая о Даше, обыскала карманы спящего. Наверняка смотрелось странно, как голая девица ползает по бесчувственному телу. Мародерша, блин...

Телефон нашелся в заднем кармане джинсов. На смартфоне после падения мужчины на мягкое место появилась трещина, но чудом, не иначе, гаджет продолжал работать.

Прежде чем набрать по памяти нужный номер, немного поколебавшись, стянула с храпуна спортивную куртку. Ночь теплая, он не замерзнет, а вот мне одежда пригодится.

– Прости, пожалуйста, обычно я так не поступаю...

Позаимствованная ветровка едва прикрыла зад – получилось эдакое нескромное «платице», и наклоняться в нем категорически не стоило. Запах пота, соленой рыбы, сигаретного дыма и пива сразу забил нос, провоцируя чихание, но даже такая одежда лучше наготы.

Осторожно оттащив спящего с дороги на траву, отошла, чтобы позвонить куратору, – номера Вольского, увы, не знала.

Николаев ответил после первого гудка.

– Доброй ночи, Ник Никович.

– Миа?.. Ты где сейчас? Почему убежала? – Николаева явно поставили в известность о нападении на коттедж Вольского.

В некотором роде это обрадовало – не пришлось рассказывать ненужную предысторию, поэтому я сразу перешла к главному: к названию поселка и улицы с номером дома, куда привезли девочку и Василия. Единственный минус просвещенности куратора – то, под каким соусом ему подали информацию. Надеюсь, Вольский не выставил меня особой без мозгов, нарушающей приказы. Ладно, если и выставил, это будет на его совести, а я делала то, что велела мне моя.

– Ник Никович, у меня тут нечаянно пострадавший образовался...

– Ты кого-то покусала? – насторожился телефонный собеседник.

Вот почему он сразу о самом плохом подумал? Я же ни разу ему повода не давала!

– Нет. Пьяный видел мое превращение из волка в девушку. И с испугу упал, ударился головой.

– Серьезная травма?

– Вроде только шишка, он сейчас спокойно спит.

– Я понял, о чем ты беспокоишься. Целитель в любом случае будет, он посмотрит на твоего пострадавшего, – пообещал Николаев. – Никуда не уходи, за тобой скоро приедут.

Не прощаясь, он отключился.

Сидеть возле ограбленного мужчины было тягостно. К тому же если он проснется, то получит дополнительный шок при виде полуголой девицы. И я крадучись вернулась к тому двору, куда отвезли Дарью с Васей. Вокруг росли только чайные розы, спрятаться в них оказалось проблематично – чужая ветровка почти не защищала от шипов. Немного помучившись, я нырнула в кусты жасмина возле соседнего участка.

Тихо отсидеться не вышло – остервенелая залаяла собака. Вскоре в одной из комнат зажегся свет. Открыв пластиковое окно, сонная женщина недовольно крикнула:

– Берта! Заткнись, зараза!

Что странно, подействовало. Собака негодуя твякнула и больше не издала ни звука. Окно захлопнулось, свет в доме погас.

– Здравствуйте, девушка. Вам не дуется? – произнесли позади насмешливо.

На несколько секунд я застыла. Затем медленно, натянув на голый зад ветровку, без лишних движений поднялась с колен и обернулась.

Мужчина был без повязки на лице, но я мгновенно его узнала – он был среди тех, кто приехал за Дашей.

– Здравствуйте... Холодно, да... Поэтому я иду домой.

Красивый золотисто-русый мужчина лет тридцати на вид вызвал иррациональный страх – я не просто заикалась, мысли мои словно заморозило.

– Не спешите. Приглашаю вас на чай – согреетесь.

Как он незаметно оказался рядом? Неужели с помощью магии? Да, вероятно, у него есть амулет, прикрывающий запах и глушащий издаваемые звуки.

– С-спасибо, в другой раз.

– Я настаиваю.

Он схватил меня за руку, хоть я и отпрянула быстрее, чем полагалось среднестатистическому человеку. Мгновенное касание к моей голове – и тело, утратив чувствительность, превратилось в безвольное желе. Мужчина, не дав упасть, взвалил меня на плечо и куда-то понес.

Я оставалась в сознании, но ничего не видела – отказало зрение. Пришлось полагаться на слух и обоняние. Пошевелить хотя бы пальцем или заговорить, вися вниз головой, не могла. Хотелось застонать от обиды – я подставила Вольского. Я попалась, тем самым обнулив собственный вклад в спасение Даши и Василия. Что за невезение?

А еще я поняла, кому попалась. Вампиру... Легкий запах крови я учуяла, но как-то сразу не соотнесла с вкусовыми пристрастиями мужчины. Как я сразу не определила в бледном, сверхскоростном красавце кровопийцу? Что-то снова тормозит интуиция, похоже, виновата усталость.

– Крейг, кого ты притащил? – недовольно спросил какой-то мужчина.

– Похоже, проблему. Девушка – вер, неси скорее наручники.

Стальные браслеты с царапающим уши звуком защелкнулись на запястьях. Специальный сплав с серебром, усиленный магией, не позволял оборотням разорвать их и совершить оборот – о таких я слышала, но никогда не видела, а вот сейчас довелось испытать на себе. Там, где наручники соприкасались с кожей, слегка пощипывало, других неприятных ощущений они пока не вызывали.

– Она бродила неподалеку.

– Сейчас спросим, случайно или нет.

Меня внесли в дом, прохладу ночи сменила искусственная, созданная кондиционером. Зрение вернулось резко, и я зажмурилась, ослепленная ярким светом ламп.

«Миа! Это ты?» – прозвучал мысленный вопрос Даши – последнее, что ожидала услышать.

Перед глазами танцевали разноцветные пятна, но человеческие силуэты уже удавалось отличить от мебели. Покачнувшись, ухватилась за спинку дивана, возле которого меня опустил Крейг и где сидел ребенок.

«Да, это я... Даш, ты как? Тебя не обижают?»

«Я же с мамой!» – возмутилась девочка.

Вынуждена согласиться, глупые опасения. Ксения свою дочь в обиду не даст. В отличие от Васи и меня.

– Знаете ее? – спросил Крейг.

– Видела в доме бывшего мужа, – тут же ответила Вольская.

– Шпионка, значит, – сделал вывод поймавший меня вампир и спросил: – Ящер, где амулеты?

Вскоре на моей шее оказалось несколько кулонов, магических глушилок, не позволяющих поисковым чарам видеть человека. Расчет вампиров верен: если Вольский и цеплял на меня скрытый маячок, теперь он перестал работать.

– Даша сказала, что это ее любимая няня, так что аккуратнее с ней, – вдруг недовольно произнесла Вольская. – Что она вообще здесь делает?

– Нам это тоже интересно, – усмехнулся второй мужчина. Черты лица я еще рассмотреть не могла, но точно видела, что он бржнет. – Крейг, телефон при ней был?

– Нет. На ней чужая одежда, и если умная, то телефон могла, позвонив, оставить владельцу куртки.

– А ты ее обыскал? – вкрадчиво спросил второй.

– Времени на глупости нет, Ящер, – резко отбрил его Крейг. – Мы уезжаем.

– Почему? – всполошилась бывшая супруга прокляточника. – Моя дочь еще плохо себя чувствует после сонмана, да и Васька все никак не очнется...

– Мы уезжаем, – настойчиво повторил Крейг. – Если Хок решит остаться, я посчитаю сделку завершенной и заберу своих людей.

– Почему? – В голосе Ксении отчетливо зазвучали паникующие нотки.

– Ты блондинка не только по цвету волос? – хохотнул Ящер. – Эта девица сообщила твоему бывшему мужу, где мы. Он скоро здесь объявится с Контролем в качестве силовой поддержки. Ясно теперь?

– Да, – стушеввалась Вольская.

Почему-то мне кажется, что этой красивой женщине редко давали отпор и никогда не хамили, как сейчас.

Я чуть не ахнула, когда грубиян добавил насмешливо:

– Что-то ты туповата для подружки Хока...

– Крейг, тебе пора приструнить своих людей, слишком наглые, – сурово произнес новый голос. – Я требую уважительного отношения к моей женщине.

– Ящер, попроси прощения у Ксении, – сказал русоволосый вампир, не споря.

И его подчиненный сквозь зубы пробурчал извинения:

– Простите, я не хотел вас обидеть.

– Это хорошо, что не хотел.

Крейг не позволил заострять на конфликте внимание, а спокойно напомнил, что оставаться на месте небезопасно. Любовник Ксении поддержал его решение покинуть дом.

Вскоре мы снова были в пути. Даша ехала с матерью и ее другом, я же оказалась в одном авто с Васей, который продолжал умиротворенно спать. На ухабах безвольное тело сваливалось на меня, что было ужасно неудобно, ведь толком усадить его руками, скованными наручниками, у меня не получалось.

Зрение восстановилось полностью, и я косилась в окно, пытаясь понять, куда нас везут. Почему они меня не бросили, а тащили с собой, оставалось загадкой. Хотя, может, дело в количестве заложников? Одного Васи мало? Или потому, что я видела их лица? Но ведь во втором случае было бы проще меня убить, чем удерживать?

Так, в мучительных раздумьях, пролетело время до рассвета. Новое убежище находилось на окраине моего родного городка, что стало далеко не приятной неожиданностью. Я всегда считала, что раз Кривогорск входит в буферную зону, полуночники должны здесь обретаться по минимуму, притом только одиночки, как мой отец. У вампиров же – странно, что именно они помогли похитить Дарью, похоже, Хок хорошо заплатил, – на нейтральных землях слишком много недвижимости. Явное нарушение закона. Куда смотрит Контроль?

Когда первые оранжево-золотые лучи солнца коснулись серого горизонта, вампиры поскущели. Не любят они день, хоть зрелые представители их расы и переносят его терпимо. Мне, любительнице поваляться в шезлонге на берегу моря, повезло, что я стала не одной из них.

Очередной дом встретил тишиной и темными провалами окон. Затхлый запах и слой пыли на мебели и полу говорили о том, что хозяева редко баловали своим присутствием жилье. Впрочем, оно требовало не только срочной уборки, но и ремонта – в некоторых местах отстали обои, розетки в большинстве случаев держались на честном слове, пол скрипел, словно вечно недовольный старик.

Все это я поняла по состоянию большой спальни, в другие комнаты мы не заходили, а по коридору пролетели так стремительно, что на разглядывания не хватило времени. Здесь же, при наличии новой дорогой мебели и ковра из белой овчины, царствовали пауки.

– Располагайтесь, девочки, – велел Хок и оставил нас с Ксенией и Дашей.

Я чувствовала себя не в своей тарелке – ситуация казалась ненастоящей, абсурдной, в чем-то похожей на сон из разряда тех, когда просыпаешься в самый страшный момент. И я хотела бы проснуться, вот только не испытывая при этом никаких потрясений.

Пока я отиралась у стеночки, скромно держа скованные руки у груди, бывшая жена Вольского развила бурную деятельность. Включив люстру и парные бра у роскошной кровати, она огляделась и вынесла вердикт:

– Ну и свиарник.

Хотелось возразить, что сараев для хрюшек она не видела и эта комната – всего лишь паучий рай. Но зачем привлекать внимание, когда мадам делает вид, что, кроме нее с дочерью, тут больше никого нет?

– Даша, помоги мне, – велела она девочке, начав сворачивать тяжелое покрывало с кровати. – Только осторожно, чтобы пыль не поднять.

– Мам, у меня аллергия, – пропищала маленькая менталистка, хитро щурясь.

Бывшая жена прокляточника неподдельно удивилась:

– С каких это пор?

– С недавних, мам, как ты уехала, так и выяснилось. Попроси лучше Мию.

Вольская посмотрела в мою сторону так, будто впервые увидела. И я, усмехнувшись, подошла к посеревшей от пыли кровати без приглашения:

– Я помогу, если вы не против.

Ксения промолчала.

В четыре руки мы быстро убрали тяжелые покрывала с постели и дивана, сдернули чехлы с кресел. Вскоре настороженное выражение ушло с ее лица. Совместный труд сближает даже тех, кто находится на противоположных полюсах ситуации. Ксения – женщина Хока, я, судя по всему, – его заложница, дополнительная страховка в переговорах с Контролем, которые состоятся в ближайшие часы.

В том, что так и будет, не сомневалась – скрываться от организации, на которую работал Александр, пара с ребенком долго не сможет. Им проще договориться с Вольским, выбив для Ксении право встречаться с дочерью.

И все-таки какие они дураки, что связались с Хеммингом! Разве нельзя найти более цивилизованный путь, чтобы получить возможность видеться с малышкой? Уже слабо верилось, что похищение затеяно ради способностей Дарьи. Ксения тряслась над дочкой, Хок – над Ксенией. Любимых не используют, их оберегают от невзгод. Отсюда вывод: Вольская скучала по дочери, что бы там ни думал ее бывший муж.

Непростая ситуация, столько пострадавших: Александр, Ксения, их ребенок... Даже мне досталось, потому что посчитала мага холостяком и позволила себе смотреть на него как на незанятого мужчину; он же свободен только по документам: до сих пор за его плечом тень Ксении, а дочь – суперклей, который может склеить разбитые отношения. И единственный виновник всей неразберихи – Хок.

Размышляя над ситуацией, так накрутила себя, что, когда негодяй вошел в спальню, я злобно на него зыркнула. Он даже плечом нервно повел, не понимая, откуда взялся накал эмоций с моей стороны, если мы не пересекались ранее.

– Миа, нам с вами пора серьезно побеседовать, – произнес Хок и кивком головы указал на дверь: – Пройдемте со мной в другую комнату.

Явно брендовая одежда, черные брюки и рубашка, подчеркивали его статную фигуру. Эффектный мужчина, в такого легко влюбиться и без амулетов.

Я встала с дивана, а дремлющая на кровати Даша встрепенулась и повернулась к матери. И что-то ей мысленно произнесла, потому что Ксения удивила следующим поступком.

– Игорь, расспрашивай девушку здесь, – твердо потребовала она. – Мне тоже интересно узнать как можно больше о няне дочери.

Ага, вот как по-настоящему зовут Хока, надо запомнить.

– Хорошо, – криво усмехнулся мужчина. – Раз Дарья боится, что надкушу ее драгоценную няню, поговорим тут.

А приятно, что девочка тревожиться обо мне!

Хок в первую очередь спросил:

– Что вы здесь делаете? – И самоуверенно добавил: – Говорите правду, я легко определяю ложь.

Я с удовольствием честно ответила:

– Пытаюсь уснуть на пыльном диване.

Хок посмотрел на меня как на сумасшедшую:

– Ладно, спрошу по-другому. Почему вы здесь?

– Потому что вы меня сюда привезли против моей на то воли.

Кто тихонько хихикнул, Даша или ее мать, я не разобрала.

– Вы ведь прекрасно понимаете, о чем я?

Естественно, понимаю. И могу так отвечать, ни на йоту не соврав, долго. Я же не просто оборотень, а бывший маг, который не понаслышке знает о слабых сторонах всяких амулетов и умеет уходить от ответа, не солгав. К тому же, когда похититель незлой, можно прикинуться наивной и немного потрепать ему нервы.

На не требующий ответа вопрос я промолчала. Тогда Хок, присев на кровать и обняв Ксению, спросил:

– Вас отправил Вольский следить за нами?

Не умеет он вести допрос, не умеет...

– Нет.

– Если не Вольский, то кто?

О, а это уже удачный вопрос! Почти.

– Никто.

Хок стиснул зубы, и мне стало его жалко. Кому охота вести бесполезный разговор в пять утра с несговорчивой особой? А ведь ей даже грубить нельзя – нужно показать себя с хорошей стороны перед дочерью любимой женщины. Ох, как бы он не сорвался...

«Миа, он уже злится, – мысленно подтвердила Даша. – Не сердись, он хороший».

Хороший? Да ладно! Хорошие люди не поступают так, как Хок.

Удивившись неожиданному заступничеству маленького ментала, решила больше не выводить Хока и ответила нормально:

– Меня никто не посылал за вами, напротив, Вольский запретил следовать за внедорожниками. Так что это полностью моя инициатива.

Мужчина чуть расслабился. Интересно, почему это он хороший, по мнению Даши? Наверное, она влезла ему в голову и увидела что-то, что позволило ей так утверждать? И уж точно она не в курсе про амулет.

«Какой амулет, Миа?» – встрепелась девочка.

Ой, я потеряла контроль над мыслями, раскрыв то, что раскрывать не собиралась! Нельзя расстраивать Дашу, только не сейчас. Для ее же безопасности лучше, чтобы она считала его хорошим, а то ненароком что-то скажет или сделает, и негодяй покажет свою сущность.

– Вы успели связаться с Вольским? – наконец спросил Хок.

– Да. Но ведь это уже не важно – нас там нет.

Задумчивый Хок немного помолчал, затем, нежно коснувшись губами виска Ксении, поднялся с кровати:

– Благодарю за честные ответы, Миа.

Выйти из комнаты он не успел – дверь открылась, впуская Крейга и Ящера.

– Мастер желает поговорить с тобой. – Светловолосый вампир протянул амагу телефон.

– Слушаю вас, Феликс.

Я порадовалась, что острый слух оборотня позволяет подслушать разговор, тогда как побледневшая Ксения вынуждена теряться в догадках, пока ее не просветят.

– Ты доволен результатом, Хок? – спросил вампирский мастер.

– Не совсем, мы сменили убежище на другое.

– Считаешь, что это вина моих людей? – спокойно поинтересовался собеседник.

Хок подумал секунду и выдохнул:

– Нет, вервольф – форс-мажор.

– Значит, ты доволен результатом, – вкрадчиво подытожил вампир.

Хок не сразу ответил, задумавшись.

И я прекрасно понимала почему: Стальной Феликс – один из самых опасных мастеров. По слухам, он старейший кровосос страны и даже среди своих отличается коварством и непредсказуемостью. Первое объяснялось мерзким характером, второе – наличием прорицательницы Кассандры. Интересно, а ведь она могла предвидеть, что я выслежу похитителей Даши? Тогда почему не предупредила? Или предсказание не входило в перечень услуг, которые оказывали Хоку? Только силовая помощь во время проникновения в дом Вольского и предоставление временного убежища?

– Прокляточник напал на наш след, – после некоторой паузы сообщил Хок.

– Не удивлен, да и ты знал, что так будет.

– Надеялся, что это произойдет позже.

– Я понимаю твои чувства, Хок. И все же дай четкий ответ: мои люди выполнили все, что ты просил?

Хок посмотрел на почему-то испуганную Ксению и, вздохнув, подтвердил:

– Да, Феликс, сделка закрыта.

В голосе вампира зазвучала неприкрытая насмешка:

– Замечательно, значит, я могу исполнить следующий заказ... На тебя, Хок.

Лицо амага оставалось бесстрастным, когда он отшвырнул телефон и ножи выпрыгнули из рукавов его рубашки. Одно лезвие встряло в шею Ящера, второе – в плечо Крейга, молнией отскочившего в сторону.

Рычащий от боли Ящер бросился на Хока. Новый нож мазнул по его скуле, оставляя ярко-алый след, похожий на ожог.

Посеребренное оружие! По коже пробежал мороз – получить случайные раны в чужой драке не хотелось.

Приставив к горлу изуродованного вампира четвертый нож, Хок хрипло произнес:

– Не шевелись, Крейг.

– Ты не в том положении, чтобы диктовать условия. Это тебе лучше не шевелиться, – усмехнулся тот. Его рука лежала на плече сжавшейся Ксении, за которой пряталась девочка. – Один ты бы ушел, а с ними – нет.

Амаг и вампир смотрели друг другу в глаза и не решались уступить.

– Если на девочке появится малейшая царапина, ее отец вас убьет, – потрясенно прошептала я.

Все так быстро произошло, что я не успела увидеть, когда Крейг оказался рядом с Вольской и Дашей, а Хок взял в захват второго вампира. Как я проглядела все с новыми реакциями оборотня?! Чувствую себя ущербным вером...

Буду честной: я испугалась, вот и все объяснение. Страх сужает мир до крохотного кусочка. Обидно, что от меня сейчас мало толку. Сила нетренированного вервольфа – ничто против мастерства вампиров-воинов. Впрочем, в специальных наручниках мне и не стоило рыпаться.

– Никто и не собирается прикасаться к ребенку, – равнодушно заверил Крейг. – Зачем она нам, если есть не нужная Вольскому, но горячо любимая Хоком Ксюша?

Ксения побледнела еще больше.

А я удивилась. Почему он решил, что проклятичку жена не нужна? Вольский из тех, кто будет мстить за мать своего ребенка, пускай он с ней и развелся.

Хок молча оттолкнул своего заложника и бросил нож. Клинок вонзился в дверь, точно в стык между лакированными досками.

Ящер метнулся к обидчику и врезал ему в живот ногой. Хок отлетел в стену, раздался хруст.

– Нет! Игорь! – страшно закричала Ксения и бросилась к возлюбленному.

Крейг остановил ее, не позволив попасть под раздачу. Я же кинулась к Даше и прижала ее лицом к себе, не давая смотреть на жуткую расправу.

Вампир бил ногами не сопротивляющегося мага с остервенением, шалея от пряного запаха крови.

– Хватит! – наконец произнес Крейг.

Ящер вмиг послушался. Слизнул каплю крови, попавшую на губы, и с вызовом посмотрел на дрожащую Ксению. Мразь... он даже клыки не спрятал!

– Забирай его, – приказал Крейг подчиненному, а Ксении велел: – Идите за мной, обсудим сложившуюся ситуацию.

Она обернулась, тревожно глядя на дочь.

– Не беспокойтесь, я присмотрю за ней, – пообещала я ей твердо.

Вольская, мелко дрожа, посмотрела на меня удивленно и, тяжело вздохнув, последовала за Крейгом.

Мы остались с Дашей в комнате, забрызганной кровью.

Посадив девочку на кровать, не успела слезть на пол – она вцепилась в руку.

– Ты куда, Миа?..

Сердце сжалось, было невероятно жаль ребенка, увидевшего сегодня столько ужасного.

– Я быстро, потерпи, солнышко.

Схватив собранные в кучу покрывала, накрыла ими забрызганный пол. Хотя так немного скрою кровь.

Вернувшись, крепко-крепко обняла Дашу.

– Я боюсь, Миа.

– Не надо, милая, все будет хорошо.

– Точно? – Отстранившись, она пытливо заглянула мне в глаза. – Так мне не надо бояться?

Станный вопрос... но придется ответить.

– Нет, не надо, лучше попробуй подремать.

Гладя светлую, с растрепанными косичками, головку девочки, думала о том, что нас ждет. Хок из заказчика превратился в пленника, потому что позабыл о коварстве вампиров. Теперь его жизнь в руках мастера Феликса, да и наши жизни тоже. Вернее, одна моя, ведь о Ксении и Даше позаботятся Вольский с Контролем. Мне же придется думать, как выкручиваться, самой. И если правильно себя поведу, меня отпустят – проблемы с одной из стай мастеру не нужны. Для этого придется постараться, чтобы вампиры не поняли, что я одиночка, недавно обращенный вер в бегах.

Ксения вернулась, когда рассвело. Бледная, с потухшими глазами. Даша мирно спала и не проснулась, хотя мать и не соблюдала тишину.

Сопровождавший ее Ящер поставил на тумбу кувшин с водой, а мне, швырнув сверток, глухо буркнул:

– Держи, тебе передали... переоденься.

Ксения была в таком состоянии, что я первым делом бросилась к ней, подавив желание полюбопытствовать, что мне принесли.

– Как там?.. – одними губами спросила я, когда остались одни.

– Это конец, – обреченно прошептала она.

– Дашу не отдадут отцу? – опешила я.

Ксения несколько секунд смотрела на меня не моргая, словно не понимая, о чем я.

– Ах, что с ней станется, – поджала она губы. – Если Вольский не дотянется сам, то Феликса уничтожит Контроль. Да и не воюет мастер с маленькими девочками... Конец моему Игорю.

Тут я могла бы поспорить: слышала про девочку, которую Стальной Феликс много лет назад не прочь был убить, да не смог разыскать – ее спрятали родственники.

– Вы совсем не переживаете за дочь? – не удержалась я от шпильки.

Ксения посмотрела на меня, как на дурочку:

– Если Даше будет угрожать смертельная опасность, активируется защита, поставленная ее отцом и еще десятком магов Контроля. Ее накроет такой мощный щит, что его не смогут взломать целые сутки, а за это время здесь будет Александр и вся конная рать ВОКа.

После этих слов я и вправду почувствовала себя глупо: вот почему Ксения не нервничала. Я же рвалась защищать ребенка, когда он в этом не нуждался. Смешно и обидно одновременно.

Удивляет и другое: я не могу сказать с уверенностью, что, обладая этими знаниями, не последовала бы за похитителями Дарьи. Если уж тебе поручают что-то беречь, будь добр, делай это до конца и вопреки всему. Так сказал однажды отец, и я всем сердцем разделяю его убеждения.

– Так что там с вашим Игорем? – проявила я вежливое любопытство.

– Настолько сильного амага, который бы за секунды проходил любые, не только магические, системы защиты, еще поискать нужно. Вдобавок он виртуоз по части контроля над даром, без его на то воли магические плетения случайно не разрушаются. – Ксения грустно улыбнулась. – Так что неудивительно, что его многие мечтают убить. В их число входит одна мстительная тварь, которая поклялась, что за украденный артефакт оторвет Игорю голову, но перед этим продемонстрирует своим ученикам на нем все виды средневековых пыток.

Поневоле я сглотнула. Нет никого страшнее мстительной женщины – она изощряется, тщательно выбирая наказание для того, кто ее обидел.

– Феликс отдаст его Веласкесу, – обреченно добавила Ксения.

– Хм, так голова амага нужна не женщине? Меня слово «тварь» сбило с толку, – объяснила я и потрясенно замерла. – Подождите! Вы сказали, что его отдадут Веласкесу? Иниго Веласкесу?!

Вот это точно конец. Хока ждет мучительная и, вероятно, затянувшаяся, адская смерть.

– Да, Феликсу что-то нужно от Веласкеса, поэтому и пустил Игоря в расход. – Ксения смотрела на меня больными глазами. – Вдобавок теперь у мастера есть другой амаг – брат Игоря.

Я прикрыла рот ладонью, чтобы не ахнуть. С логикой у меня все в порядке, но все-таки уточнила:

– Вы сейчас о Васе?

Ксения вскинула светлые брови:

– Вы не знали, что они братья?

Я покачала головой.

– Мы с Игорем познакомились благодаря Васе. Вольский не только его поручитель перед Хеммингом, но еще и учитель – готовит к командной работе по обезвреживанию проклятых артефактов. Ведь кому, как не амагам, безопаснее всего за них браться? Игорь соскучился по младшему брату, решил навестить. Они сидели на кухне, когда я зашла туда в три ночи, планируя заварить травяной сбор от бессонницы. Я не сдала Вольскому братьев-амагов, и в следующий раз Игорь проник в дом уже ради меня...

Ксения мечтательно улыбнулась, а я подивилась выражам судьбы. Александр сделал добро одному амагу, заступившись перед Хеммингом, а второй увел его жену. Вот так и поступай по велению души...

Размышляя над стечениями обстоятельств, которые порой бывают позаковыристей, чем в самом остросюжетном романе, наконец развернула сверток. Вот это да! Мне принесли сарафан! Из гладкой ткани цвета кофе с молоком, чуть ниже колена, с черной лентой под грудью. Точно помню, что такие платья силуэта «ампир» были модными в прошлом сезоне.

Ходить в чужой ветровке, которая едва прикрывала попу, ужасно надоело, и я, обрадовавшись сарафану, поспешила в него переодеться.

– Этикетка осталась, – вежливо сообщила Ксения. – На спине.

– Спасибо. – Я приблизилась к собеседнице, и она осторожно оторвала ярлычок известного бутика.

Я хотела спросить, зачем они насильно забрали Василия из дома Вольского, если ему там было хорошо, когда слышала торопливые шаги.

Дверь без стука открылась, впуская Крейга и еще одного незнакомого вампира с человеческим телом на плече, которое тот аккуратно опустил на диван.

– Ксения, вы идете со мной, будем звонить вашему мужу насчет девочки, – велел Крейг.

– Торговаться собираетесь? – горько осведомилась Вольская.

Главный вампир искренне удивился:

– А как иначе? За просто так ее отдавать – себя не уважать.

Нет, не пойму я цинизма в делах, в которых замешаны дети!

– Пойдемте, времени мало, – потребовал Крейг.

Второй вампир невежливо подтолкнул Ксению в спину. Подавленная женщина внезапно обернулась

и, зло сверкнув синими глазами, рявкнула:

– Да иду я! Иду!

Когда за ними захлопнулась дверь и в замке провернулся ключ, я бросилась к бесчувственному парню.

– Вася... Васечка, очнись, – шептала, осторожно похлопывая его по щекам. – Пожалуйста, Вась.

На шее водителя висела связка амулетов, почти такая, как на мне или Даше, – от поисковых чар и подавляющие дар. Жаль, снять их мог или очень сильный маг, или опытный артефактор и, само собой, тот, кто их надел. Вот только шанс на спасение остался – вампиры забыли, что Вася – амаг. Когда очнется, деактивирует амулеты и на себе, и на Даше хотя бы на время. Если Вольский нас ищет, ему хватит пары минут, чтобы засечь местоположение дочери.

– Вась, очнись, прошу тебя...

Я осторожно плеснула ему в лицо водой из кувшина, который нам оставили. Серая футболка парня и оливковая обивка дивана потемнели от пролитой жидкости, а водитель даже и не думал шевелиться.

Его богатырский сон вызывал опасения. Неужели надышался сонманом настолько сильно? Или же...

– Его обкололи снотворным, – высказала догадку проснувшаяся Даша. – Это точно, Миа, я услышала отголосок мыслей одного из вампиров.

Наспех построенный и легко выполнимый в моем воображении план рушился, как смываемый волной песочный замок. Все останется по-старому. Вампиры не идиоты, как я вообразила себе, они дали нам орудие спасения в виде Васи, прекрасно понимая, что это нам не поможет.

– Все у нас плохо, да? Миа, мне пора бояться? – тоненьким голоском поинтересовалась девочка.

Погруженная в себя, я бездумно подтвердила:

– Да, солнышко, пора бояться.

Страх... Он отупляет и обессиливает человека. И в то же время часто спасает от гибели, оберегает от дурных поступков. Но как понять, когда следует бояться? А когда, наоборот, нужно бороться со страхом, преодолевать его? Не знаю...

Как по мне, разумное бесстрашие и полезный страх – две стороны одной монеты.

Глава 11

Перелом

Если маг находится в гармонии с собой и своим даром, полностью и до конца освоил возможности, данные свыше, и постоянно совершенствуется, не коснея, он непобедим. Если достиг равновесия между человеческой частью и тем, что разумом не объяснить, если воспринимает магию как неотделимую часть своей сущности, а себя – как часть магии, то в момент смертельной опасности он может призвать всю силу и спастись. Выжить в жерле действующего вулкана, пройти сухим сквозь цунами, полетать в смерче, провалиться в разлом Земли и вернуться на ее поверхность без единой царапины...

Достичь подобной гармонии было моей целью, к которой я шла с рождения. Теперь же, став оборотнем, я оказалась совсем на другом пути. Но кто мешает попробовать пойти по нему, уже будучи вервольфом?

В шаге от пропасти, на острой грани между свободой и неволей, я решила истово поверить в слова Кима. Поверить, что мне суждено было стать вером, что это не конец жизни, а только начало. Пускай и не такой, какой я видела ее ранее.

Меня позвала Луна. Так, может, пора откликнуться? Ради самой себя. Хватит быть полужверем-получеловеком. Хватит надеяться на возвращение магички Марии. Ее больше нет. Зато есть надежда стать особенным вервольфом со способностями, которых у оборотней быть не должно.

И если приму сущность, есть шанс, что я стану сильнее, быстрее и смогу переломить ситуацию в свою пользу. Тот дар, дар внушения, что достался мне бонусом к превращению в серую хищницу, я совсем о нем забыла. Не знаю, подействует ли на вампиров, но стоит попробовать. Что я в итоге теряю? Ничего, а приобрету многое. Цельность и возможность спастись.

За окном пели птицы, радуясь новому дню. Солнечный луч, несмело проскользнув сквозь неплотно закрытую штору, коснулся нежной щеки девочки. Дарья после бессонной ночи и сонмана крепко спала, не ощущая, как золотистый зайчик выплывает на ее лице.

Тишь и благодать. Подходящее время для близкого знакомства с новой сущностью.

Что делать, чтобы стать крутым магом, я знала – нужны тренировки и медитации. А как быть недавно обращенному оборотню?

Усевшись в привычную позу для погружения в себя, постаралась очистить разум от ненужных мыслей. Потянулась в туманные глубины души, в ту зону, где отныне жила волчья суть.

Темнота. Тишина. Молчание. Я словно очутилась перед обитой полосами железа массивной дверью. Как ни дергала за ручку, впускать меня не спешили.

Да что же это такое? Я ведь решила смириться со своей участью! Так почему я не чувствую волчицу?

Гася приступ злости в самом его начале, попыталась поискать возможные причины своего провала. Хм, «решила смириться с участью»? В этом вся загвоздка? На самом деле я ведь не смирилась! Увы, не выходит...

Так, раз медитировать пока не получается, посчитаю плюсы ситуации.

Итак, я стала сильнее и быстрее во много раз. Буду жить долго, оставаясь молодой, тогда как маги вынуждены проходить ритуалы обновления, чтобы не стареть. Перестану бегать к целителю, если заболею гриппом, ведь оборотней не берет никакая зараза. Яды и наркотики страшны только в огромных порциях. Не буду пьянеть от пары бокалов вина, как раньше. Ко мне перестанут цепляться, поучая жизни, замшелые кошелки из Совета магов Кривогорска. Впрочем, сейчас есть риск угодить в полное подчинение жожаку... Что еще? Ах да, чуть не забыла важный для девушек-сладкоежек момент. Теперь я могу есть любые десерты, не считая калорий, и при этом не поправляться, фигура всегда будет оставаться подтянутой и стройной. Но тут следует сразу поставить и минус: такая прожорливость накладна для бюджета беглянки. Еще к недостаткам следует отнести постоянно пополняемый гардероб – вещи рвутся часто и не подлежат починке.

Вроде бы и все? Нет, есть еще легендарный животный магнетизм, когда девушки-оборотни, если того хотят, становятся безумно желанны для представителей противоположного пола. Магичкам для тени подобного эффекта приходится варить зелье или использовать энергозатратное заклинание.

Когда вернулась Ксения, я насчитала с десятков плюсов... и еще больше минусов.

– Как все прошло? Они договорились с Вольским?

– Договорились, да, – грустным шепотом сообщила женщина. – Завтра Дашу передадут отцу за кругленькую сумму.

Вспомнилось, сколько муж заплатил ей самой сначала за рождение малышки, а затем за отказ от родительских прав. Но я промолчала, понимая, что моя колкость сейчас будет натуральным избиением лежачего.

– Это же хорошо, что достигли соглашения. Или я еще чего-то не знаю?

– Вампиры отпустят только Дашу. Остальным придется выкручиваться самостоятельно.

Что ж, я и не думала, что кто-то предложит за меня выкуп.

В молчании прошло несколько часов, пока не проснулась Даша. Удивительно, как быстро дети приспосабливаются к изменившимся условиям существования. Девочка, выглядывая в окно, любовалась птицами, весело рассказывала матери о своих проказах. Я благодарил небо, что она фонтанировала радостью, разгоняя светлой улыбкой мои темные мысли.

Вскоре нам принесли завтрак. Вольским – бутерброды и чай, мне – тарелку с мясом. Сырым. Не хотелось мне есть его перед Ксенией – все же это неэстетичное зрелище, – но пришлось. Вампир предупредил, что вернется через четверть часа и отведет к Крейгу.

Еда восстанавливала силы оборотня, и отказ от такой возможности сравним с преступлением. Аккуратно накалывая кусочки на вилку, за считанные минуты вычистила тарелку.

– Поели? – осведомился вернувшийся охранник. – Оборотень, Крейг тебя ожидает.

Выйдя в темный коридор и дождавшись, пока конвоир закроет дверь, я успела сделать всего несколько шагов, когда получила тычок в спину.

– Давно хотел это сделать! – Мерзавец прижал к стене и коснулся губами моей шеи.

«Укусит!» – ухнуло набатом в голове.

Вампир с идиотским прозвищем Ящер провел языком по моей шее влажную дорожку... и отпустил. Меня передернуло от отвращения. Фу, уж лучше бы укусил!

– Пойдем, на большее нет времени, – с сожалением произнес он и подтолкнул вперед.

Кажется, я знаю, что произойдет дальше, если не сумею убедить Крейга, что удерживать меня в плену нельзя... Красноречивые взгляды и прикосновения его помощника Ящера ясно об этом говорили.

Кабинет отличался от спальни меньшей степенью запущенности и более помпезной обстановкой. Массивные кресла и диван, обитые красным бархатом, с вычурными позолоченными украшениями на спинке и подлокотниках, дисгармонировали с книжным шкафом, заставленным книгами в черных обложках. Энциклопедии? Собрания сочинений классиков? Еще странным выглядел рабочий стол с легким налетом пыли и малахитовой подставкой, полной канцелярских предметов, похожих на произведение искусства, – малахит и серебро смотрелось эффектно.

– Присаживайтесь, Миа, – благодушно предложил Крейг.

Сам он стоял возле стола, засунув руки в карманы темно-синих брюк. Белая футболка подчеркивала хорошо развитый торс. Вот так увидишь – и подумаешь, что перед тобой привлекательный молодой мужчина. А столкнешься с ним взглядом – и впечатление разбивается о вековую стужу в глазах. Так смотрят только те, кто много и без жалости убивал.

– Спасибо, я постою.

Решение оказалось ошибочным: Ящер, плюхнувшись в кресло, дернул меня к себе на колени.

Ярость... я никогда еще не испытывала ее настолько остро! Металл наручников накалился, прожигая кожу. От неожиданной боли я закричала.

Крейг процедил сквозь зубы:

– Отпусти ее, Ящер.

– Зачем? Если я все равно заберу ее себе? – нагло осведомился Ящер. – Пусть привыкает.

– Решение принимать не тебе, а мастеру. Он может и не отдать девушку.

Я была настолько шокирована происходящим, что не знала, что сказать. Все заготовленные слова испарились из памяти, стоило наручникам наказать за пробуждение сущности зверя. Как же плохо я подготовлена к боли... И какая, оказывается, волчица разборчивая недотрога, раз настолько сильно реагирует на чужое прикосновение.

– Феликс мне не откажет, – нагло заявил Ящер. – Я хочу ее и получу обязательно.

– Рад за тебя, – равнодушно произнес Крейг. – А сейчас будь добр, выйди из кабинета.

Нахальный вампир подчинился приказу нехотя, без спешки. Когда за ним закрылась дверь, я чуть расслабилась и взглянула на поврежденные запястья. Регенерировать ожоги не спешили – артефакт все еще действовал, наказывая за попытку выйти из-под контроля.

– Что мне с вами делать, милая девушка?

– Отпустить – это слишком очевидный ответ, да?

Странное дело, я не боялась Крейга, хотя прекрасно отдавала себе отчет, что он убийца с вековым опытом, априори враг магов и оборотней. Он вел себя порядочно, как настоящий мужчина, не оскорбляя ни Ксению, ни меня, в отличие от того же Ящера. Позаботился об одежде для меня...

И в то же время он без колебаний свернет мне шею по приказу своего мастера. Я понимала это, но страха не ощущала.

– Кстати, большое спасибо за сарафан.

– Поблагодарите при случае Кассандру. Остановившись здесь на сутки прошлым летом, она бросила его одиноко висеть в шкафу. Только увидев вас в кустах, я понял зачем.

При воспоминании о том, как стояла на коленях в жасмине, я густо покраснела. Бывают же неловкие ситуации...

– Если мне повезет и я встречу вашу прорицательницу, обязательно поблагодарю, – пробормотала неуверенно.

Вампир понимающе усмехнулся:

– Итак, повторю – что мне с вами делать?

– А какие есть варианты? – сорвалось с языка само собой.

Я не представляла, как торговаться за свою свободу и, возможно, жизнь, ведь у меня ничего не было, что могло заинтересовать мастера Феликса. Родителей втягивать в эту ситуацию я не собиралась, говорить, чтобы обратились за выкупом к Горобинским... ну, я не самоубийца. Разве что...

– Николаев! Вы можете обратиться к лидеру Союза просвещенных Николаеву!

Крейг поднял руку, жестом требуя замолчать. Я запнулась, прислушиваясь к тому же, к чему и он. Где-то... шуршало, что ли? Более точно описать едва уловимый звук я бы не смогла.

Насторожившийся вампир посмотрел на дверь. Буквально через мгновение она распахнулась.

– Маги... – прохрипел окровавленный Ящер. Весь его бок был сплошной раной, обожженной по краям. – Под «Пологом безмолвия» зашли, гады!

Я чуть не задохнулась от вони горелой плоти... а потом и вовсе перестала дышать. От шока.

Схватив со стола серебряный нож для бумаги, Крейг метнул его в Ящера. Лезвие с мерзким звуком вошло в глазницу. Молниеносно оказавшись рядом с помощником, Крейг за малахитовую ручку выдернул из его головы оружие и им же добил.

Боясь привлечь к себе внимание, я не двигалась.

Сумасшедший же тихо, словно оправдываясь, произнес:

– Я не мог упустить идеальную возможность избавиться от этой падали. Его смерть – подарок для моей любимой. – Игриво подмигнув, он добавил: – Только мастеру не сдавайте меня, договорились?

Хорошие же подарки он делает любимой... Украшения и цветы так банальны!

Крейг, бросившись к стеллажу, нажал на какие-то книги. Шкаф, дернувшись, ушел вбок, открывая темный зев тайного хода. Махнув на прощанье рукой, вампир скрылся в тоннеле.

Секунду назад напротив меня стоял Крейг – и вот его уже нет. В кабинете только я и труп... и еще парочка магов, которая ввалилась в комнату, разбив окно. Черная одежда, тяжелые сапоги, сверкающее серебром оружие, суровые лица – пожаловала группа захвата, специализирующаяся на вампирах.

– Руки вверх! Руки вверх! – заорал один из накачанных молодчиков, держа на правой ладони готового с нее сорваться ледяного «Ежа».

Я медленно приподняла скованные руки.

– Здесь заложница! – быстро сориентировался второй и, перепрыгнув через останки Ящера, выскочил в коридор.

– Эй, парень! У тебя заклинание утратило стабильность, – доброжелательно предупредила я оставшегося мага.

Инисто-белый «Еж» в руке явно малоопытного в магии Воды боевика ошетинился дополнительными колючками.

– Не переживай, ты не пострадаешь, – рыкнул он в ответ.

Но заклинание, при точном попадании раздирающее плоть до кости, развеял.

– Магичка?

– Уже нет, – ответила грустно.

Парень гадливо наморщил нос:

– Кровососка, значит.

– Мясоедка, – возразила я с нервным смешком.

– Все равно ты в заднице, детка, раз стала животным.

Уж чего-чего, а презрения от магов я не ожидала. Похоже, зря.

На этом наш милый разговор с боевиком завершился – в кабинет влетели Вольский и огромный незнакомец. Выше двух метров, с богатырским разворотом плеч и коротким хвостиком серо-стальных волос, он выглядел устрашающим, и шрам на лице только усиливал впечатление. Он начинался от левого виска и уходил кривой линией вниз, под воротник черной рубашки.

При виде неизвестного мужчины внутри все перевернулось – я сообразила, что он вервольф. Матерый, сильный волк. Очень сильный... и очень несчастный. Как я это поняла? Не знаю. Оставалось только гадать, ибо внешне он выглядел спокойным и безгранично уверенным в себе. Хищным, властным, пугающим до дрожи...

– Продолжать осмотр здания! – отдал оборотень приказ.

– Есть! – Боевик тенью выскользнул из кабинета.

А Вольский бросился ко мне:

– Миа, где Даша?

– В спальне с матерью. – И поспешила добавить: – Она в порядке.

Ответ чуть успокоил Вольского, и он позволил вервольфу задать мне пару вопросов. Я быстро и коротко ответила на них, рассказав, что здесь произошло и почему тут истлевают на глазах вампирский труп.

– Зачем Крейг его убил? – потер ладонью-лопатой небритый подбородок вер. – Почему не взял с собой? Они ведь успевали уйти вместе.

– Знаешь, Натан, мне совсем неинтересно гадать о его мотивах. Я хочу видеть дочь, – нетерпеливо заявил Вольский.

– Крейг сказал, что не мог упустить идеальную возможность избавиться от падали, – тихо произнесла я.

И тотчас застыла, поняв одну страшную вещь. Натан... Натан Хемминг. Это же контролер! Я никогда его не видела даже на фото, но имя знала. И вот теперь созерцала воочию. Что тут сказать, мне просто «повезло»... Будь оно неладно, подобное везение!

Хемминг, хмыкнув, недоверчиво протянул:

– Как интересно... Вампир с моралью?

– Мы тебе больше не нужны здесь? – Волнующийся Вольский, похоже, не знал, что такое субординация, и неожиданно для меня по-свойски общался с влиятельным боссом. – Тогда мы с Миейй пойдем.

Не дожидаясь ответа Хемминга, он подал мне руку, которой, однако, вставая с кресла, я не воспользовалась, потому что не могла.

Удивительно, но только сейчас Вольский заметил наручники. Глаза его недобро прищурились, и он отрывисто велел:

– Стой, не шевелись.

Вроде бы он сердился на тех, кто надел на меня артефакт, а мороз прогулялся по коже моей спины.

Вольский прикоснулся к заколдованным браслетам. Небольшое жжение – и они спали с моих изуродованных ожогами кистей.

– Больно? – участливо спросил Вольский, хмуря брови.

– Нет, – поспешила успокоить я его. – Сейчас запустится процесс регенерации, так что ничего страшного.

Так же легко и быстро он снял с меня другие зловредные амулеты. Его возможности поражали, он намного сильнее, чем некогда была я... Впрочем, он ведь прокляточник, который постоянно имеет дело с опасными артефактами.

Идя по коридору рядом с быстро шагающим магом, я осознала, что теряюсь в догадках.

– Как вы нас нашли? Одна из глушилок оказалась недействующей?

Мы остановились как раз на том месте, где меня облизал вампир. При мысли о том, что ситуация может повториться, омерзения, вопреки ожиданиям, не возникло. Наоборот, сердце забилося в груди как безумное: я уже предвкушала возможный поцелуй.

– Нет. Мы отыскиали вас благодаря тебе и Даше.

Я искренне удивилась:

– Да ладно! Я-то каким боком здесь?

Вольский улыбнулся моей непосредственности, и я почувствовала себя неловко.

– Ты подсказала Даше, что нужно бояться. Она маленькая и пока не умеет испытывать страх, поэтому не знает, когда следует со мной связываться.

Чего-то я не пойму... В каком смысле связываться? И как это – не умеет испытывать страх? Она же умная девочка!

– О чем ты?

– Моя дочь – очень сильный ментал, – с гордостью заявил папаша с подтекстом, мол, догадайся сама.

– Вы хотите сказать, что девочка позвала мысленно, невзирая на разделяющие вас километры?

– Мы ведь перешли на «ты»? – напомнил Александр, улыбаясь. – Повторю снова: Даша – редкой силы ментальный маг. Она чувствует эмоции, иногда читает мысли и, когда не видит для себя опасности, не думает, что пора звать на помощь.

«Миа, пора бояться?» – теперь странный вопрос ребенка получил логическое объяснение.

Закрытую дверь спальни Вольский высадил заклинанием.

– Папка! – обрадовалась Даша.

– Долго же ты нас искал, – недовольно процедила бывшая жена проклятчика.

Скромно стоя у входа, я дождалась, пока экс-супруги перебросятся парочкой совсем не ласковых слов. Александр был холоден, его бывшая супруга – высокомерна.

– Я хочу остаться с мамой! – раскапризничалась девочка, когда Вольский взял ее на руки.

– Поверь, Даша, она сейчас будет очень занята, – направляясь на выход, успокоил Вольский.

Глядя отцу через плечо, девочка вопросительно прошептала:

– Мама?..

Ксения боролась с собой, я это ясно видела по ее лицу. Но, увы, «Зеркало Купидона» победило.

– Даша, я потом приеду к тебе, – сообщила она, опустив голову.

Из дома вышли все вместе. Васю тоже не забыли: один из боевиков Контроля, заглянувший в спальню, по просьбе проклятчика вынес его на руках.

Человек, разрушивший семью Вольского, сидел на ступенях крыльца. Сухощавый мужчина осматривал его окровавленную, с расквашенными губами и заплывшим глазом голову.

Увидев избитого Хока, Ксения стремглав бросилась к нему.

– Что с ним?! Ему серьезно досталось? – с откровенными нотками паники в голосе спросила она у целителя.

– Я в порядке, – заверил Хок, целуя ей руки.

– А еще пять минут назад это было отнюдь не так, – с иронией заметил маг, занимающийся его ранами. – Вам, молодой человек, пора прекращать влезать в передраги. В следующий раз целителя может не оказаться рядом, когда вам отобьют селезенку.

Ксения, прерывисто всхлипнув, сжала руку любовника. Она словно позабыла о существовании Даши и бывшего мужа, которые стояли неподалеку и наблюдали всю эту милую сцену.

Мне стало неудобно за нее, и я отвернулась. И потому пропустила появление Хемминга, который двигался бесшумно, словно призрак.

– Да, Хок, тебе действительно пора завязывать, – подтвердил он слова врачевателя. – Ведь убьют же тебя, идиота.

– Я живучий, – скривил еще не зажившие губы в улыбке Хок.

– Ты, может быть, да, тот еще неубиваемый засранец, – кивнул контролер и колко добавил: – А твоя женщина?

Я услышала, как скрипнул зубами преступник.

– Миа, пойдем, – тронул меня за плечо Вольский.

Сдвинутые брови, глубокая морщинка на переносице – ему не нравилось увиденное, и все же он не казался разгневанным или ревнующим. Может, не стоит рассказывать о запрещенном артефакте на Ксении? Кто знает, вдруг вообще не захочет избавлять бывшую жену от зловедных чар?

От подобных мыслей стало стыдно. Нет, я обязательно расскажу ему о «Зеркале Купидона». Только немного позже.

Сглотнув тяжелый ком в горле, ускорила шаг и догнала Вольского с Дашей. Расстояние увеличивалось, но обостренный слух оборотня позволял слышать все, что говорилось возле крыльца.

– Хок, сегодня ты попался, и доказательства неопровержимы, – вкрадчиво произнес Натан Хемминг. – И теперь у тебя два выхода: предстать перед судом или...

– Я согласен на «или», – перебив его, быстро проговорил Хок.

Хемминг довольно хмыкнул:

– Я не сомневался в твоём выборе. Даже у самого сильного, изворотливого мужчины когда-нибудь обязательно появится слабость – его женщина.

Судя по всему, контролер только что завербовал неуловимого амага? Что ж, думаю, к этому все шло, раз тот выбрал в возлюбленные женщину с ребенком. С детьми особо не помотаешься по свету от ВОКа, нужно как-то договариваться.

Вот только что он будет делать, когда Ксения от него уйдет? А она уйдет – Вольский вряд ли отдаст ей дочь, а потом еще и снимет амулет... И тогда Ксения захочет вернуться к бывшему мужу.

Обо всем этом я мрачно думала, находясь в машине рядом с Вольским и Дашей, задремавшей у него на руках. Измотанная страшноватыми приключениями, девочка уснула, уткнувшись лицом в плечо отцу, и тот держал ее, стараясь лишний раз не шевелиться. Сидел, закрыв глаза. Хотела бы я знать, о чем он думал.

К коттеджу подъехали в сумерках.

В молчании вошли в дом, никто нас не встречал, но с кухни доносились умопомрачительные ароматы. Так же молча втроем поднялись на второй этаж.

Вольский остановился возле детской:

– Мы не договорили вчера, Миа.

Я пожала плечами. А о чем мы еще можем говорить? Чувствуя душевное опустошение и легкую печаль, направилась к занимаемой комнате.

– Миа, – тихо позвал маг.

Я застыла не поворачиваясь. Боюсь, сейчас выражение моего лица многое ему расскажет. А я не готова раскрывать душу на неравных условиях.

– Лично я не думаю так, как тот боевик, грубо отозвавшийся о твоём обращении. Мой дед – вервольф, но бабушка-магичка счастлива с ним спустя многие годы. Оборотни – не животные, часто они более человечны, чем некоторые маги.

На душе потеплело. Уж кому, как не мне, знать, что отдельные веры идеальны с точки зрения ревнивой женщины? Они верны своей избраннице, не могут без нее долго, безумно любят и балуют ее. И все же... они обрастают шерстью, превращаясь в зверей.

– Миа, я настаиваю на разговоре после ужина.

– Хорошо, Александр.

Душ я принимала добрых полчаса. Затем, поддавшись настроению, отыскала среди своих вещей платье, похожее на то, что подарила вампиресса Кассандра. Кораллового цвета и с черным поясом, оно было окантовано такого же цвета шнуром по вырезу и подолу, а так фасон один в один, даже из того же магазина.

Посмотрела в зеркало – красавица! Хочу, чтобы Вольский запомнил меня такой: яркой, легкой, с задором в глазах.

Утром уеду, хватит с меня призрачных надежд. Расскажу ему все, и Ксения вернется к нему, когда «Зеркало Купидона» перестанет на нее влиять. Так что не стоит рвать сердце в клочья, оно мне еще пригодится.

Принятое решение подарило облегчение и свободу. Свободу с горьким привкусом потери несбывшейся мечты.

Гоня прочь мрачные мысли, спустилась вниз.

В столовой собрались все, кроме прокляточика и его дочери. Взъерошенный, буквально поминутно зевающий Вася находился в центре внимания – Ким и Лиза слушали его рассказ с повышенным вниманием.

– Привет, героиня! – обрадовался водитель моему появлению. – Теперь твой черед рассказывать, как все было. Я тоже послушаю, а то все самое интересное случилось, когда я дрых.

Медленно обведя собравшихся хмурым взглядом, я покачала головой:

– Нет, не сейчас.

– Почему? – задал правильный вопрос обычно невозмутимый Ким.

– Вас больше должно интересовать не как, а почему все произошло. Кто позвонил Ксении и назвал

адрес коттеджа.

Подрагивающие пальцы экономки, рвущей бумажную салфетку на мелкие кусочки, подтверждали, что я сделала правильный вывод.

Ким перехватил мой злой взгляд и покосился на Лизу с неодобрением:

– Миа, не тяни. Если кого-то подозреваешь, говори сразу.

– Тут даже не подозрение, а уверенность. – Я сердито смотрела на бледную экономку. Из-за нее пришлось пережить несколько малоприятных часов, поэтому очень хотелось узнать, по какой причине. – Ты повелась на деньги, Лиз? Надеюсь, за предательство хорошо платят и тридцать сребренников пойдут тебе на пользу.

Изобличенная экономка хорошо играла в невинность: она вскочила из-за стола, перевернув стул, и сжала кулаки.

– Я не звонила Вольской! – прошипела Лиза гневно. – Я никого не предавала!

Нет, все-таки как убедительно врет – столько праведного негодования в голосе.

– А кто тогда? Ким, дольше всех работающий на Вольского? Вася, не желавший иметь дело с братом? Одна ты не могла преодолеть магическую защиту дома, но как только такая возможность появилась, ты сразу позвонила Ксении. Когда увольняют, деньги не помешают, особенно если вдобавок можно отомстить, не так ли?

– Хорошо, мотив у меня был. Но как бы я позвонила? С чего вдруг у меня появилась бы такая возможность? – Лиза скрестила руки на груди.

– Ты позвонила, не выходя из дома. Однажды украв ключ от музея, могла раздобыть и от кабинета.

– Лиз, опять?.. – неприятно поразился водитель.

Взглядом прищурившегося Кима можно было резать запеченную индейку, стоящую в центре стола.

Неудивительно, что обвиняемая нервно поежилась и повторила:

– Я не звонила Вольской! – И уже тише добавила: – И ключ я не брала.

Ее оправдания выглядели жалко, да и сама экономка казалась смертельно обиженной. Сложно оправдаться, когда нападают со всех сторон. Но кто, если не Лиза? Может, я устроила охоту на ведьм? И стоило опираться на большее количество доказательств?

Да, я была необъективна, мешали эмоции. А еще, чего таить от самой себя, чувствовала себя паршиво и впервые в жизни сознательно хотела поделиться дурным настроением с ближним. И в то же время моя волчица чувствовала панику экономки. Отчего ей волноваться, если она ни в чем не виновата?

– Лиза, посмотри на меня, – потребовал повар. – И поклянись, что не ты сообщила Ксении, где искать дочь. Ты же помнишь, что я пойму, если солжешь?

– Добрый вечер. Ищете ответы без меня? Зря.

Экономку от допроса спасло появление хозяина дома. Его дочь, угрюмая, сонно моргающая, шла, держась за его руку. Шла, не желая на нас смотреть. И мое сердце тревожно екнуло: а что, если?.. Да нет, не может быть! Когда бы она успела?..

– Даша, ты ничего не хочешь рассказать людям, которые заботились о тебе в мое отсутствие?

Сильно покраснев, девочка торопливо прошептала:

– Простите меня, пожалуйста, я не должна была влиять на вас. Простите...

Не знаю, как она, а я в детстве, четко помню, ненавидела извиняться.

– Миа, Вася, я виновата сильнее всего перед вами и отдам долг, когда стану совершеннолетней. Тогда в любое время можете обратиться ко мне за услугой ментальщика.

Очень щедрое предложение, учитывая, что к магам разума очередь расписана на месяцы.

Даша хотела сесть за стол, но отец усталым голосом спросил:

– Что еще ты должна сказать, дочь?

Девочка тяжело вздохнула:

– Это я дала маме адрес нового дома... когда мы гуляли в зоопарке.

– Как?! – взвился Вася. – Ты же все время была на наших глазах!

– В надувном замке... попросила одну тетю отправить маме эсэмэс.

Я отчетливо вспомнила молодую мамочку, которая забралась в детский аттракцион вслед за крошечным сыном. И одновременно испытала стыд – зря наехала на экономку...

И хотя извиняться, став взрослой, все так же не любила, покаянно попросила:

– Лиза, прости, пожалуйста!

Она не ответила. Даже не посмотрела в мою сторону.

– Лиза... я ужасно виновата, прости...

Экономка наконец оторвала взгляд от скатерти:

– Я подумаю. Давайте есть, стынет все, несмотря на жару.

Ее дружно поддержали. Чувство неловкости продлилось не слишком долго – когда на столе вкусная еда, сложно думать о чем-то другом.

Не будь я оборотнем, не смогла бы проглотить и кусочка. А так даже в подавленном состоянии имела отменный аппетит.

Как всегда ужин у Кима удался на высший балл. А когда он подал на десерт мороженое с орехами и шоколадом, лично мое настроение улучшилось, несмотря на чувство вины, назойливо зудящее изнутри.

Еще раз я подошла к экономке после ужина.

– Миа, мне некогда тут с тобой стоять, еще нужно загрузить посудомойку и посчитать, чего и сколько следует закупить завтра, – произнесла она оскорбленно. – За эти сутки я очень устала, а выносливости оборотней у меня нет.

Внимательно посмотрела на нее – да, болезненный вид Лизы подтверждал ее слова. И я оставила ее в покое. Подожду до утра и попрошу прощения еще раз. Не простит, что ж, уеду без извинений.

– Миа, ты куда? – Вольский вырос темной преградой у двери.

Откровенного и тяжелого разговора мне пока не вынести. В голове царил хаос.

– Побегаю немного в лесу и вернусь.

Он не сдвинулся с места.

– Я не собираюсь сбегать, клянусь. Я вернусь к тебе, Алекс. – И мысленно добавила: «Чтобы попрощаться навсегда».

Вольский не подозревал, что творится в моей душе, поэтому мягко улыбнулся:

– Я буду ждать тебя, Миа.

Уходила, не оборачиваясь, зная, что он провожал взглядом.

Погруженная в себя, все-таки отметила мимоходом, что на воротах все еще не установлена новая магическая защита. Впрочем, это не страшно, раз недоброжелатели Вольского обнаружены и находятся в руках Хемминга.

В лесу я облюбовала полянку, залитую лунным сиянием. Остановившись на грани между светом и густой тенью ели, задумалась. А не делаю ли я из мухи слона? Что, если преувеличиваю проблему?

Попробовала отбросить эмоции и взглянуть на ситуацию со стороны.

Итак, есть маг, вроде бы свободный, но на самом деле привязанный к бывшей жене ребенком и тем обстоятельством, что супруга оставила его не по своей воле, а под действием чар.

Есть магичка, которая по-настоящему не любит бывшего мужа, раз на нее эти чары подействовали. Но она родила ему ребенка, за плечами несколько лет совместной жизни, симпатия и уважение к

супругу.

И есть девочка-ментал, которая ужасно хочет, чтобы ее родители были вместе.

А теперь добавим в задачку неопределенности: негодяя, который влюбился в чужую жену так сильно, что надел на нее запрещенный артефакт и поступился мужской гордостью, прекрасно понимая, что чувства возлюбленной – всего лишь эхо его собственных. Для полной неразберихи приплюсуем влюбленную или почти влюбленную в прокляточика меня...

Мы с Игорем – лишние. Если нас убрать, что в итоге останется? Немного потрепанная испытаниями судьбы семья.

Вздыхнув, я сбросила босоножки, стянула платье и нижнее белье. Аккуратно сложив вещи на пенке, вышла в центр поляны. Чистое небо залито серебром сияния царицы ночи. Завтра полнолуние, но и сейчас, слегка щербатая, луна заворачивала.

Захотелось искупаться в ее холодном свете. Отдать частичку себя, впустить лунное безумие, чтобы мчаться наперегонки с ветром в глубь чащи. Ощущать игру мускулов под крепкой шкурой. Вспарывать когтями грунт... Чуть тысячи звуков, обонять миллионы запахов. Слышать биение испуганного сердца своей жертвы. Выследить, загнать... Впитаться в горячий источник жизни... Ощутить под языком биение пульса...

Встряхнула головой – и очнулась.

Удивленно посмотрела на пищущего под лапами зайца. Еще целый и почти не помятый. Отпустила. Ушастый зверек, не веря своему счастью, продолжал вжиматься животом в хвою. Угрожающе рыкнула, и он пустился наутек.

Неподалеку журчал ручеек. Маленький, неглубокий. Но воды в нем хватало, чтобы, как в зеркале, рассмотреть свое отражение. Первое, что увидела, – желтые с вкраплением зеленого глаза, затем – ехидно скалящуюся морду. Захлопнула пасть – волчица в ручье повторила движение, но морда ее от этого не утратила хитровато-язвительного выражения.

Она – это я. Я – это она.

Как просто. И в то же время как сложно.

Я снова была самой собой даже в звериной ипостаси. Я осознала себя, отпустила без колебаний добычу, сумев без усилий пригасить охотничий инстинкт.

Покрутившись у ручья, побежала на север, ближе к дороге.

До трассы еще далеко, но я отлично слышала шум проезжающих машин.

А еще учуяла нечто странное. Остановилась. Ноздри навязчиво щекотал раздражающий запах. Запах волка. И не одного.

Шерсть вздыбилась на загривке. Еще толком не обдумав ситуацию, рванула обратно. Бежала быстро, выглядывая и вынюхивая чужаков.

Лес дышал свежестью. Пахло влажной землей и мхом, пряной хвоей и смолой, августовской жухнувшей травой. В кронах сосен гулял ветер, трещали сверчки, тонко отзывались сонные птицы, далеко-далеко ухала сова, шептались папоротники, неумоимо рыл новый тоннель крот...

Волков, кроме меня, здесь не ощущалось.

Может, запах принесло ветром от трассы? Из проезжающей мимо машины? Оборотни просто проехали мимо? Вероятно. И все же лучше побережься. У перестраховщиков жизнь скучная, зато долгая.

До пенечка с одеждой бежала, приглядываясь и прислушиваясь. Безболезненно перекинувшись в человека, посмотрела на ноги – в грязи и траве, все остальное не лучше. Жалко портить платье. К тому же луну скрыли набежавшие тучи, если нет ночного зрения, то не видно ни зги. Чуть поколебавшись, пошла к коттеджу так. Боевики Контроля дом больше не стерегли, так что никто не увидит.

Забавно. Таки перенимаю привычки оборотней: уже с легкостью обнажаюсь...

Перепрыгнула через забор специально в том месте, где в саду находился летний душ.

Вода оказалась приятно прохладной и смыла грязь и запахи леса. Смыла сомнения и тревоги. Невзирая на нелегкие испытания этих суток, я их запомню с благодарностью. Ведь именно сегодня

во мраке сомнений я нащупала дорогу к себе новой. Нет, до абсолютной цельности и принятия сути еще далеко. Но удачное начало положено.

Искупавшись, хорошенько отжала волосы, на теплом ветру они быстро высохнут и без полотенца. С улыбкой вспомнила, как купалась здесь в прошлый раз и Лиза украла одежду.

Натянув на слегка влажное тело сарафан, покинула дощатое строение.

Дойдя до освещенной маленькими фонариками беседки, остановилась. Недаром про экономку вспомнила – она сидела за столом и пила чай.

– Привет. Не помешаю?

– Заходи, Миа, – вздохнула она. – Я ждала тебя, надеясь, что не пропущу твое возвращение.

И действительно, на столе стояла еще одна чашка. Белая, в мелкий черный цветочек.

– Лиза...

– Миа, я принимаю твои извинения, – торопливо перебила экономка. – С твоей стороны было некрасиво обвинять, не разобравшись. Но и я хороша – не учла тот факт, сколько всего ты натерпелась.

– Да я особо и не натерпелась, всего-навсего посидела несколько часов под замком.

Лиза налила мне напиток насыщенно-золотого цвета.

– А неизвестность и ожидание самого плохого? – Она покачала головой. – Страх – медленная, но действенная пытка. Попробуй чай, сбор из моих запасов.

Поднеся чашку к лицу, я глубоко вдохнула. Сладкий аромат. И как много всего намешано: листья земляники, мята, лимонник, лепестки чайной розы и жасмина, плоды шиповника... И что-то еще, неуловимое, приятное.

Стараясь понять, какое растение в смеси, я быстро выпила напиток.

– Что здесь? – Я перечислила угаданные растения. – Последний компонент никак не распознать.

– Может, поймешь после второй чашки? – улыбнулась Лиза. – И печенье не игнорируй, его Ким пек утром. Он, когда нервничает, успокаивается готовкой.

Я послушно потянулась к вазочке с песочными сердечками. Промажнулась. Снова попыталась схватить... Она раздвоилась. Я сморгнула. И повторила попытку. Вазочек теперь было три, и в той, что посередине, большая печенюшка подмигивала глазками в виде изюма. Я потянулась к ней и – о, радость! – схватила кокетливую выпечку.

Лиза тихонько рассмеялась:

– Хотела бы я сказать, что ничего личного, Миа, да солгу. Ты меня раздражаешь с самого первого дня. Уж лучше бы ты не приезжала.

Песочное сердце раскрошилось между пальцами. Стол угрожающе вздыбился и ударил меня в лицо.

Темнота... и в ней печенье, отравив руки-ноги и звонко хохоча, водило хороводы...

Где-то далеко тихо ругалась Лиза:

– Да что же ты такая тяжелая, а? Надорваться можно!

Я не чувствовала свое тело – его качало на волнах, но, судя по звукам, меня куда-то тащили. А потом нос уловил запах, который повстречала в лесу.

И ненавистный голос насмешливо произнес:

– Набегалась, Машуль?

Глава 12

Древние законы

Первое, что я увидела, – это фиолетовые стены и стальные прутья, выходящие из пола и утопающие в потолке. Некоторое время взгляд бездумно скользил по ним.

Где я?.. Отчего так болит голова? И бьет озноб?

Приложив огромное усилие, стоная, приподнялась на локтях. И тотчас упала обратно – перед глазами все поплыло.

Воспоминания нахлынули, словно цунами, оглушая и сводя с ума. Дом прокляточика. Ужин. Пробежка. Лес. Душ. Чай. И темнота с танцующими печеньками...

И несостоявшийся разговор с Вольским. Ох, теперь он решит, что я трусливо сбежала!

Стоп. О том, как оправдываться перед магом, буду думать потом, когда выберусь отсюда. А я это сделаю, ведь один раз у меня уже получилось.

– Спящая красавица сама проснулась, и целовать не пришлось. Даже обидно.

Андрея Горобинского я учуяла почти сразу, едва выплыла из мглы кошмаров, но виду не подала, надеясь, что он, как глюк, рассеется, если его игнорировать. Увы, вервольф никуда не делся.

– Наверное, головка у тебя бо-бо, да, моя куколка? – злорадно произнес парень, приблизившись к клетке. – Хочешь лекарство? Выпьешь – и все пройдет.

Нехотя перевела на него взгляд. В руке Андрей сжимал стакан с красноватой жидкостью. По запаху на кровь не похоже, но выглядело омерзительно.

– Все-все пройдет?

– Угу, – подтвердил он игриво. – Только за него придется расплачиваться. Угадай, чем? – Андрей пошленько улыбнулся.

– Если и ты пройдешь, притом навсегда, то так и быть, заплачу за чудо-зелье любую цену.

До него дошло не сразу, а когда все-таки понял, нахмурился и протянул стакан:

– Пей уже, шутница. Скоро придет отец, ты должна быть адекватной.

Я вскинула брови:

– А сейчас я неадекватна? Только вашими стараниями. Что было в чае, который подсунула мне Лиза? Кстати, как вы с ней связались?

Андрей все так же протягивал стакан, который мне совсем не хотелось брать:

– Пей, и я расскажу.

Голова раскалывалась. Какой же гадостью меня опоили, раз обмен веществ оборотня с ней все еще не справился? Не выпить ли, действительно, лекарство? Страшно. Оно может оказаться и не лекарством вовсе.

– Знаешь, что-то не хочется. Я потерплю головную боль.

Андрей никак не прореагировал на эти слова, странно глядя на меня. Проследила за его взглядом... Захотелось выругаться – платье задралось выше некуда. Одернула подол, и мелковозрастный негодяй отмер, разочарованно вздохнув.

– В чае были редкие травы, о которых ты даже не слышала. Поэтому лучше выпей противоядие.

– Так меня отравили? – При слове «противоядие» даже мороз по коже прошелся.

Андрей недовольно скривился:

– Пей, хватит болтать.

– Сначала расскажи, что за травы.

– Я их названия сам не знаю, – вынужденно признался он. – Выпей, и я расскажу, почему и за

сколько тебя продала Лиза.

Большого выторговать я бы не сумела. А если бы продолжила упорствовать, то лекарство могли бы влить насильно.

Сделав глоток кисло-сладкого, пахнущего апельсиновой цедрой настоя, с ожиданием посмотрела на вервольфа.

– Ты пей-пей, куколка, а я буду рассказывать. Лиза сама на нас вышла. Она бы и раньше позвонила – награду мы пообещали за информацию о тебе внушительную. Но мы ведь искали Марию Минову, тогда как ты представлялась другим именем – Миамина. – Он произнес мое интернетное прозвище тягуче-медленно, будто смакуя. – Знаешь, а оно мне нравится. Есть в нем что-то итальянское, страстное, жаркое...

Куда клонил озабоченный сморчок, яснее некуда. Вот только пускай готовится к облому – его притязания уже не пугали.

После ночной пробежки я поняла, что буду драться за свою свободу. Если придется, то и в облике зверя. Я не подчинюсь вожаку. Ни за что! При обращении, видать, случился какой-то сбой, и я стала немного нестандартной волчицей. Оборотнем, обладающим способностями к магии и умением противостоять приказам, ведь давление вожака – не что иное, как ментальные способности, узконаправленные, только на своих волков. И я точно могла этому сопротивляться.

Заметив, что я перестала пить, Горобинский вернулся к рассказу:

– Лиза – недовампирка, ты знала об этом? Не прошла обращение, и болезнь, из-за которой она и согласилась стать вампиром, вернулась. За полученное от нас вознаграждение девица теперь сможет вылечиться у целителя. Твоя жизнь за ее, Машуль. Извини, если огорчил.

На какой-то миг мне и вправду почудилось сочувствие в его голосе. Самообман длился недолго – вскоре Андрей опять приступил к пошлым намекам. Вот только не задевало ничего из его предложений, страха перед ним больше не было.

Протягивая сквозь прутья опустошенный стакан, нарочно коснулась его руки. Горобинский удивился, когда удержала его ладонь, цепко ухватившись за пальцы.

– Андрей, – шепнула мягким, вкрадчивым голосом, – зачем тебе я? Ты ведь не такой циничный и злой, каким хочешь казаться. И тянет тебя ко мне не сильнее, чем к другим девушкам...

Он слушал внимательно, чуть наклонив голову. В глазах – задумчивость, пальцы безвольно лежали в моей ладони. Погладила их второй рукой, успокаивая.

– Это ведь несерьезно, Андрей. Тебе нужна хорошая девочка твоего возраста, которая будет любить тебя. Все достойны любви, настоящей и взаимной, и подмена ее влечением – это всего лишь самообман. Ты обкрадываешь самого себя, делаешь больно себе же, когда удерживаешь меня здесь силой. – Я произносила слова, идущие от сердца, откровенные и честные. Пыталась достучаться до парня, до той части души, что давно спала. – Настоящий ты – добрый и справедливый. Андрей, верь мне, ты получишь свое счастье, избавившись от надуманного и наносного, того, чего требует твое эго. Тебе нужна не я, а другая, твоя истинная любимая...

Резко распахнулась дверь, пропуская старшего Горобинского, словно для деловой встречи одетого в синий костюм.

– Браво, милая!

Он вошел, улыбаясь и глумливо хлопая в ладоши.

– Девушка меня не разочаровала, в отличие от тебя, сын. Хватит пускать слюни, соберись, тряпка!

Парень, растерянно заморгав, в ужасе посмотрел на меня:

– Она меня заговорила?!

– Да-да, ты повелся, Андрей! И проиграл спор.

А я упустила шанс на спасение – вожак Восточной стаи знал о моих ментальных способностях и только что убедился, что я интуитивно умею ими пользоваться. Видать, наблюдал, как внушаю его сыну идею отпустить меня, с помощью видеокамеры, установленной в подвале. Новая мысль заставила задохнуться от возмущения: а что, если камера была и раньше? Когда я проходила обращение? И кто-то наблюдал, как меня крутило и ломало, весь отвратительный процесс?..

– Посмотри на меня, Мария, – резко потребовал вожак.

Потратив мгновение на размышления, стоит ли выполнить требование, я заглянула в холодные выцветшие глаза оборотня. В них не было ни капли человечности. Только расчет и звериная жестокость. Он смотрел так, будто я – добыча, которую стая вот-вот разорвет на куски.

– Ты осознаешь свою уникальность, милая?

От его «ласкового» обращения хотелось поежиться.

– Да, у меня осталось немного магии, – подтвердила я хрипло. – Разве это такая уж редкость, что вы за мной гонялись?

Захарий, тонко улыбнувшись, кивнул:

– Это такая редкость, что ее нельзя отдавать кому-то другому.

Я обмерла.

– Вы... – мой голос дрогнул, – вы меня убьете?

Он искренне удивился:

– Зачем?

– Я не собираюсь входить в вашу стаю.

– А придется. – Захарий довольно ухмыльнулся. – По закону девушка входит в стаю мужа.

У меня задергался глаз. Это конец... Пока валялась без чувств, меня выдали замуж! Но почему тогда Андрей не «обрадовал»? Не сообщил о невыполненном супружеском долге? Он не упустил бы такой повод поиздеваться!

Слава небу, что удержала язык за зубами, – следующие слова вожака развенчали мое невольное заблуждение.

– Свадьбу сыграем позже, а этой ночью проведем ритуал соединения. Полнолуние – идеальное время для заключения союза.

– Я не собираюсь замуж, – заявила твердо.

– Это ты сейчас так говоришь. Я готов поспорить, через полчаса ты прыгнешь на шею моему сыну.

И снова судьба и то, что я не азартна, уберегли от беды – я промолчала и вскоре убедилась, что правильно сделала. Иногда молчание не просто золото, а страховка от возможных неприятностей.

Вожак выпустил меня из клетки и, ничего не объясняя, повел из здания.

После побега маршрут выхода наверх слегка стерся из памяти. Да и бежала я тогда, доверившись интуиции, особо не осматриваясь. Впрочем, и запоминать ничего не пришлось – выйти из комнаты с клеткой и по коридору к лифту.

Оказавшись на улице, я с наслаждением вдохнула прохладный воздух полной грудью. Кондиционерам не сравниться со свежестью леса. Пару часов назад прошел дождь. Раскаленная земля приняла большую часть влаги. И воздух пропитался одуряющим ароматом живицы и хвои, запахом мокрой травы и летних грибов. Но острее всего пахло волчьей шерстью – я даже чихнула.

– Будь здорова, – вежливо пожелал Захарий и подтолкнул в спину: – Скорее, нас ждут.

Кто ждет, можно и не уточнять, – рассказал нос.

Утоптанная дорожка привела к густому высокому орешнику, и когда мы прошли сквозь него по узкой тропинке, я замерла, пораженная открывшейся картиной. Большая поляна, по кругу разбросаны толстые бревна. И на них – волки. Одни стояли, другие сидели, некоторые и вовсе вальяжно разлеглись... Гигантские зверюги, серые, смоляно-черные, серо-коричневые, молча встретили нас. В их желтых глазах светилось ожидание, любопытство и... азарт?

Удивляться тому, что я вроде бы определила эмоции незнакомых оборотней, времени не было – старший Горобинский, подталкивая в спину, вывел в центр поляны, где росла старая сосна. Дерево было настолько огромно, что его ствол могли бы обхватить разве что человека три, не меньше.

Оказавшись у сосны, я принялась считать волков, краем глаза не выпуская из вида вожака, поднявшегося на поросший мхом валун. Прямо король-лев из известного мультфильма...

К оставшемуся возле подножия «трона» Андрею подошли друзья – Соболев с Алиной. Девушка

бросила на меня быстрый взгляд, в котором легко читалась злость. Похоже, дует, что я подставила их, сбежав? Да еще так подленько, уложив в кровать к здоровяку... Эх, от нее мне теперь сочувствия не дожидаться, это точно.

– Вервольфы живут бок о бок с людьми тысячелетия, – зычно начал вожак свою речь. – С каждым столетием меняемся мы и наши законы. Но порой происходит нечто, что заставляет вернуться к истокам, к древним законам. В нашем случае поводом стал спор за свободную самку.

Я насторожилась. Спор предполагает как минимум двух участников. Что Андрей претендует, понятно, а кто второй? И есть ли он?

Любопытство мое осталось неудовлетворенным – имен Горобинский не назвал.

Ловко обошел скользкий момент. Я могла бы поднять этот вопрос, да вот толку от него? Вся эта речь – показуха, видимость, что придерживаются своих законов. Как скажет вожак, так и будет. Ну что ж, если выдадут замуж против моей воли, в истории оборотней я стану первой новобрачной, которая искушает супруга.

– По нашим обычаям выбирает женщина. Но если претендентов много и она не может определиться, за нее сражаются.

Захотелось захихикать. Да на здоровье! Пускай дерутся, плакать, если поубивают друг друга, не буду.

– Но если самка из чужаков, – голос вожака посуровел, – и крутит хвостом, нарочно сталкивая сильных самцов стаи лбами, она не заслуживает священного поединка.

Ого, приплыли... Неожиданно.

– Я никого не...

– Заткнись! – прошипел вмиг оказавшийся рядом Андрей и сжал мою руку.

Кости затрещали, ломаясь. От боли потемнело в глазах.

– Такую самку имеет право попробовать каждый свободный самец стаи, чтобы решить, стоит ли за нее проливать кровь своих братьев. Это древний закон, и он справедлив.

Слова старшего Горобинского подернулись туманом и взбудораженным воем. Сильная и смелая на словах волчица, я почувствовала, как уходит земля из-под ног.

Андрей подхватил меня на руки и понес с поляны прочь. Понес мимо своих соплеменников, словно победитель – трофей.

В полузабытье увидела бледное лицо кусающей губы Алины и хмурого Соболева, скалой стоящего за ее плечом. Здоровяк начал что-то говорить, но девушка треснула ему локтем под дых.

Почти у самой полосы орешника пригрезился родственник.

– Макс, спаси...

Двоюродный брат мне привиделся, ведь только в кошмаре на шепот о помощи он мог испуганно отшатнуться. И это стало последним, что я запомнила.

Очнулась под холодными струями душа.

– Что же ты слабенькая такая? – бормотал Андрей, стаскивая с меня намокшее платье. – Даже неинтересно.

– Посмотрела бы я на тебя, когда объявили бы о милой традиции коллективно насиловать упирающихся женихов.

Горобинский, даром что волк, громко заржал:

– Мне бы такая традиция понравилась.

Идиот... Ну что тут еще сказать?

– Оставь в покое мой лифчик и проваливай из душа, – потребовала я сердито, ударив по его наглой лапище, стаскивающей бретельку с моего плеча.

Поднявшись на ноги, попыталась выпихнуть наглеца прочь.

– Ты – моя невеста, я имею полное право тут находиться.

Он так удобно стоял, широко расставив ноги на скользких плитках, что грех было не воспользоваться случаем.

– Имей свое право в другом месте!

Колено само рвануло вверх. Андрей крикнул. Толчок ладонью в голову – и он вывалился из раскрытой кабинки.

Закрыв матовую дверцу, обессиленно привалилась спиной к кафельной стене. Тело била крупная дрожь. И в то же время было жарко. Рука не болела, хоть я точно слышала, как что-то сломалось в кисти.

В полубреду я не задумывалась, что говорила и делала. И когда Андрей попытался вернуться, послала его подальше, сопроводив напутствие самыми постыдными ругательствами, которые знала, но до сегодняшнего дня никогда не использовала.

Несколько секунд постояв в проеме душевой кабинки, он ушел. Жаль, не туда, куда посылала.

Сменив ледяную воду на теплую, простояла под жестко бьющими по голове и сгорбленной спине струями целую вечность. Говорят, вода уносит боль, смывает печали и негативные эмоции. Врут – мне легче не стало.

Покинув кабинку, у запотевшего зеркала нашла два больших полотенца и длинный халат с пушистыми розовыми шлепанцами. Какой заботливый будущий муженек...

У выхода из ванной комнаты меня поджидал мрачный Андрей. Молча ухватив за локоть, повел обратно в темницу.

Идти было недалеко, и все же, надеясь успеть, я затараторила:

– Андрей, пожалуйста, не поступай со мной так! Зачем тебе связывать свою жизнь с нелюбимой? Я ведь не нужна тебе!

– Помолчи! – оборвал он мою попытку достучаться до его разума и души. – Я или кто-то другой – не важно, главное, чтобы ты осталась в стае!

Шлепанцы на размер больше, чем требовалось, спадали с моих ног – так быстро Андрей тащил меня за собой.

В комнате с клеткой ожидал сюрприз – перед диваном стоял накрытый льняной скатертью стол. Щедро заставленный блюдами с мясом, овощами и фруктами, с тканевыми белоснежными салфетками, он выглядел нереальным. Да и старший Горобинский, чинно восседавший во главе стола, показался галлюцинацией.

– Что-то вы задержались, дети. Неужто делали мне внука?

Я поперхнулась воздухом от возмущения, Андрей помрачнел еще больше.

– Нет? Жаль, – зло взглянув на сына, тяжело вздохнул вожак. – Не хочешь вливаться в нашу семью по-хорошему, Мария?

Я промолчала. Он себя вообще слышит? Бред, какой же бред! Ситуации ненормальнее не придумаешь.

– Меня обратили насильно, держали в клетке, преследовали, похищали. И теперь я еще должна выйти замуж и рожать вам внуков?! Я похожа на сумасшедшую?

Встав из-за стола, Захарий приблизился вплотную и погладил меня по щеке, как кошку:

– Клянусь тебе, девочка, ты не уйдешь с турбазы свободной.

– Значит, меня вынесут вперед ногами, – пробормотала я обреченно.

Вожак осуждающе покачал головой:

– Думать о смерти в столь юном возрасте глупо. Нужно бороться за жизнь, выгрызая у судьбы счастье зубами.

– Что вы сейчас и делаете, мучая меня? – спросила я с горечью. – Вот только я – сомнительное счастье, клянусь вам. Мои способности случайны и недолговечны. На вас-то я не могу повлиять, так

какой из меня ментальщик?

Захарий не ответил. Ушел, жестом позвав за собой сына.

Могу собой гордиться – я испортила всегда готовым пожрать оборотням аппетит.

Опустившись на диван, подобрала под себя ноги. В чужом халате, фактически голая, раздавленная заявлением вожака, что меня ни за что не отпустят, ощущала себя актрисой абсурдного фильма, в котором, как ни стараются герои исправить ситуацию, делают только хуже.

Оставшись одна, ощутила удушье. Воздуха не хватало, и я задыхалась. Паника захлестывала. Наступило четкое осознание всей серьезности ситуации.

Горобинский-старший не шутил – не соглашусь на Андрея, отдадут всем желающим. А сколько на поляне было волков без пары? Двадцать? Тридцать? Откуда такая жестокость? Или все же пугают и ничего не случится?.. Проявлю стойкость – и меня будут вынуждены отпустить? Не до конца же они монстры, что-то светлое должно оставаться в их душах? Абсолютно плохих людей не бывает. Или же я ошибаюсь и Горобинские еще хуже, чем кажутся?

Пора обдумать ситуацию, отбросив эмоции. Но сказать легче, чем сделать. А еще в животе урчало от голода. Ускоренная регенерация и сила оборотня имели огромный недостаток – приходилось много есть.

Усевшись за стол, притом на место вожака, набрала на тарелку гору мяса, начав с самой большой куриной грудки, запеченной с шампиньонами и сыром. Вкусно, несмотря на стресс.

Итак, почему они ко мне прицепились? Это уже не задетая гордость сына – за такое просто убивают, а не настойчиво зовут замуж. Даже если девушек-оборотней мало, за ними не гонятся, не назначают награду за информацию о них. Так в чем все-таки дело? Ничье наследство мне точно не светило, способности к внушению, избирательность их воздействия скорее удручали, чем радовали.

Но большего с меня не взять. Значит, все-таки интересуют мои слабенькие способности? Но опять-таки, зачем сразу замуж выдавать, да еще так страшно угрожая? Нет, не понять мне оборотней, не понять... Что-то тут нечисто...

Наевшись, вернулась на диван. Можно было бы исследовать помещение, раз не заперли в клетке, но зачем? Убегать из подвала глупо, когда наверху полно оборотней, разгоряченных напоминанием о «древнем законе».

Нет ничего более тягостного, чем вынужденное бездействие. Ожидание изматывает. Медленно убивает, разъедая нервную систему. Ожидая, строишь модели возможного будущего – счастливого и не очень, рисуешь картинки самых страшных ужасов, которые могут произойти с тобой. В воображении проживаешь целую жизнь, пропускаешь через себя призрачные вероятности, и плохие, и хорошие.

Поэтому я не люблю ждать. Предпочитаю сразу узнать о дурном, чем тлеть душой, надеясь на лучший исход. Еще лучше двигаться – сражаться или убегать, но только не стоять на месте.

Сколько времени прошло с того момента, как осталась одна, сложно сказать. В закрытом помещении оно бежало по-другому. Выводили меня на поляну во второй половине дня, сейчас скорее всего уже поздний вечер. Так почему ко мне никто не идет? Ничего не говорит? Или это нарочно – пытка неизвестностью?

И вдруг меня осенило. Нет, это не специально. Вожак ждет восхода луны. Это ведь ночь полнолуния! Даже обычные люди ощущают на себе влияние ночного светила, а что говорить про оборотней? В полнолуние они освобождаются от оков человеческих законов, выпуская наружу дикую натуру зверей.

И в такой момент меня никто не пожалеет... Быстро отмахнулась от страшной мысли – нет, вождь стаи всего лишь пугает, пускай и очень убедительно.

Полностью успокоиться не успела – за мной пришли.

Старший Горобинский швырнул шелестящий пакет с логотипом знакомого бутика на диван и приказал:

– Одевайся, через пять минут вернись.

Когда он вышел, я открыла пакет. Неожиданно. Сам вождь принес мне платье? Да еще какое платье!

Белоснежное, до пят, оно смотрелось подвенечным нарядом... или одеянием жертвы. Говорят, белый – не только цвет невинности, но и знак маньякам, что сопротивления тут не будет.

А вот и не дождетесь! Я буду сопротивляться до последнего вздоха!.. Ну или все-таки соглашусь на предложение Горобинских. Чем ближе час принятия решения, тем что-то мне страшнее...

Одежда села идеально, будто тот, кто покупал, знал мой размер. С драпировкой крест-накрест на груди и одной лямкой на левом плече, готова поклясться, платье смотрелось на мне эффектно. Каждая его линия подчеркивала безукоризненно стройное тело, которым я могла похвастаться после превращения в оборотня. Красивый наряд, даже жаль портить его, перекидываясь в волчицу.

– Ты готова? Отлично. – Вожак оказался пунктуальным, по моим ощущениям, прошло как раз пять минут.

Если раньше я успешно боролась с паникой, то теперь меня открыто трясло.

– Красивая у меня будет невестка, – усмехнулся Захарий, одобрительно скользя взглядом сверху вниз.

– Да и вы тоже ничего, – вырвалось у меня.

Я испуганно застыла, поразившись собственной наглости и несдержанности. Вожак не рассердился, захохотал.

Он тоже переоделся, черная майка и камуфляжные штаны делали его более молодым и почти не страшным. Сейчас он выглядел старшим братом Андрея.

– Давай сюда руки, – потребовал Захарий, отсмеявшись. И из кармана широких штанов жестом фокусника вытащил наручники.

– Нет! – Я отскочила за диван.

Мне не оставляют ни малейшего шанса! Артефакт не позволит трансформироваться!

Захарий не уговаривал. Он прыгнул. Оттолкнувшись от спинки дивана ногой и опрокинув его, он схватил меня за горло.

– Я уже немолод для таких игр, – прошипел вервольф, глядя в глаза. – Руки!

Мне никогда еще не было так страшно... Интуиция кричала, что вожак готов убивать, что нечто разозлило его, доведя до бешенства. Малейший намек на неповиновение – и он сожмет стальные пальцы.

Зажмурившись, я подняла трясущиеся руки так, чтобы было удобно надеть наручники. Легкое жжение подтвердило догадку о назначении артефакта. Это оковы для звериной ипостаси.

Глаза щипало от непролитых слез. Старательно гонимая паника лишала воли и возможности дышать.

– Давай шагай! – Захарий совсем негалантно вытолкнул меня в коридор.

Идти пришлось в шлепанцах, о подходящей обуви для узницы не позаботились.

– Отец, что с Машей? – Младший Горобинский ожидал нас в коридоре. – Зачем ты ее расстроил?

Вожак что-то рыкнул, и его наследник благоразумно заткнулся.

В лифте Андрей вел себя как джентльмен – рук не распускал. И только на выходе придал ускорения, шлепнув по попе.

С трудом подавила проснувшуюся ярость. Это не благородные хищники! Это какие-то мелкие шакалы, пользующиеся беспомощностью тех, кто слабее!

Мы вышли из здания в гнетущую тишину. Природа замерла выжидая. Так бывает, когда скоро грянет буря, и умные животные заранее прячутся от стихии. Я бы тоже не отказалась сейчас где-нибудь укрыться, но выбора мне не оставили – шла туда, куда вели.

Такие моменты воспринимаются или остро, или в тумане полузабытья.

К сожалению, в этот раз сознание не собиралось отключаться, фиксируя малейшие детали окружающей действительности. Скрип гравия под шлепанцами, гудение комаров вокруг, запах хвой...

Уже знакомая поляна встретила пустотой – на бревнах никого не было.

Оборотни не пришли! Решили наплевать на древний закон? Ни один холостяк не прельстился мною? Горобинские запретили приходить, устроив, как и думала, шоу лично для меня?

Радовалась я недолго.

Андрей подвел меня к одинокому дереву и нарочито нежно погладил по щеке:

– У тебя четверть часа на принятие решения. Потом заявятся другие претенденты, но и тогда я буду первым. – Он мерзко усмехнулся. – И у тебя еще останется шанс одуматься и согласиться стать моей женой. Но если же пойдешь до конца, – его лицо исказила жестокая гримаса, – ты мне будешь не нужна, я не собираюсь сражаться за шлюху. И ты выйдешь за того, кто больше всего тебя пожелает, но в любом случае ты останешься в стае. Уяснила?

В глазах молодого вервольфа плескалось безумие. Как же я раньше не замечала, что он болен?..

Распущенные волосы зашевелились на моей голове потревоженными змеями.

– Уяснила? – повторил Андрей злобно.

Я быстро-быстро закивала.

Он уходил неохотно, оглядываясь. Ожидал, что у меня сдадут нервы?

– Забыл предупредить. – Оборотень остановился у края поляны. – Если попытаешься сбежать, начнется охота. И тогда кто первым догонит, тот и получит приз. Я не прочь посоревноваться, так что можешь побегать, куколка.

Какой добрый совет, учитывая то, что волки – прирожденные преследователи и охота – их любимое занятие!

– Думай, время пошло.

Когда Андрей нырнул в орешник, принялась лихорадочно просчитывать свои действия. Убегать точно не буду – нельзя будить охотничьи инстинкты. Соглашаться сразу на замужество тоже не стоит, когда есть хотя бы крохотный шанс на спасение.

Способность превращаться и руки мне сковали, но рот-то не заткнули! А значит, можно сразиться словом, точнее песней. Я спою колыбельную, вдруг ментальный дар усилит ее и «женихи» успокоятся?

Вой... Протяжный, торжествующий... Я содрогнулась, когда он донесся из темноты леса. Почти без паузы раздался второй – надрывно, с вызовом. За ним – третий. Пару тягостных секунд спустя – еще один.

Я напряженно вслушивалась в тишину, сердце гулко билось в груди. Больше никто не заявил о намерении вступить в бой за «невесту».

Четыре претендента? А не много ли для одной? Древний закон не учитывает, что после «пробы» девушка просто не выживет?.. Или раз веры быстро регенерируют, то и снесут все?!

Приступ панической атаки сопровождался удушьем. Сердце едва не выскочило наружу через рот, когда на поляну выбежал поджарый волчара. Нас разделяло с десяток метров – как раз на парочку прыжков для него.

Зверь не стал приближаться. Контур его тела подернулись дымкой изменения, и вскоре на траве стоял Андрей. Обнаженный. Обычно оборотни носят амулеты, создающие иллюзию одежды, но, видать, у этого они были не в почете.

Когда из орешника выплыл еще один волк, черный, моего локтя осторожно коснулись.

– Тихо, Миа... – услышала я знакомый голос. – Не кричи.

Я испытала два чувства сразу: радость оттого, что он пришел за мной, горечь – что может погибнуть из-за меня же.

Тряхнув волосами, закрыла ими лицо:

– Алекс, что ты здесь делаешь?

– Тебя спасаю. Можешь не шептать – нас не слышно, но они могут прочесть по твоим губам.

– «Полог безмолвия»? – спросила я, хотя это и так было понятно, раз ни я, ни другие оборотни его не учуяли.

– Да, «Полог безмолвия», «невидимость» для меня и амулет перемещений для тебя, – быстро перечислил маг. – Амулет ты сейчас возьмешь и сожмешь в кулаке – он перенесет тебя прямиком в спальню, в мой дом...

– А тебя? – перебила я нетерпеливо.

– А я останусь и оторву извращенцам хвосты... и не только.

Ох, как много он слышал? Судя по звенящей в голосе ярости, достаточно.

Третий претендент в мужья появился на поляне и, разумеется, тоже голый. Решили дружно показаться потенциальной возлюбленной во всей красе? Или у этой стаи считается дурным тоном использовать иллюзию одежды? Мол, чего нам стесняться, даже если рядом чужаки?..

– Алекс, веров здесь много!

– Успокойся, я справлюсь.

Даже самый крутой маг может не выстоять против десятка разозленных оборотней. Вдобавок Алекс не боевик, хоть и умеет создавать «Око Перуна».

– Нет, я уйду только вместе с тобой! – заявила решительно.

– Не дури, Миа! Амулет временно разряжен, может перенести только одного, – возразил он.

– Тогда я останусь. И это ты дурак, потому что у тебя дочь!

– Я не собираюсь умирать и вернуться к ней вместе с тобой.

– Ты не понимаешь! – Я не сдержала стон отчаяния. – Здесь почти вся стая, свободные волки уж точно бегают неподалеку. Выйти против них сравнимо с подвигом!

На что Алекс тихо произнес:

– Ради любимой женщины стоит совершать подвиги.

В такие минуты не лгут. В моей душе все перевернулось после этих слов. Признание... я его тайно ждала, надеялась, что мои чувства взаимны.

– Миа, возьми. – Пользуясь моим замешательством, невидимый маг всунул в руку кругляш.

Тот слегка нагрелся... и я отшвырнула его в траву.

– Почему ты такая безрассудная?! – рассердился Алекс. – Ладно, что-нибудь еще придумаю.

С тихим шорохом с моих рук рыжей пылью ржавчины осыпались наручники. Мой спаситель деактивировал маскировочные амулеты и встал рядом. Недобро сверкающие глаза, плотно сжатые губы, сам весь в черном – футболка, джинсы, кроссовки – он выглядел как демон мщения.

Сложно разобраться, какое из испытываемых чувств сейчас было сильнее: восторг или страх. В какой-то миг захотелось остановить время, чтобы побыть с мужчиной, который своим поступком показал истинное отношение ко мне, как можно дольше.

И память исполнила желание – вернула в прошлое, подкинув воспоминания о событиях, с которых начался перелом в моей судьбе...

Но вскоре их вспугнул Андрей, заметив рядом со мной незнакомца.

– Ты кто такой?! – рыкнул он и кинулся к нам.

Он двигался поистине молниеносно, но и я не тормозила. Шагнув вперед, встретила вера пощечиной. Мои когти оставили багровые полосы на его лице.

– Дрянь... – Андрей остановился и, проведя по щеке рукой, шокированно уставился на окровавленные пальцы.

А Вольский с восхищением сказал:

– Красота – страшная сила, особенно если умеет отращивать когти.

Андрей бросился – в тот же миг вокруг нас с Вольским вспыхнул зеленым купол-щит.

Я не поняла, как оказалась в объятиях Вольского. Его губы пьянили настойчивостью, неожиданный и неуместный поцелуй сводил с ума. Хотя почему неуместный?.. Когда еще целоваться с любимым, как не на пороге смерти? На грани все воспринимается острее и сильнее. И это был лучший поцелуй в моей жизни – с оттенком нежности и со вкусом адреналина.

– Прости, не удержался, – шепнул Алекс, лаская большим пальцем мои припухшие губы.

Рядом раздалось настолько страшное, полное злобы рычание, что я содрогнулась и отвела взгляд.

У полупрозрачного купола, не имея возможности прорваться сквозь него, бесновался полуживотное-получеловек – Андрей перешел в промежуточную боевую форму, опасную тем, что под воздействием силы она напрочь отключала мозги. Глаза его не отливали желтым – налились кровью.

– Мамочки... Он обезумел?

От отца как-то слышала, что только матерые оборотни свободно выходили из промежуточного состояния, молодые могли надолго застрять между ипостасями и мучиться часами.

– Раздражает его скулеж, правда? – Вольский улыбнулся, видя мою растерянность.

Он совсем не боялся. Я не чувала страх или азарт битвы, одно лишь пряно-острое возбуждение.

– Он же может и не вернуться!

Вольский посерьезнел:

– Переживаешь за него?

– Нет! Но вождь нам не простит, если с его сыночком случится непоправимое.

Вольский возмутился:

– Пусть лучше думает, как вымолить у тебя прощение!

На одну секунду щит исчез, и в оборотня попал потрескивающий от молний клубок силовых нитей. Ярko вспыхнув зеленым, шар откинул недочеловека в конец поляны.

Андрей взвыл от боли, и это стало сигналом: не вмешивающиеся до этого момента веры бросились в атаку.

Щит опалил оборотней, и один, взыв, отскочил, чтобы превратиться в волка. Рыча, он бросился прочь с поляны.

– Побежал к своим за подмогой! – испуганно сообщила я Вольскому.

– Не переживай, продержимся!

– Продержимся до чего? – спросила с надеждой, но проклятик не ответил.

И я вспомнила про амулет перемещений. Вот только лежал он далеко от нас, и, чтобы его достать, пришлось бы выходить за щит.

Щит... Его сложно долго удерживать, особенно когда часть резерва уходит на атаки. Надолго сил моего спасителя не хватит.

Я кусала губы, не представляя, что делать дальше. Ну зачем он пришел за мной?! Меня не убьют, а вот его точно не пощадят. Впрочем, меня тоже не пощадят, только моя смерть будет несколько иного рода, когда тело продолжает жить, а душа умирает...

Ох, Ночь! Я не верила в то, что происходило сейчас. Как дурной сон: поляна, подлые оборотни, гнусный древний ритуал... Увы, они мне не снились. Они – реальность, моя страшная реальность! Я стояла плечом к плечу с мужчиной, от которого была без ума, который пришел за мной, рискуя жизнью, и не знала, как долго нам еще быть вместе.

Почему?.. Почему, слышишь, Судьба, старая ты стерва?! Почему мне выпало на долю столько испытаний? За что? Чем я прогневила небо?

Я паниковала, а за пределами купола бесновались оборотни. Они насккивали в надежде прорваться к нам в тот миг, когда щит будет снят. А Вольский продолжал дразнить их, иначе и не скажешь, раз ни одно заклинание не нанесло противникам существенного урона.

И я отчаялась окончательно: проклятич – не боевой маг, ему сложно убивать. Хотя, может, Вольский рассчитывает на приход старшего Горобинского, который отзовет сына с друзьями? Уповает на разумность вожака? Вот только сомневаюсь, что он отпустит с миром моего неожиданного защитника, скорее прикопает прямо здесь...

– Как у вас тут весело! – На поляну вышел молодой человек в одних серых джинсах.

Волки, скалясь, развернулись мордами к нему. Казалось, они хотят броситься, но тут из темноты из-за спины новоприбывшего выступили два волка. Оба здоровенные, намного крупнее моих «женихов», по-настоящему матерые волчары. Первый – серый с серебром, второй пепельный, почти седой...

Сердце екнуло. Не может быть! Бросила быстрый взгляд на молодого человека. Как же я его сразу не узнала! Да это же Кирилл, сын Булатова, вожака Северной стаи. А с ним, выходит... И пепельный волк... Нет, боюсь поверить раньше времени, не хочу разочароваться. Нет, это точно они! Только как они меня нашли?

Чтобы осознать, что подоспела помощь, понадобились считанные секунды.

– Это свои! – радостно успокоила я напрягшегося Алекса. – Свои!

– Уверена? Что не мои, это точно.

Пока мы перебрасывались словами, ситуация изменилась.

Андрей, заметив, что Вольский опустил щит, бросился к нам. Буквально в метре от цели его перехватил Кирилл. Повалил на землю. Вжал в нее лицом, усевшись на спину. Андрей страшно зарычал. Его друзья бросились на помощь, но были остановлены волками, которые явились вместе с Кириллом.

– Что тут происходит?! – грозно прошипел старший Горобинский.

Ошарашенная дракой, я не успела заметить, когда он выбежал на поляну.

Серебристый волк отпустил слегка придушенного «жениха», напоследок наподдав по голой заднице лапой. И перетек в человеческую ипостась. Не перекинулся, а именно перетек – так быстро произошел оборот. К слову, он тоже был в штанах, как и сын, – северные охотно носили амулеты, создающие иллюзию одежды.

Мужчина, более зрелая версия Кирилла, обманчиво спокойно произнес:

– Это у тебя, Захарий, нужно спросить, что происходит.

– Вы, северные, вломились на мою территорию! И еще требуете ответа?! – зашипел не хуже змеи папаша Андрея.

– Вы украли нашу волчицу, – оскалился в ответ Владлен Булатов. – Мы пришли за ней.

Мир перед глазами качнулся. Еще одна стая претендует на меня? Да сколько можно-то?!

– С каких это пор маги входят в стаи? – елеинным голосом спросил старший Горобинский. – Это мой сын ее обратил, мы первые вправе требовать ее себе! Девушка наша!

Я задохнулась от гнева. Да как он смеет!..

– Не влезай, – шепнул Вольский, крепче прижимая меня к себе.

Удивительно, как быстро он прочувствовал мое состояние.

– Мы ее не отдадим, Мария наша! – веско повторил старший Горобинский, глядя на чужаков с вызовом.

– Нет, по закону она не может принадлежать вам, если кто-то из ее родителей входит в другую стаю, – возразил седой, как лунь, но молодой мужчина, совсем недавно пребывавший в облике серо-пепельного волка. – В такой ситуации не играет роли, кто ее обратил.

Если я посмотрела на седого вервольфа с удивлением и надеждой, то вожак восточных – с ненавистью. Не ожидал, что кто-то тоже обратится к старым законам, которые в этот раз окажутся не на стороне Восточной стаи?

Захарий обвел поляну мрачным взглядом:

– Вот как, значит, да? Кое-кто решил воскресить прошлое? Ладно. Но это не отменяет того факта, что вы явились на нашу территорию без разрешения, напали на преемника вожака...

– Начинать носить очки, Захарий! – насмешливо бросил Владлен. – Мой сын помогал твоему вернуть человеческий облик.

И действительно, Кирилл поднялся со спины поверженного противника, который уже выглядел как нормальный мужчина, а не искореженный трансформацией человекоподобный зверь.

Слабое движение неподалеку отвлекло вожаков от перебранки. Я оглянулась посмотреть, что послужило причиной тревоги.

Волки... Они скользили, как тени. Мне ни за что не научиться двигаться так беззвучно. Волки, стекаясь на поляну, рассаживались по своим местам на бревнах. Мрачные, готовые по первому знаку своего вожака броситься на врагов... Они охотно убьют чужаков, невзирая на последствия.

– Пускай и так, девушку я вам все равно не отдам! – взвился Захарий.

Его верхняя губа задралась, хищно обнажая зубы.

– Она не вещь, чтобы ты ее нам отдавал! – в свою очередь рыкнул Владлен.

У меня задрожали руки, а остатки смелости грохнулись в обморок. Я ясно представила, что сейчас произойдет.

Побоище. Здесь и сейчас случится кровавое побоище... Погибнут десятки полуночников... Погибнут люди, которые мне дороги, и тот, кто любим... Из-за меня!

Строчки простенькой колыбельной всплыли перед глазами так ярко, что я не задумываясь прошептала первые слова, а затем тихо запела:

Улыбнись во сне, малыш, И слова мои услышь, Надо верить и любить, О плохом скорей забыть. «Баю-бай», – тебе пою, Утром крылья сну верну. Звезды, словно фонари, Не погаснут до зари...

Я ощущала волну спокойствия и нежности, льющуюся из сердца. Всему виной страх. Именно он первопричина всех плохих поступков...

Большие серые волки тоже умеют бояться, но никогда не признаются в этом. Им нельзя терять преимущество – необычную волчицу, иначе кто-то другой ее получит, чем ослабит Восточную стаю. И в ход идет принуждение, раз Андрей не смог убедить иначе. А когда и оно не помогает, Захарий Горобинский решает пролить кровь, добыв нужное стае зубами и когтями...

Ясным будет новый день, Где бывшее, словно тень, Сгинет без следа, Только верь в себя. «Баю-бай», – тебе пою, Утром крылья сну верну. Звезды, словно фонари, Не погаснут до зари...

В какой-то момент я зажмурилась. Поэтому, закончив петь и открыв глаза, ахнула. Волки мирно лежали на бревнах или на земле. Осмотрелась – да они все уснули! Отчаянно зевающий Алекс и бодрая я – мы единственные, кто не поддался внушению через колыбельную.

И вот что странно: своеобразные ощущения, понимание причины, которая руководила старшим Горобинским, схлынули. Всего несколько секунд назад я сочувствовала ему, жалела, а теперь это прошло. Прямо наваждение какое-то... Сопереживать своему похитителю и обидчику – дикость, так и до стокгольмского синдрома недалеко, когда жертва жалеет своего мучителя. И хорошо, что оно прошло. Единственное, что я сейчас испытывала по отношению к вожаку и его сыну, – гнев.

Склонившись над громко храпящим Захарием, Вольский потрясенно прошептал:

– Они все крепко спят... Как у тебя получилось?

– Не знаю, – почему-то тоже тихо ответила я. – Может, у меня остались какие-то способности к магии?

– Нет, – прозвучало из темноты.

Когда я поняла, что кто-то еще бодрствует, было уже поздно. На поляну вышел Хемминг.

Глава 13

Суд

– Способности не остались, а пробудились. Бедная девочка, сложно блуждать во тьме и строить догадки? – В голосе оборотня со шрамом звучало сочувствие. – Мне понятны твои переживания.

Непритворное сострадание контролера, мягко сказать, удивило. К тому же его появление... уж кого-кого, а Хемминга я здесь не ожидала увидеть.

– А ты, – он резко сменил тон, глядя на Вольского, – чтобы больше такое не вытворял! Группа быстрого реагирования – не твоя личная палочка-выручалочка.

– Ты отказался мне помочь, – обвинил начальника невозмутимый маг. – Что мне оставалось делать?

– Не отказался, а сказал подождать.

Показное спокойствие слетело с Вольского, словно шелуха.

– Как я мог ждать, если Миа была в опасности?!

– Да никто бы ее не тронул, – уверенно возразил контролер. – А вот тебя могли убить. И где бы я искал прокляточка твоего уровня?

Я с интересом слушала их спор, смутно понимая, о чем он. Вольский просил помощи у Хемминга, а тот предложил подождать? И тогда маг бросился спасать меня сам, а его босс был вынужден последовать за ценным сотрудником? Вот почему Вольский не убивал оборотней, хоть и мог. Он знал, что вскоре сюда нагрянет представитель ВОКа, который уж точно встанет на его сторону, особенно если верам нечего будет предъявить в ответ...

А теперь важный вопрос: как Вольский меня нашел?

– Вы ведь знаете, что со мной не так? – спросила я, с надеждой глядя на Хемминга.

Тот вскинул светлые брови:

– С тобой не так? Неподходящее определение для редких способностей, совсем неподходящее.

Не люблю, когда не отвечают прямо и увиливают, ужасно не люблю.

– Хорошо. Что за способности? И почему они достались мне?

Контролер загадочно улыбнулся:

– А это тебе пускай расскажет Захарий Горобинский.

– Натан! – возмутился Александр.

– Нет, ребята, надо, чтобы объяснили вожаки, им по статусу положено. Буди спящих красавцев, Миа.

– Всех? – уточнила я, напряженно размышляя над тем, как это сделать.

Не поцелуем же будить этих... спящих красавцев?

– Зачем нам все? Только тех, кто непосредственно замешан в твоей судьбе.

С мгновение постояв в растерянности, я направилась к тому, кого ни капельки не боялась и с радостью разбудила бы поцелуем в щеку, если бы потребовалось.

Склонившись над пепельноволосым мужчиной, позвала:

– Просыпайся, папа!

– Папа? – Краем сознания я уловила удивление Вольского и непонятное веселье хмыкнувшего Хемминга.

Открыв глаза, отец некоторое время смотрел сквозь меня, затем его взгляд обрел осмысленность.

Вскочив с земли, он заключил меня в крепкие объятия.

– Когда окажемся дома, я тебя выпорю, Маша! – грозно пообещал родитель, целуя меня в

макушку. – Клянусь, выпорю тебя впервые в жизни.

– Поздно пороть... Да и за что? – слегка обиделась я.

Ясное дело, он несерьезно, на эмоциях, но как не вовремя! Будто я до сих пор маленькая девочка.

– За то, что обратилась за помощью к чужим людям, а не к нам с матерью.

Я виновато опустила глаза. Отец прав, да не совсем. Рассказывать сейчас, что боялась сватовства со стороны Булатовых, не стала. Пока мои страхи только подтверждаются, хоть Кирилл и не такой, каким его описывал Ник.

– Николаев не чужой, он мой бывший куратор.

– Вслушайся в свои слова: он – бывший куратор, – подчеркнул отец, выпуская меня из объятий. – И теперь к тебе не должен иметь никакого отношения, раз ты больше не магичка.

– Пап, я боялась подставить семью под удар, – высказала честно одно из опасений. – За Горобинскими – стая, а у нас с мамой только ты. А один в поле не воин.

Отец, некогда преждевременно поседевший из-за взбрыкиваний суженой, покачал серебристой головой:

– Уже не один, я вернулся в стаю Булатова.

– Из-за меня, да?

Я расстроилась до глубины души. Столько лет отец не поддерживал со своими связь, создавая маме душевный комфорт. Теперь же это все разрушено из-за меня.

– Не совсем. Мы с твоей матерью серьезно поговорили и решили, что сама судьба указывает на сделанную ранее ошибку. Нельзя убегать от проблем, нужно отстаивать свое до конца.

Сразу вспомнились родители мамы: после ее замужества они успокоились лишь тогда, когда отец стал оборотнем-одиночкой. Интересно, как они отреагируют на его возвращение в стаю?

Впрочем, не о бабушке с дедом сейчас следует думать.

– Пап, что со мной?

Он вздохнул:

– Я не уверен...

Мне стало не по себе. Да что же со мной не так?!

Расспросить подробнее не дал Хемминг, который напомнил о своем приказе:

– Миа, дома наговоришься с отцом, буди остальных.

Кирилл стал следующим, к кому я подошла. Позвала, слегка коснувшись плеча молодого вервольфа, и тотчас направилась к его отцу:

– Проснитесь, пожалуйста...

Дождавшись момента, когда веки старшего Булатова вздрогнули, перешла к Горобинским. Пробудила сначала самого опасного – вожака, и нехотя приблизилась к его непредсказуемому, бешеному сыночку.

Недаром о нем так подумала.

– Хватит дрыхнуть, Андрей...

Он очнулся быстрее всех и схватил меня за руку. Точнее, попытался – я успела отпрыгнуть, а там и Вольский подоспел, напряженно следящий за действиями наших недругов.

Возвышаясь над слегка деморализованными оборотнями, Хемминг вкрадчиво спросил:

– Итак, господа Горобинские, кому из вас пришло в голову насильно заполучить в стаю знахарку?

Кого-кого?.. Мои глаза округлились. Это о чем он сейчас? У меня нет склонностей к целительству, и я не вижу сути трав! Так какая из меня знахарка?

– Мы слегка попугали, – мрачно заявил Захарий. – Никто и ни за что не причинил бы вред той, которую призвала Луна.

Я... мне сложно определиться с эмоциями, которые я испытала. Слегка попугали?! Групповым изнасилованием? Хорош розыгрыш! В стиле последних сволочей...

– Знахарка, которая пришла в стаю не по своей воле, уничтожает ее за несколько лет, – тихо отозвался старший Булатов. – Тебе повезло, Захарий, что дочь Серого не прошла обряд.

– Если бы мы не успели, у них бы не было нескольких лет! – рыкнул папа.

Горобинский-старший не выказал сомнений – недовольно скривившись, он посмотрел на сына. Тот выглядел потрепанным дворовыми псами щенком, но жалости к нему я не испытывала. Он понимал, что творил, и владел, в отличие от меня, всей нужной информацией.

– Итак, Захарий, что мне с вами делать? – В голосе контролера прибавилось колючего льда.

А я не выдержала. Так, чего доброго, я снова останусь без жизненно важных сведений.

– Подождите! В конце-то концов, кто такая знахарка?!

– Знахарка – душа стаи, магичка, которую позвала Луна, – тихо ответил отец. – Раньше она управляла волками практически наравне с вожаком и часто становилась его женой.

Так вот почему меня пытались выдать замуж за Андрея! Еще одна традиция...

– Раньше? Что сейчас изменилось?

– Сейчас, Маш, настоящих знахарок почти не осталось. И те стаи, где они есть, почти неуязвимы для врагов.

Объяснение многообещающее, да. Но я так и не поняла суть! А старшее поколение вервольфов, судя по благоговению на лицах, думает, что этих крупниц с меня хватит?..

– Знахарка лечит душу и тело, – заговорил Кирилл. Видимо, он заметил мою растерянность и недоумение. – Она вытаскивает с того света безнадежных, с ранами которых не справляется регенерация, успокаивает в горе, возвращает жажду жить. Умеет направить в определенных ситуациях, скорректировать поведение агрессивного молодняка. Помогает выбрать людей, которые гарантированно переживут обращение. Но главное, знахарка видит оборотней, которые подходят друг другу, помогает зачать и выносить ребенка.

С его слов, знахарка – богиня во плоти. Сложно поверить... Ха! Помогает зачать?! Свечку держит, что ли?

– Поэтому ты не должна бояться оборотней. Никто из нас не сможет причинить тебе боль, – твердо закончил Кирилл доходчивое объяснение.

– А заставлять тебя быть чьей-то знахаркой – действовать только во вред себе, – веско добавил его отец. – Возникнет желание узнать подробнее, приезжай в гости, Мария, Северная стая тебе всегда будет рада. У нас есть старинные книги наблюдений твоих коллег, а еще – знахарка в пятом поколении без способностей, которой будет полезно вспомнить, что такое конкуренция.

Булатов меня заинтриговал.

– Знахарка без способностей – это как?

– Она знает, что нужно делать, но не может, – с готовностью пояснил Кирилл. – Скорее хороший психолог, чем знахарка. Загляни как-нибудь, она может стать твоей наставницей.

Булатовы предлагали наилучший для меня выход – обучение и защиту. Свою помощь в таком случае я бы оказала без принуждения: не оставаться же в стороне, если в стае, которая помогает, случатся неприятности...

– Спасибо, подумаю над вашим предложением, – пообещала я и честно добавила: – Но уже сейчас оно мне кажется очень привлекательным.

Краем глаза наблюдала за своими похитителями: Андрей помрачнел, а старший Горобинский и вовсе скрипнул зубами. Захотелось по-детски скрутить им кукиш, но я подавила недостойное знахарки – как же высокопарно звучит! – желание.

А еще стало легко и спокойно на душе – вопреки былым опасениям мне предлагали выбор. Чего и кого, спрашивается, я боялась? Этого благородного, веселого молодого человека? Или его отца,

который, невзирая на годы молчания, поспешил на помощь давнему другу, моему папе? И принял его обратно в стаю без лишних разговоров?

Хемминг нарочито откашлялся и с легкой издевкой в голосе спросил:

– Вы все прояснили? Позвольте теперь мне судить?

Все дружно промолчали.

Контролер, заложив руки за спину и прохаживаясь перед вервольфами, стоящими полукругом, произнес:

– Обращение против воли, удержание, похищение, принуждение к замужеству должно караться сурово. Но вот ирония: именно Горобинские дали Полуночи новую знахарку. Не спорю, сделали они это случайно, преследуя свои интересы. И все же я предлагаю ограничиться штрафом, если, конечно, согласится пострадавшая.

Э-э... Это весь суд? Быстро. А главное, никто не возражает.

На меня выжидающе смотрели семь пар глаз, пришлось отвлечься от размышлений. Семеро полуночников ждали ответа, который повлияет на судьбу не только Горобинских, но и мою собственную.

Штраф – это много или мало за пережитое мной? За то, что несколько месяцев пряталась, боялась каждой тени? За то, что не видела родителей и друзей? Но больше всего меня интересует другое: деньги покроют главный урон? Компенсируют то, что я утратила магию и теперь перекидываюсь в зверя? Да, я научусь быть оборотнем, убеждена, что отлично справлюсь с появившейся задачей. Но магия... Ох, я больше не магичка! Я уже никогда не вызову дождь, не зажгу костер без спичек, во время ночного патрулирования не упокою порождение тьмы метким заклинанием... Хотя, если вспомнить мое обращение, иногда колдовство не спасает от монстров, наоборот, делает привлекательной для них. Меня лишили магического дара, и это невосполнимая утрата, то, что я какая-то там почитаемая оборотнями знахарка, ситуацию не исправляет. Как и деньги. Люди переоценивают их власть. За деньги можно купить репутацию, но не честь, преданных помощников, но не друзей, красивое тело под боком, но не любовь. Деньги не вернут счастливое прошлое, не наделят даром, который дается свыше...

Однако если я откажусь принять компенсацию, будут долгие разбирательства. И кто знает, что тогда еще выкинут оборотни? Как быть?

Я обернулась к Вольскому. Он смотрел на меня с сочувствием и пониманием. И я мысленно попросила у него совета: «Скажи, что мне делать? Соглашаться?»

Ни на что не надеялась, но ответ получила – он чуть заметно кивнул. Удивительно, как легко маг прочел мои сомнения во взгляде...

Злости на Горобинских, как раньше, уже не было – темные эмоции постепенно покинули меня. Осталось сожаление о потере магии, а еще хотелось справедливости и гарантий, что такая ситуация больше не повторится и Андрей побоится трогать девушек против их воли. Но вряд ли я смогу тут что-то сделать. Плохо, что раньше не интересовалась законодательством вервольфов. Не думаю, что штраф – серьезное наказание для вожака, поэтому следует уточнить один момент.

– Я соглашусь, но только с условием, чтобы Андрей никогда больше ко мне не приближался.

Наделенный властью вервольф кивнул:

– Разумное уточнение. Если Андрей нарушит запрет, то шесть месяцев проведет в клетке в шкуре зверя. Я все сказал, не спорь, Захарий.

Лицо старшего Горобинского перекошилось, он старался не смотреть в мою сторону, тогда как младший не сводил глаз. Казалось, для него суд не имеет значения. Андрей наблюдал безотрывно, словно из засады, и у меня возникло стойкое ощущение, что он вот-вот бросится и вцепится мне в горло... Если такого посадить надолго в клетку, он совершенно точно выйдет из нее диким безжалостным зверем.

Вспомнив Ефросинию, я содрогнулась. Да, шесть месяцев в клетке – это страшно. Оборотни тяжело переносят замкнутое пространство, да еще в звериной ипостаси. К сожалению, это я знаю по себе.

Когда контролер назвал сумму штрафа, боюсь, я не удержала маску невозмутимости на лице. Я, говоря по-простому, охренела, другого слова не подобрать! Хемминг потребовал с Горобинских столько, сколько стоили две большие квартиры в столице, и еще оставалось на одну в моем родном городе.

Вот, значит, во сколько оценивают утрату дара... Вроде бы много, но на самом деле сложно определить стоимость того, что бесценно.

– Деньги переведу на счет девушки утром, – буркнул Захарий, не торгуясь. – Мы свободны?

– Да. Мария, разбуди остальных, – потребовал легендарный представитель ВОКа.

От его пронизывающего взгляда не ускользнула моя растерянность: волков было много, я могла обходить их долго.

– Действие наведенного сна и так скоро закончится, просто позови их, – посоветовал контролер.

Закрыв глаза, сделала несколько расслабляющих вдохов-выдохов. Сердце ускорило свой ход.

– Подъем! Утро близко! – закричала я, чувствуя себя несколько глупо.

Волки зашевелились. Кто-то сразу вскочил, кто-то упал с бревна или превратился прямо на нем в человека. Алина с Соболевым оказались в числе последних. Они спокойно обернулись, лежа на своих местах. А вот Макс свалился на землю и некоторое время дезориентированно тряс головой. Странная реакция на внушение...

Неразлучные друзья Андрея быстро ушли с поляны, одарив меня напоследок долгими взглядами, девушка еще при этом – легкой улыбкой. Неужели не злятся? Впрочем, если знахарки подбирают пары, то, выходит, я угадала? Они любят друг друга и поэтому не сердятся на меня? Моя совесть, тихонько, но неумолимо грызущая душу со дня побега, наконец-то успокоилась.

Оглянулась назад – Хемминг, вожаки, отец и маг о чем-то беседовали. О чем, я не слышала, они установили «Полог безмолвия», глушащий все звуки. Но я не волновалась – мои интересы теперь представлял отец, да и Вольский, готова поклясться, не даст в обиду.

– Если правильно поняла, я могу корректировать поведение молодых веров? – алчно глядя на Макса, спросила как бы между прочим.

Стоящий неподалеку Кирилл с готовностью подтвердил:

– Именно так, даже волкам из чужой стаи ты можешь помочь.

Я испытывала к нему самую горячую и искреннюю благодарность: ведь он был рядом, когда Андрей буравил меня недобрый взглядом, находясь всего в паре шагов. Какой все-таки замечательный Булатов, впору пожалеть, что полюбила другого. Полюбила?..

На мгновение я застыла прямо в движении. Так, не время для самоанализа – о чувствах подумаю потом, сейчас надо кое-кого немного повоспитывать... Ладно, прикрывать этим словом месть слишком по-детски. Считаю, что у меня есть полное право на маленькую гадость – кузен дважды меня предал. В первый раз он подsunул коктейль по рецепту Веласкеса, а во второй – проигнорировал просьбу о помощи. Хотя, может, я на него наговариваю? Вдруг это он позвал отца и стаю северных?

Сначала следует разобраться.

– Кирилл, а как вы узнали, что мне нужна помощь? – любопытствовала я тихо.

– Анонимный звонок, остальное – не здесь. – Оборотень кивком головы указал на внимательно слушающего нас Андрея.

Что-то сильно я устала, раз допускаю непростительные ошибки: не подумала, что мои расспросы могут подставить доброжелателя.

– Да, ты прав, потом...

Злость на двоюродного брата продолжала клокотать в груди, ища выход. И я не справилась с ней, дала свободу.

Подойдя к растерянному кузену, сердито спросила:

– Макс, почему ты не позвонил моему отцу?

– Я не мог, – виновато произнес он.

Вот все и прояснилось: не он мой тайный доброжелатель, а я надеялась до конца, верила, что родственница для него важнее законов стаи.

- Маш... Правда, я не мог, прости меня, если сможешь.
- Не смогу, - ответила твердо. - По крайней мере, не сейчас.
- Маша...
- Ты знал, что я избранная Луной?

На лице парня отобразилось облегчение:

- Да, Захарий объявил всем утром, кого предстоит немного напугать.

Немного?.. Да я чуть от ужаса не померла, услышав про бесчеловечный замшелый закон!

- Зная, что задумали Горобинские, ты все же не позвонил моему отцу. А как же родственные чувства, Макс?

Отведя глаза, кузен с вызовом спросил:

- Да что бы с тобой случилось? И вообще, Маш, у меня есть долг перед стаей, я не мог ее предать.

А меня, значит, мог? Меня его объяснения сильно покоробили, да и не поверила я в них - не с таким стыдом говорят о долге.

- Тут дело не в долге, ты просто испугался, Макс! Понимая, что должен поступить правильно, ты побоялся возмутиться произволом Горобинских, трусливо закрыл на него глаза. Как ты можешь после такого спокойно жить? Совесть не мучает?

Кузен набычился и в ярости бросил:

- Думай, что я засранец, это твое право, но только не лезь в мою душу!

Его слова и отношение задели за живое. Я считала его другом детства. В школьные годы он нередко проводил все лето у нас, мы ходили вместе на речку, наблюдали за звездами с чердака, воровали яблоки с заброшенных участков в частном секторе...

Неужели Максу сложно было сделать анонимный звонок? Один-единственный звонок?!

Как это сделали Аля или Соболев. В том, что таинственный доброжелатель - кто-то из друзей Андрея, я уже не сомневалась. Просто некому больше.

- Ты не просто засранец, Макс. - Было горько и обидно, поэтому я все же решилась на «воспитательные» меры. - Ты трусливый засранец! И знаешь, что? Отныне каждый раз, когда проявишь трусость и пойдешь против своей совести, ты будешь им в прямом смысле слова!

По-ведьмински коварно расхохотавшись, я оставила ошеломленного кузена думать над «проклятием».

Но буквально сразу я засомневалась. И с каждой секундой, по мере того как я удалялась от него, неуверенность в правильности принятого решения усиливалась.

Может, это Макс прав, что поставил стаю выше родственных связей? Все-таки оборотни слишком зависят от вожака, его слово - закон... Нет! Чужие воля и мнение не должны затыкать рот твоей собственной совести и связывать ей руки. Всегда следует думать своей головой и отвечать за собственные решения.

Что ж, если проклятие подействует, хорошо - Максу будет полезно пострадать. Если нет, тоже не расстроюсь - ожидание смерти хуже самой смерти. Кузен, опасаясь диареи, некоторое время будет следовать полученной от меня установке.

Пока я рефлексировала, переговоры завершились.

- Дочь, мы можем ехать домой, - сообщил отец.
- Миа, а вещи забрать? - тихо спросил Вольский, глядя мне в лицо.

В льдисто-серых глазах застыли разочарование и печаль. Неприятно осознавать, что я их причина.

- Папа, позволь представить, это Александр Вольский, его дом несколько недель служил мне убежищем. Александр, знакомьтесь, это мой отец - Минов Сергей Иванович.

Папа глухо рассмеялся, пряча за смехом удивление.

- Да мы уже и без тебя познакомились, - произнес он, как-то странно меня рассматривая.

Вольский же помрачнел еще больше и не без надежды предложил:

– Миа, попрощаетесь с Дашей? Она очень испугалась, когда вы пропали.

Какой хороший благовидный предлог, чтобы остаться и объясниться с Вольским...

– С турбазы Горобинских ближе до дома, чем до вас, – возразил отец. – Давайте в другой раз?

Вольский продемонстрировал стальную цепочку с черным камнем и золотом светящейся на нем руной пути.

– Я поделюсь с вашей дочерью амулетом телепортации, с ним она обернется за несколько часов.

Решительно подойдя вплотную, Вольский надел на меня дорогуший артефакт. Камень, слегка теплый, скользнул по коже, лаская.

– Пап, езжай домой один, – предложила я, глядя куда-то поверх плеча родителя. – А я приеду, как только завершу тут свои дела.

Отец смотрел прищурившись, словно понимая, что творится у меня в душе. Вот только откуда, если я и сама до конца еще не разобралась?

– А как же мать, Маша? Она волнуется.

Уместное замечание, мне стало стыдно.

– Я позвоню ей сейчас... как только найду телефон.

– Вот, воспользуйтесь моим. – Вольский поспешно достал из заднего кармана джинсов мобильный.

Только сейчас я осознала, что он мне «выкает». Удивилась, с чего вдруг? А потом вспомнила, что начала первая, когда его представляла.

Ох, что-то я смущаюсь рядом с отцом, словно мне снова семнадцать и он случайно повстречал меня на улице в компании парня. Интересно, многие ли самостоятельные девушки теряются в ситуациях, похожих на мою? Когда еще рано знакомить родителей с мужчиной, от которого ты без ума, но они неожиданно объявляются рядом?

– А телефон ловит сеть в лесу?

– Да, только лучше подняться повыше, в трехстах метрах отсюда есть поросший папоротником холм, уверен, оттуда можно дозвониться. – Вольский показал рукой влево. – Могу проводить вас, Мария.

Как же необычно и волнительно было слышать из его уст свое настоящее имя, а не форумный ник.

– Да, проводите, пожалуйста. Пап, я обязательно позвоню маме.

И я с готовностью последовала за Вольским.

– Маш! – окликнул отец и, когда я обернулась, насмешливо попросил: – Я все понимаю, дело молодое, но домой загляни на днях, мы с мамой соскучились.

Покраснев, вернулась к нему. Почему он решил, что я задержусь у Вольского? Если я сама в этом еще сомневаюсь?

Ладно, хватит игр с самой собой в наивность! Оставленные вещи и прощание с девочкой, которая уже спит, – только повод. В ближайшие часы проявится, есть ли у нас с Александром совместное будущее.

Слова мужчины, особенно красивые, пылки и правильные, – всего лишь слова. Поступки – вот главный показатель его отношения. На что он готов ради возлюбленной? Берет ли ответственность за ее жизнь, честь и благополучие? Готов ли закрыть собой в случае опасности?

Только получив на эти вопросы утвердительный ответ, можно довериться ему. А он, в свою очередь, вправе ожидать понимания, заботы, верности и любви от своей женщины. И это будут самые крепкие, честные отношения.

То, что Вольский готов рискнуть карьерой в ВОКе и даже жизнью, взволновало меня до глубины души. Окончательно и бесповоротно я потеряла голову после слов о том, что ради любимой женщины стоит совершать подвиги.

Я ему поверила, а теперь все же хотела услышать красивые слова...

- Пап, я попрошаюсь с малышкой, заберу вещи и вернусь домой, - пообещала твердо.

Вольский, стоящий в паре шагов от нас, подавил вздох нетерпения.

- Договорились, - кивнул отец и крепко прижал меня к своей широкой груди.

В детстве он был единственным мужчиной, в которого я верила и не сомневалась, что он сможет защитить от всевозможных бед. И по-настоящему я выросла только после укуса, когда сознательно не обратилась к отцу за помощью, понимая, что одному оборотню-бойцу, даже очень сильному, не выстоять против целой стаи.

Теперь же я не побоялась бы вручить свою жизнь... Алексу.

- До завтра, дочь.

- До встречи, папа.

Он выпустил меня из своих теплых объятий и печально улыбнулся. Девочки вырастают и находят других защитников. Таков закон жизни...

- Мы можем идти на холм, - сообщила я Вольскому и поспешила вперед.

Уходить было неловко и немного больно. У родителей, кроме меня, есть своя жизнь, я всегда это знала и принимала. И существует нечто не менее важное, чем выросшее чадо.

К примеру, отец сегодня был безгранично счастлив: он получил возможность вернуть то, от чего некогда отказался ради чужих убеждений и душевного спокойствия любимой женщины. Он вернул свою стаю. Дружбу Владлена Булатова. Он знает, что больше не один и теперь, если потребуется, в горло его врага вцепятся десятки братьев.

- Чуть левее, - скорректировал мой путь Вольский, шагающий позади.

Телефон ловил сигнал сети, хотя и очень слабый. Но в нетерпении я не стала дожидаться, пока взойдем на холм, набрала мамин номер. И дозвонилась с первого раза.

- Это я, мам, - произнесла прерывисто.

Горло сдавило от волнения, на глазах выступили слезы. Как же давно я не видела ее! Мне так не хватало маминых ласковых, добрых рук, которые обычными поглаживаниями по спине снимали часть моих печалей.

- Маша, ты в порядке?..

Судя по голосу, мама умирала от тревоги.

- Да-да, все хорошо, все просто замечательно, клянусь тебе! И у меня, и у папы...

Торопясь успокоить маму, я рассказывала путано и сбивчиво, когда отвечала на ее вопросы. А стоило заявить, что задержусь еще на сутки, не меньше, мама расстроилась, и ушло предостаточно времени, чтобы поднять ей настроение.

Наверное, я очень плохая дочь, раз не спешу домой? Но как уйти, когда есть тот, с кем нужно о многом поговорить? Выяснить, что между нами происходит?..

Мамулечка за папу порадовалась, ведь и она страдала, видя из года в год, что любимый мужчина не вполне счастлив. А все почему? Потому что среди полуночников слишком сильно предубеждение против не таких, как они сами. И как поломать эти устои? Возможно, отношение общества изменится, только если смешанных пар будет больше...

- Спасибо.

Протягивая телефон Вольскому, я замерла от восторга.

Золотые огоньки преобразили ночной лес. Это было сказочно. Светящиеся в полумраке светлячки усеивали высокий папоротник, которым густо порос холм впереди. Жучки волшебным мерцали в темноте лесной чащобы, словно тысячи упавших с небес и застрявших в траве звездочек. Изумительное место!

- Это же светлячки? - уточнила я на всякий случай - настолько крупных и ярких не ожидала повстречать в нашем лесу.

Вольский кивнул, видно было, что его радует мой восторг.

– Они удивительные, правда?

– Да, незаметные днем жучки поражают своим волшебным сиянием даже магов.

Я невольно улыбнулась – он высказал мои мысли.

– Так похоже на чары иллюзиониста, тогда как на самом деле это диво природы.

Мы стояли некоторое время неподвижно, боясь испугнуть чудо, которое было не только здесь, в лесу, но и в наших душах. Чувство единения, близости и сходства во взглядах ощущала не я одна. Остро захотелось, чтобы Вольский взял за руку, и в ту же секунду он исполнил мое желание.

Я бы могла стоять рядом с ним вечно, только бы он держал за руку...

Жаль, настал момент, когда Вольский решился развеять волшебство. Глядя на танцующих в воздухе светлячков, он глухо произнес:

– Прежде чем переместимся в коттедж, хочу признаться в совсем не красящих меня поступках. И быть может, ты передумаешь и потребуешь выслать вещи курьером. Я отдаюсь на твой суд, Миа.

Его слова – как ведро ледяной воды на голову! Даже немного страшно стало.

– Что?.. – посмотрела я на него недоверчиво. – О чем ты?

Вольский и некрасивые поступки? Не замечала за ним. Добрее и терпеливее мага я припомнить не могу. Странно, что в первые дни знакомства считала его холодным и нелюдимым сухарем.

– Я прочитал твой дневник, извини.

Сперва хотела сказать, что не сомневалась, ведь все маги – слишком любопытные и беспринципные товарищи. Потом смутилась – в дневнике предостаточно откровений, он слишком интимный. Да еще там размышления о самом Александре, и вначале далеко не лестные. Поэтому я промолчала.

И мой собеседник, объясняя, добавил:

– Ты несколько часов была в отключке, и я не мог воспользоваться заклинанием поиска. Не находил себе места, все гадал, где ты, почему неожиданно сбежала, почему сейчас в бессознательном состоянии. Поэтому и решил поискать ответы в твоих записях.

– Я не сбежала! – Я расстроилась до глубины души. Так и думала, что он решит, будто побоялась с ним объясниться. – Меня Лиза, опоив чаем и вытащив наружу, продала Горобинским.

Вольский помрачнел:

– Выходит, это моя вина, что тебя похитили. Я не успел восстановить защиту в полной мере, поэтому ей и удалось выйти вместе с тобой. А еще она поспешно уволилась, но времени выяснять причины не было. Просто предположил, что Лиза ушла из-за нападения вампиров Хока... Что ж, я ее найду и заставлю ответить за предательство, – хмуро пообещал он.

И ведь найдет. Мне стало страшно за экономку, проклятки – изощренные в мести ребята.

– Не надо, оставь ее в покое, пожалуйста. Она невольно поспособствовала разрешению моей ситуации. Кстати, как ты меня обнаружил? Какое заклинание поиска использовал? Для чего нужно было, чтобы я не спала?

Вольский снова взял меня за руку, коснулся указательным пальцем запястья, и по моей коже извивисто зазмеился серебряный узор.

– Что это?!

– Разновидность маячка для оборотней. Однажды боевики Контроля, стерегущие дом в мое отсутствие, донесли, что поблизости от коттеджа появились вервольфы. И я решил перестраховаться – поставил на тебя поисковую метку. Так, на всякий случай.

Я зачарованно рассматривала живой узор, оплетающий руку до локтя. Красиво... и энергоемко. К оборотню можно прицепить только мощную следилку – во время трансформации слабая попросту слетает.

– Но когда ты ее поставил?

– Однажды я телепортировался домой на несколько часов за важным амулетом. В ту ночь ты еще баррикадировалась в спальне Даши.

И я вмиг вспомнила. Все вспомнила. И поцелуй, который посчитала сном. И чувство холода, ползущего по руке...

– Злишься? Что я поцеловал тебя тогда? – Уголки губ дрогнули в улыбке. – Я всего лишь смертный, которому трудно устоять перед соблазном.

И я тотчас простила его за признание. Это даже льстило, если честно.

– Нет, не злюсь.

– А из-за дневника?

– За него и не думала дуться, я сама бы прочитала твой при удобном случае, – призналась чистосердечно и проказливо показала язык.

Вольский силился не улыбаться, но сохранять серьезность у него получалось плохо.

– Проживание в годы студенчества в одной комнате с другими магами отучило поверять свои мысли бумаге, поэтому дневника у меня нет. А вот твой оказался мне очень полезен. – Он посерьезнел. – Я узнал, какие вещи для тебя важны, понял, что невольно отталкивал от себя, заставляя держаться на расстоянии.

Сердце загрохотало в груди, будто отбойный молоток. Вот, вот он – момент истины!.. От волнения я, отчаянная девушка, умеющая перекидываться в волчицу весом под шестьдесят килограммов, едва не потеряла сознание.

– Я не умею говорить красиво, поэтому скажу просто: во-первых, меня не пугает, что ты оборотень. У меня нет предубеждения против веров, поскольку кровь одного из них течет в моих жилах. Во-вторых, ты никого не уведишь из семьи, – в голосе Александра появилась горечь, – ведь ее нет. Да и была ли вообще, сейчас сложно сказать. Одна только видимость, сожительство партнеров, которых соединил ребенок. У меня ушло несколько лет на попытку вылепить из иллюзии хороших отношений что-то осязаемое, и лишь относительно недавно я понял, что мои старания тщетны.

Не знаю, о чем я думала, когда сделала шаг к нему и прижалась к его груди? Вольский предсказуемо обнял в ответ и уткнулся лицом мне в макушку.

Он говорил согревающие мое сердце вещи, но... Перед глазами стояла красавица Ксения. И амулет на ее руке. Все, что мы сейчас делали, было неправильным.

– Это ты так думаешь, что семьи нет, а мать твоего ребенка?

– Миа...

– Нет! Я должна сказать, послушай меня, пожалуйста! На Ксении запрещенный амулет. – Обнимающие меня руки внезапно напряглись, и я заговорила быстрее: – «Зеркало Купидона» заставляет испытывать чувства того, кто его надевает на жертву. То есть Ксения бросила вас с Дашей не по своему желанию, ее вынудил браслет, внушивший ей любовь к другому мужчине. К Хоку.

Вопреки моим ожиданиям Вольский не отшатнулся с воплем, что ему надо спасать жену, уведенную из семьи нечестным путем. Наоборот, он крепче обнял и поцеловал в макушку.

– Впервые встречаю настолько щепетильную в вопросах любви девушку, – тихо произнес Вольский, дыханием шевеля мои волосы. – Ты удивительная.

И это вся реакция? Я попыталась высвободиться из плена мужских рук, но вот незадача – Вольский с легкостью удержал, словно это он оборотень, а не я. Можно было, разумеется, поднапрячься, но желание сбежать истаяло, когда он поцеловал меня.

Виноват адреналин? Пережитый страх? Или мужчина, который стал для меня истинным искушением? Но я... в глубине души осознавая, что творю незнамо что, я все же ответила ему...

И стрела чувственности сорвалась с тетивы контроля.

Вольский прижал к себе крепко-крепко и, зацеловывая до одури, зашептал признания, перемежая их ласками.

Взрыв тысячи солнц, гибель Вселенной – ничто не выдернуло бы нас из сладостного дурмана. Лишь он и я, только мы существовали во всем мире...

Потерявшись во времени и пространстве, немного пришла в себя, когда открылся телепорт. Подхватив на руки, Вольский внес меня в его темный зев, разукрашенный изумрудными

всполохами.

Вышли в моей спальне, в его доме. Не позволяя прийти в себя, Вольский целовал не переставая, лихорадочно пытаясь отыскать застёжку моего платья и одновременно пытаясь стянуть одежду с себя.

Но ведь раздевать приятнее друг друга? И быстрее.

– Стой... – попросила я, задыхаясь.

Он не сразу услышал. Посмотрел недоуменно шальными от страсти глазами:

– Ты хочешь подождать? Устала?

Я отчаянно замотала головой.

– Нет, я хочу помочь... – И потянула вверх его футболку.

Вольский счастливо рассмеялся.

Ох, Луна! Какой же он красивый! Это была последняя связная мысль, прежде чем меня затянуло в омут желания.

Страсть, настоящая на долгом ожидании, приправленная адреналином, пьянит сильнее всего. И нет ничего чудеснее этого хмеля...

Глава 14

Кофе на троих

Я проснулась ранним утром. Окно оставалось всю ночь открытым, и меня разбудили первые трели просыпающихся птиц.

Остро захотелось кофе. С сахаром и большим количеством сливок. Только убойная доза кофеина поможет окончательно проснуться.

Прислушалась к себе. Голова гудела, а тело переполняла удивительная легкость. И только непонятная тяжесть на моем животе вызывала недоумение.

«Тяжесть» пошевелилась, и я, не успев испугаться, вспомнила прошлую ночь.

Чуть повернув голову, посмотрела на спящего мужчину. Лежа на боку, он опустил свою руку мне на область солнечного сплетения, и теперь оттуда разливалось приятное тепло.

Александр... Саша... Я до конца не верила, что он рядом. Сердце билось как сумасшедшее, стоило подумать о том, что отныне мы всегда будем вместе.

Легкая щетина золотилась на лице моего мага, и все это было так необычно для меня, что я рассматривала ее как одно из чудес света. Оказывается, в том, чтобы просыпаться после ночи любви в одной постели, а не сбегать на рассвете, есть своя прелесть.

Веки Саши подрагивали – ему что-то снилось, и я осторожно, как крадущаяся к мышке кошка, по сантиметру выползла из-под его руки.

Кофе... полцарства за бодрящий напиток!

Захотелось не только самой выпить его, но и сварить для Алекса. Как странно, впервые в жизни я хотела принести кофе в постель мужчине.

Ступив на холодный пол, поежилась. Взгляд наткнулся на хаотично разбросанную одежду. Улыбаясь пришедшей в голову идее, потянулась за футболкой Алекса.

Мы уснули в моей комнате, в шкафу полным-полно одежды, но впервые в жизни остро захотелось надеть вещь, принадлежащую любимому человеку. Не для того, чтобы обозначить свою принадлежность ему, нет. Захотелось завернуться в его запах, впитать в себя, чтобы даже на расстоянии хотя бы так чувствовать его рядом.

Одернув длинную футболку, тихо пошлепала босиком из спальни.

В самом радужном настроении прошла несколько метров по коридору, когда открылась дверь комнаты Вольского.

Я застыла соляным столбом. Из спальни проклятчика вышла его бывшая жена. Вышла в темно-сером в черную полоску халате, который был ей велик, но отчего-то шел, подчеркивая светлую кожу. Истинную красоту и драным мешком не испортишь.

– Миа? – хрипло произнесла Ксения.

Ее красивые синие глаза потрясенно распахнулись.

Я отмерла. И осознала, что происходит в эту секунду. Любовница столкнулась с бывшей супругой. Или не бывшей, исходя из того, что она вышла из спальни экс в его халате?..

Стыд, жгучий, словно перец, пришел вместе с виной и отчаянием. Я же разбила семью, переспав с Алексом. Как я забыла об этом?! Слишком поздно сказала про «Зеркало Купидона», увлекла Алекса, соблазнила...

Худшей ситуации еще не было в моей жизни! Я никогда не желала так сильно провалиться под землю – только бы не видеть удивление на лице Ксении.

Камень на груди напомнил о себе импульсом тепла. Умный артефакт почувствовал, что его носительница желает убраться подальше.

– Простите меня, – прошептала я.

И сжала телепортационный амулет, представляя человека, рядом с которым длительное время чувствовала себя в безопасности.

- Миа, стой! – крикнула Ксения, бросаясь ко мне.

Но я шагнула в темноту...

...и вывалилась в полумрак, упав на что-то мягкое.

- Ник Никович! Это я! – закричала тотчас, ожидая смертоносного заклинания в лоб.

Невезение не вечно. Вопреки моим опасениям незваную гостью не прихлопнули за вторжение. И защита дома не размазала по полу. В этом удача оказалась на моей стороне.

- Мария?! Что стряслось?

Разбуженный куратор, возле которого я упала, зажег огонек. Синий световой шарик опустился ниже, освещая нас. Но и в полумраке я бы отлично увидела, как вытягивается удивленно лицо Николаева. Полуголая я, в чужой футболке – что тут еще неясного? Можно мой вид списать на недавний оборот, вот только одежда чистая и явно мужская.

Всегда спокойный куратор выругался.

- Рассказывай, – отрывисто потребовал он, вставая с кровати и бросая мне покрывало.

Подавленная случившимся, я завернулась в прохладную ткань и глухо произнесла:

- Я совершила ошибку. Соблазнила Вольского, хотя он собирается помириться с бывшей.

Николаев резко обернулся:

- Почему ты так решила?

- На ней приворотный амулет, из-за него она ушла к Хоку. – Мой голос дрогнул. – А я рассказала об этом Алексу только после спасения, но она и без того уже к нему вернулась. Спала в его спальне, пока мы... мы...

- Что за спасение, Мария?

Я мысленно поблагодарила за своевременный вопрос, который дал возможность перейти на другую тему:

- Вольский вам не рассказывал, что меня выкрали Горобинские? Ой, все так быстро произошло, он не успел, видимо.

С полчасика точно длился рассказ о моих приключениях. То, что я волчья знахарка, избранная Луной, Николаева заинтересовало, а вот весть о том, что могу больше не прятаться от Андрея, как мне показалось, его расстроила.

- Кофе будешь?

- Еще спрашиваете – я полночи провела в лесу и почти не спала... – оборвала я себя, не закончив фразу.

Из-за Вольского я не спала...

В голове царил сумбур. Я уже не понимала, как быть, что делать, кого винить. Хотя насчет последнего ответ четкий был: только себя. Долго тянула с признанием про «Зеркало Купидона», не устояла перед желанием быть с любимым и неосознанно применила печально известное очарование оборотней. А так как Вольскому я тоже нравилась, он ему поддался.

Есть мнение, что в амурных делах стойкость должны проявлять именно женщины. Мужчина – по природе своей победитель, захватчик, ему сложно устоять перед заманчивым трофеем. И потому в первую очередь о нравственности должна думать девушка.

А я думала только о своих желаниях. Экстремальные события на время лишают моральных запретов, стирая грань между «хорошо» и «плохо». И хорошо все, чего неистово желаешь.

На кухне разговор не клеился. Пока я заправляла кофемашину, Николаев делал бутерброды. Есть вроде бы не хотелось, но стоило на столе появиться куску ароматного до одури копченого балыка, как мой желудок издал позорные звуки.

- Потерпи, я быстро, – даже не улыбнувшись, пообещал маг.

Через пять минут я грела руки о чашку, не решаясь сделать первый глоток. Вспомнилось, как меньше часа назад я хотела приготовить кофе для любимого мужчины. Сейчас же буду пить его в

компании другого, равнодушного к моей судьбе. И теперь напиток будет ассоциироваться с разочарованием...

– Осторожней! – Николаев, бросив резать сыр, выхватил у меня наклонившуюся чашку.

Внезапный холод, заколовший руку, заставил забыть про обжигающий кофе. Маленькие иголки слегка впивались, нет, они щекотали кожу.

– Ник Никович, посмотрите! Это же сработал маячок?

Выставив руку, в ужасе ждала вердикта. Серебристого рисунка, который показывал Вольский в лесу, не было, но это не значило, что без внешнего эффекта следилка не работала.

Демон, демон, демон!.. Вольский меня ищет?! Зачем? Чтобы извиниться и объяснить, что совершил ошибку? Что к нему вернулась жена? А я так, случайная любовница? Адреналиновая ошибка?

– Да не дергайся ты, Маш! – рассердился Николаев. – Дай нормально посмотреть. Ага, знаю такую разновидность маячка. Сейчас уберу.

Несколько тягостных секунд он молча сжимал мою конечность с самым сосредоточенным видом.

– Готово. Думаю, Вольский успел засечь только общее направление. Почему ты не хочешь с ним встретиться и поговорить?

Николаев смотрел на меня серьезно, мрачно и крайне недовольно. А еще показалось, что совет дал через силу.

– А зачем? Чтобы услышать, что ошибочка вышла? Насколько я успела его узнать, он будет извиняться, а я не хочу извинений.

– Потому что ни о чем не жалеешь? – догадался понятливый куратор.

Я промолчала. В чувствах полный раздрой. Да, стыд я испытывала, ведь покусилась на чужого мужчину. Но сожалела ли о лучшей ночи в своей жизни? Нет. А будь возможность вернуться в прошлое, отказалась бы от нее? Сомневаюсь.

– Вольский – мужик упрямый. Если решил с тобой поговорить, он тебя найдет. И тогда тебе придется с ним объясниться. Может, все не так, как тебе показалось?

– Ага, и Ксения вышла из его спальни в его халате случайно, – скептически согласилась я.

Николаев промолчал, наверное, и сам понимал, что сморозил глупость. Я видела то, что видела. И это, увы, ничем другим, кроме как примирением бывших супругов, не назовешь.

– А вообще вы правы, бегать от Вольского долго не смогу, но хотя бы пару недель видеть его я не хочу.

– То есть тебе снова нужно убежище?

Я энергично закивала. Николаев рассмеялся:

– Мария, какой же ты еще ребенок!

– Ник Никович, мне нужно уединенное место, чтобы успокоиться.

Куратор задумался. Я молчала, боясь испортить добродушное настроение и вновь вернуть его в состояние брюзгливого недовольства-осуждения. Иногда Николаев копировал бабушек с лавочки.

– Я бы мог предложить тебе пожить у меня...

Чудом не скривилась – я надеялась, что он в очередной раз найдет пустующую квартиру своих знакомых. Само собой, можно снять и без него, деньги имелись, но все упиралось во время.

– Но Вольский нагрянет ко мне в первую очередь, поэтому я спрошу одну девушку, сможет ли она предоставить тебе комнату.

– Она полуночница?

– Да, магичка, и вы знакомы. – Николаев ухмыльнулся. – Это Анжелика Петрова.

Наверняка от удивления у меня вытянулось лицо:

– Куратор, вы хотите от меня избавиться?!

– Не говори ерунды.

Во второй раз он предлагает мне пожить у ходячего несчастья, похоже, мне суждено познакомиться с магичкой поближе.

– Ник Никович, точно никакой альтернативы нет?

Он покачал головой:

– Так, Мария, ты пей свой остывший кофе, а я позвоню Лике.

Николаев покинул кухню. А я осталась размышлять: стоит ли прятаться, рискуя здоровьем? Или лучше сразу прояснить болезненную ситуацию с прокляточком и жить спокойно, подальше от таких странных личностей, как Анжелика?

Анжелика Петрова... Поразительно красивая магичка, еще одна подопечная Николаева в годы учебы. Живая местная легенда. Или страшилка – это с какой стороны посмотреть.

На ее примере маг, изучающий феномен форта, мог бы написать диссертацию. Ведь когда полуночники упоминают имя Петровой, все присутствующие сплевывают через плечо или стучат по дереву. Эта магичка – невезение во плоти, угроза для жизни и здоровья. Она притягивает неудачу, как громоотвод молнии, вернее, под прицел попадают окружающие ее люди.

Не раз случалось, что через пять минут разговора с Анжеликой несчастные проливали себе на колени кофе, спотыкались, ловили головой тяжелые предметы или вообще попадали под машины, когда переходили дорогу на зеленый свет... А что случалось с ведьмами, которые во время учебы пробовали жить с ней в общежитии, в одной комнате! Одну из соседок даже увезли на неотложке – ее ударило током, когда во всем здании не было света, а девушка выдергивала утюг из розетки. После парочки таких «совпадений» с Анжеликой больше никто жить не захотел. И ее мягко попросили съехать с общаги на квартиру.

Единственное светлое пятно во всей этой темной ситуации – то, что невезение не прилипало. Стоило попрощаться с Анжеликой – и все становилось на свои места. Не везло, когда она находилась рядом. Закономерно, что приятелей у ведьмы немного, а друзей, думаю, и вовсе нет.

Что касается поклонников, то привлекательная наружность девушки толкала некоторых на риск, однако ухаживания смельчаков длились недолго. Особенно показательный случай – ее отношения с молодым магом-боевиком. Парень, везунчик по жизни, решил доказать всем, что его форт сможет перебить чужое невезение. Некоторое время фортуна была на его стороне. Когда дело дошло до признания в любви, все и началось.

Маги часто забывают, что прежде всего они люди, чьи кости легко сломать...

Самоуверенный Ромео предлагал Анжелике свою руку и сердце на мосту. Стоя на его перилах. Для подстраховки маг все же обвязался резиновым тросом для банжи-джампинга. Только он открыл рот, чтобы попросить ошалевшую от неожиданности ведьму выйти за него замуж, как мимо пролетавшая ворона спикировала ему в грудь. Парень дохлой ласточкой сиганул вниз. У самой воды его потянуло обратно вверх, но тут треснул трос...

И все-таки он действительно был везунчиком, точнее, есть и сейчас. Он остался цел, хотя сильно испугался да растерял свои неземные чувства. А Анжелику с того момента разве что в глаза не прозывали «черной вдовой без штампа в паспорте».

– Лика согласилась приютить тебя на пару недель, – довольно сообщил Николаев, вернувшись в кухню.

– На пару недель? Я столько не продержусь! – Прямо крик души вырвался.

– Значит, не прячься, а решай проблему сразу.

Глядя на довольное выражение лица куратора, я заподозрила злой умысел.

– К сожалению, пока не могу, – ответила чуть резче, чем хотела.

Мы собрались за полчаса. Сумка с запасной одеждой и личными вещами первой необходимости давно стояла у куратора в кладовке, поэтому нашлось на что сменить футболку Вольского.

А спустя час мы уже стояли перед дверью квартиры Петровой.

– Можем еще вернуться, – насмешливо произнес куратор, видя, как я трушу. – Думаю, твой прокляточник как раз обивает мой порог.

Шпильку проигнорировала. Забавно, но уже сейчас мало верилось, что Александр будет специально искать со мной встреч. Сбежала, ну и фиг со мной. Хотя... он точно пожелает вернуть амулет переноса.

А ведь правда! Как я могла забыть о нем? Присвоила, как будто мне его подарили, а не дали временно поносить.

– Кстати, верните ему камень. – Я протянула дорогостоящее украшение Нику. – И по возможности побыстрее.

– Уверен, это произойдет уже сегодня.

Сильно в этом сомневалась, но спорить не стала.

– Ник Никович, вы на всякий случай поищите мне другую квартиру, можно обычную через агентство, хорошо? Если невезение Лики меня коснется хотя бы чуть-чуть, я сбегу.

– Не выдумывай, Мария, никакого невезения нет. Просто не играй в сваху, и все будет отлично.

– О чем вы?

Но куратор, заинтриговав, покачал головой и нажал на звонок. Петрова открыла не сразу, нам пришлось подождать на лестничной площадке.

– Здравствуйте, куратор. Привет, Маша! – Блондинка с ведьминскими зелеными глазами и чуть вздернутым носиком приветливо распахнула дверь. – Прошу вас, проходите. Извините, что пришлось подождать, – как раз пирог доставала.

На щеке и фартуке девушки белела мука. И мне она перестала казаться опасной.

Анжелика оказалась хлебосольной хозяйкой – не пожелала отпускать Ника, пока он не попробует творожник ее приготовления. Выпечку, еще слишком горячую, чтобы есть, куратор немного остудил охлаждающим заклинанием.

Все время пока длилось чаепитие я напряженно ждала, когда невезение девушки затронет меня. Но странное дело, оно меня игнорировало! Я не подавилась пирогом, не облилась кипятком, не упала со стула... Даже скучно как-то. Ой, нет, я пошутила! Не надо мне новых потрясений.

Когда мы с хозяйкой квартиры прощались с куратором, он внезапно ошаршил:

– Мария, сделаешь мне одолжение?

Он никогда никого ни о чем не просил. Всем помогал, не требуя ответных услуг.

– Да, сделаю все, что в моих силах, – не раздумывая пообещала я.

– Через два дня у Стального Феликса прием. согласишься стать моей спутницей?

Ожидала услышать что угодно, но вряд ли – получить приглашение выйти в свет. Вот только как быть с Вольским?

– Ник Никович, я бы с радостью, но...

– Не переживай, он редко бывает на подобных приемах, – успокоил догадливый куратор. – А чтобы точно не боялась с ним столкнуться, я принесу тебе личину.

Танцевать в доме мастера вампиров, когда никого не хочется видеть? Что ж, Николаеву я обязана многим, одни вечер потерплю, делая то, что мне не нравится.

– Тогда я согласна.

– Отлично. Встретимся послезавтра в шесть вечера.

Куратор ушел. Ожидая расспросов Анжелики, я удивилась, когда их не последовало. Нелюбопытная девушка – редкое явление.

Устроив мини-экскурсию по своей трешке, Петрова выдала мне комплект постельного белья и предложила обживать выделенную комнату.

– В холодильнике четырехлитровая кастрюля солянки – я как чувствовала, что в гости придет оборотень, и наготовила намного больше, чем могу съесть, – добродушно сообщила Анжелика.

Она смеется?.. Жирная солянка в жару? Мм, вкуснотища! Воочию увидела, как одна хитрая волчица

довольно облизнулась.

– Люблю солянку. Спасибо, Лика.

Анжелика заулыбалась:

– Отлично, а я люблю ее готовить, жаль, редко кого могу угостить. Ладно, чувствуй себя как дома, а я побежала на работу.

До позднего вечера я оставалась в квартире одна. Лежала, глядя в белый потолок, следя за деловитым паучком, который плел сеть у основания люстры.

Пустота внутри... Апатия... Нежелание, принимать важные решения. Вот как можно охарактеризовать накопившееся состояние. И даже вкуснейшая солянка его не скрасила...

На следующий день Анжелика меня тоже не тревожила, уйдя куда-то по своим делам. Я больше не созерцала потолок: получив разрешение хозяйки, убивала часы за ее компьютером. И все-таки большую часть времени сожрали тягостные думы.

Думала, думала и додумалась – я поступила глупо. Такие ситуации нужно прояснять, а не сигать в телепорты испуганным зайцем. Пережила бы неприятный разговор, зато сейчас бы не надеялась впустую, что Вольские не помирились, а нахождение Ксении в доме бывшего супруга имело невинное объяснение.

Надежда в некоторых случаях только вредит и причиняет боль.

В день вампирского приема я готовилась быть со скуки. Но у Анжелики, к счастью, был выходной, и обед из пяти блюд мы готовили вместе, что прогнало на время невеселые думы.

Слова куратора не играть в сваху не шли из головы. Я следовала совету, и со мной ничего не приключилось. Делать выводы рано, не видя всей картины, и потому я решила рискнуть и проверить похожую на бред теорию.

Шинкуя капусту для салата, я поинтересовалась:

– Лика, а ты когда-нибудь ходила на свидание вслепую?

Стул, в который упиралась коленом, – я всегда так режу продукты, не совсем стоя, но и не сидя, – угрожающе скрипнул.

– Нет. – Девушка заметно напряглась. – А что?

– Да так... У меня есть двоюродный брат, который просил познакомиться с магичкой...

Нож в моей руке вывернулся, будто живой. И чиркнул по пальцу. Кровь окрасила алым зеленый кочан.

Молча перетерпев боль, поспешно договорила:

– Но недавно братец повел себя некрасиво, проявив неожиданные черты характера, поэтому ни с кем знакомить его уже не планирую.

Кухонная утварь больше не подавала признаков жизни.

– Сочувствую тебе, неприятно, когда близкие разочаровывают, – вздохнула Анжелика. Она стояла у плиты и не видела моего ранения. – А я тут при чем?

– Ни при чем. Хотела узнать, как ты относишься к свиданиям вслепую? К знакомствам через друзей?

Облизав палец с зажившей царапиной, быстро срезала заляпанный кровью лист и выбросила в мусорное ведро. Вовремя. Анжелика обернулась и подозрительно на меня посмотрела, словно пытаюсь по выражению лица понять, о чем я думаю.

– Плохо отношусь, Маш. Когда кто-то вмешивается в судьбы двоих, пытаюсь связать не предназначенные друг другу нити жизни, это ни к чему хорошему не приводит. Человек самовольно берет на себя полномочия высших сил, фактически присваивая их. Он самодовольно верит, что имеет право решать, подходят ли мужчина и женщина друг другу, взваливает на себя ответственность, которая обычно не по зубам.

Она говорила еще о чем-то, но я не слышала, пораженная сделанным открытием. Проклятие на одиночество. Жестокое, черное проклятие, которое ударяет по желающим познакомиться ее с

мужчинами. Бедная Лика... Кто же ее так невзлюбил?!

Расспрашивать приютившую меня магичку я не решилась – если она проклятие до сих пор не сняла, значит, оно из самых сложных, такое не всякий прокляточник одолеет. И потому не стоит лишний раз беречь человеку душу, если помочь ему не в силах.

– Спасибо, что не стала меня ни за кого сватать, – поставив блюдо с котлетами на стол, тихо произнесла Анжелика. – Не люблю, когда знакомые пытаются меня с кем-то свести. Навязанные отношения – это ужасно.

Вспомнив, что творили Горобинские, передернула плечами:

– Как же я тебя понимаю! Меня вообще пытались выдать замуж против воли.

– Ого... Есть желание рассказать?

Наполняя тарелку салатом, я криво усмехнулась:

– А есть желание послушать ужасы?

– Только если хочешь поделиться. – Анжелика бросила разрезать ореховый торт.

Куриные котлетки исходили ароматным паром, домашний кетчуп призывно алел на макаронах... Эх, а есть-то как хочется! Но придется немного подавиться слюной – я сама виновата, что завела неприятный разговор.

– Что ж, – я отложила в сторону столовые приборы, – моя история банальна...

После невеселого рассказа, который Анжелика выслушала с вниманием и неподдельным сочувствием, мы принялись за еду. Уже когда кофейничали, мило побеседовали о девичьих пустяках.

Неприятные инциденты с кухонной утварью больше не случались, что окончательно убедило в догадке: девушку проклинали. Как ей помочь, я не знала, и потому решила выждать. Суждено мне протянуть ей руку помощи – я сделаю это без колебаний, а лезть, не зная, что и как, глупо.

Вечер подкрался незаметно. Куратор, одетый в черный смокинг и пахнущий вкусным парфюмом, пришел ровно в назначенное время. Отдав кольцо с личиной миловидной блондинки, попросил поскорее собираться – предстояло еще заехать за платьем.

– А у меня для тебя сюрприз, – сообщил он уже в машине.

Что-то не люблю я их в последнее время – редко бывают приятными.

Не заметив во мне энтузиазма и радости, куратор продолжил:

– Помнишь мою кузину Кристину?

– Можно забыть девочку, с которой в детстве иногда играла, но не ее историю.

– Ты права, – хмуро согласился Николаев. – Такое не забудешь.

Когда Кристина была маленькой, ее родителей убили по приказу Стального Феликса. Сама она чудом уцелела и потом была вывезена родственниками в другой город. Какая муха укусила мастера вампиров и действительно ли это был он, точно установить не удалось – Контроль не нашел никаких доказательств его вины. Но не понаслышке я знала, что спустя пятнадцать лет Кристина все еще мечтала отомстить убийцам и заказчику преступления – Феликсу.

– Она вернулась.

Я недоверчиво посмотрела на мага:

– Кто?.. Крис вернулась?!

– Да.

Правильно, что я боюсь сюрпризов, – новость мне совсем не понравилась. Убийца ее родителей, предположительно могущественный вампир, и магичка, одержимая местью, – взрывоопасная комбинация. Не хотела бы я быть рядом, когда они встретятся.

– Ник Никович, постойте-ка, вы ведь еще что-то хотели мне рассказать?

Куратор бросил на меня быстрый взгляд:

– Обращение не повлияло на твою интуицию.

– Вы мне зубы не заговаривайте, они не болят, – огрызнулась я нетерпеливо. – Прямо говорите, что происходит? И чего от меня хотите?

Мы подъехали к нужному бутику. Припарковав «крайслер», Николаев попросил выслушать его.

– Хорошо, расскажу тебе все, что известно мне самому. Моя сестричка приехала, чтобы убить Феликса и всех виновных в смерти ее родителей. Но несколько дней назад случилось непредвиденное: чтобы спасти Крис от смерти, ее обратили в вампира. И сделал это тот, кто давно ее любит и желает помочь с мстостью. Крис упрямая, она не приняла бы его, и он отпустил ее, частично стерев память.

– Зачем? – не поняла я. – Зачем отпустил?

Куратор развел руками:

– Хотел, чтобы она поняла, как безрезультатны ее попытки отомстить самостоятельно.

– Интересный подход, педагогичный, угу...

Куратор тяжело вздохнул:

– Это вампиры, Маша. Нам их сложно понять.

Согласна – как и оборотней. Лишь став одной из них, я приняла многие вещи, которые раньше казались странными.

– На сегодняшнем приеме она попытается подобраться к Феликсу. А я, в свою очередь, постараюсь помешать и передам ее в руки наставника-вампира. Он обещал увезти сестру подальше от мастера, потому что не готова она еще с ним тягаться, особенно пока у него есть Кассандра... Может, лет через сто что-то у них и выйдет.

Пока он говорил, я напряженно думала, какова в этом раскладе моя роль. Не найдя ответа, полюбопытствовала:

– Если идете на прием с Кристиной, зачем вам я?

– На ее имя отдельное приглашение, мне же нужна спутница, которая не побоится находиться рядом с новообращенным вампиром.

– То есть мне не уготована роль ширмы?

– Нет, мне просто нужна спутница, Мария, – недовольно возразил Николаев.

Если Кристину он передаст ее наставнику, то сам останется один. А лидеру Союза просвещенных не коммифо уходить с приема без женщины. Мужские заморочки...

– Хорошо, я согласна.

Долги нужно отдавать, иначе потом не расплатишься по процентам. Даже если с тебя никто ничего не потребует, свое потом взыщет Вселенная. Что захочет и когда захочет. Так что лучше долго не ходить в должниках.

А куратору я задолжала много и рада помочь в ответ. Но почему у меня такое чувство, что я влипла? И что лучше бы пережила неприятный разговор с Ксенией, чем прятки у Анжелики и помощь Николаеву?

Глава 15

Светский прием

Немного расстроенная, я быстро выбрала наряд, остановившись на беспримысленном варианте-классике – маленьком черном платье. О сумочке и обуви напомнил куратор – настолько серьезно задумалась я о складывающейся ситуации.

Кристине наряд передал ее тайный поклонник – в темном чехле он лежал на заднем сиденье «крайслера». Там же валялись пакеты с косметикой, средствами для укладки волос и прочими дамскими мелочами, которые должны нам понадобиться, – поразительно, но Николаев предусмотрел все.

– Что собираешься делать дальше? – поинтересовался куратор, когда мы стояли в пробке буквально в ста метрах от отеля, где снимала номер его сестра.

– Учиться быть оборотнем. Булатовы приглашали в гости к своей знахарке, которая поможет мне совладать с новыми способностями.

Куратор поморщился. Я так и знала: ему не понравятся мои планы.

– Работу будешь искать? Со старой тебя уволили еще в мае за прогулы, и в магический патруль вернуться ты не сможешь.

– Я ведь говорила, что получила компенсацию от Горобинских? Могу пока не работать. К слову, как раздобуду телефон и возобновлю доступ к счетам, верну вам деньги. И за сегодняшнее платье тоже.

– Не стоит, – отмахнулся Николаев. – А платье – вообще подарок.

– Стоит-стоит, – возразила я. – Даже настаиваю.

Куратор – благороднейший человек и настоящий филантроп. Но если есть возможность вернуть все, что он на меня потратил, пока помогал прятаться от Горобинских, так почему от нее отказываться? Не люблю быть должной.

И вечерний наряд принимать в подарок не хочу. Как гласит народная мудрость, кто девушке платье покупает, тот его с нее и снимает. Как по мне, принимать подарки от мужчин, которые тебе никто, опасно и попросту некрасиво.

– А давай ты рассчитаешься со мной натурой? – неожиданно предложил настоящий филантроп. И прежде, чем я возмутилась, уточнил: – То есть еще одной услугой. Я хочу, чтобы ты устроилась секретарем в некую строительную фирму и сообщала мне обо всех странностях, что там происходят.

Его предложение задело за живое.

– Шпионила, хотите сказать?

Николаев поморщился:

– Не совсем. Скорее присмотрела за своим боссом и, если понадобится, помогла ему.

– Я еще не согласилась, а вы уже называете босса моим!

Пробка рассосалась, и автомобиль медленно поехал вперед.

– Мария, не придирайся к словам, ты поняла меня.

– Я подумаю, ладно?

– Хорошо, только решай быстрее. Если ты откажешься, придется просить Анжелику.

Оставив машину на парковке, мы вошли в отель.

Предупрежденная звонком брата, Кристина нас ждала. Стройная, с длинными рыжевато-карамельными волосами девушка после обращения в вампира почти не изменилась, разве что кожа стала светлее.

– А вот и мы! – Николаев непринужденно поцеловал ее в щеку. Но мне показалось, он ее побаивается. И сделай она резкое движение – он от нее шарахнется. – Как ты?

– Лучше всех, – буркнула Кристина и во все глаза уставилась на меня.

Я понимала ее недоумение – из-за плеча мага выглядывала не старая знакомая, а какая-то блондинка.

– А где Миамина?

– Привет, Крис, я под иллюзией, – ответила я, проходя вглубь номера и бросая в кресло принесенные платья. – Думаю, ты в курсе, что я прячусь от своих «друзей»?

– Понятно, – кивнула вампирша. – А не проще было бы уехать из города?

Уточнять, что я скрываюсь уже не от оборотней, а от прокляточника, в доме которого отсиживалась некоторое время, не хотелось. И потому слегка приврала:

– Нет, уезжать из города не выход, я для Ника Никовича выполняю кое-какую работу.

Услышав прозвище двоюродного брата, Кристина слабо улыбнулась. Видать, вспомнила, что именно я его так окрестила.

– И какую же?

– Да так. – Я покосилась на молчавшего куратора. – Шпиону кое за кем и при случае подставляю ему свое хрупкое плечо оборотня. А сейчас я пришла помочь тебе навести красоту. Твоего брата на прием будем сопровождать вместе.

Девушка вопросительно подняла рыжеватую бровь.

– Да, Кристина, мне пришло приглашение на двоих. Союз просвещения начинает обретать вес, скоро нашу организацию признает все сообщество Полночи.

– Если не ошибаюсь, вас на такие мероприятия приглашали и раньше, – любезно напомнила я. – Не потому, что вы лидер оппозиции, а потому, что сильный колдун и один из богатейших людей страны.

Николаев недовольно скривился:

– Умеешь ты, Мария, столкнуть с небес на землю... Ладно, девчонки, я убегаю на час, чтобы не мешать вам чистить перышки. Крис, забыл спросить. Ты не передумала?

Новообращенная вампирша сделала вид, что не поняла его:

– Насчет чего?

– Насчет самоубийства. Подумай, ведь превратиться в пепел – тоже грех, и твой отец не одобрил бы.

Кристина планирует выйти на солнце?.. И куратор об этом промолчал?!

Поймав невинный взгляд Николаева, я отвернулась. Теперь понятно, почему он пошел на сделку с вампиром, обратившим сестру: если кто и удержит ее от страшного шага, то лишь он.

– Вот только не надо начинать проповедовать, – устало попросила Кристина. – Иди погуляй, братик.

– Надеюсь, ты все же передумаешь.

Оставив пакеты с обувью, косметикой и прочими нужными женскими штучками, Николаев ушел.

И только когда за ним закрылась дверь, я тихо произнесла:

– Крестинка, а ведь он прав.

– Что? И ты начнешь меня уговаривать? Я не хочу быть вампиром!

– Я тоже не хотела становиться оборотнем, – произнесла сердито. – Но став им, я не повесилась на первом суку.

– У тебя ситуация другая... немного лучше...

– Лучше? – Подавив возмущение, я вкрадчиво поинтересовалась: – И чем это?

– У тебя нет кровавого наставника, который имеет на тебя право и уполномочен обучать премудростям вампирской жизни.

– У меня целый Круг оборотней-наставников, треть из них – без самок, а поэтому мечтают обучить премудростям сексуальной жизни.

- Тебе не нужно пить кровь, – пожаловалась Кристина.

- Зато приходится есть сырое мясо, от которого меня воротит, иначе очнусь в лесу с зайчиком в зубах, – парировала я в ответ.

- Тебе не доводилось носить контактные линзы, чтобы скрыть красные глаза.

- Хм, глаза... А на тебя не прыгали блохи с соседского спаниеля. – Я безбожно врала, желая победить в игре «кому больше досталось».

- Ты не смотрела на собственного брата как на потенциального донора.

М-да, тут она меня переплюнула. Хотя Макса я бы покусала не задумываясь.

- А ты не выла на луну и не просыпалась голышом в кустах городского парка.

Кристина удивленно вскинула брови:

- Тебя не поил своей кровью незнакомый вампир, и тебе не срывало башню от его поцелуев.

На что я возразила, тоже поделившись личным и смущающим:

- А ты не нянчила маленькую зловредную менталку, чей папочка теперь приходит в эротических снах.

- Зато ты не просыпалась на мусорке и не смотрела на бомжа как на экзотическую закуску.

- Ну а ты, Крис, не рычала на встречную собаку и не загоняла уличного кота на дерево.

- А ты не переодевалась глупой малолеткой, чтобы проникнуть в жилище колдуна-отступника.

Ох, прости, Лика, но я воспользуюсь твоей дурной славой, чтобы выиграть...

Бессовестная я выдала свой главный козырь:

- А ты не жила на одной квартире с Анжеликой Петровой.

О девушке – ходячем несчастье Кристина должна была слышать.

И точно. Новообращенная криво усмехнулась:

- Твоя взяла, Миа, ничего страшнее мне не придумать. И все же я не хочу быть вампиром. Ничего хорошего из этого не выйдет.

- У тебя окончательно заело пластинку? «Не буду, не хочу, умру, пойду встречать рассвет»... О брате ты подумала? А о своих друзьях? Эгоистка! И вообще, с чего ты решила, что впереди мрачное будущее? Ты ходила к Кассандре за предсказанием?

- А кто это? Ник как-то упоминал ее имя.

- Точно, ты же фактически неместная и не знаешь, что у Феликса есть провидица. Без ее «взгляда в будущее» он ничего серьезного не предпринимает. Только Кассандру часто перемыкает, и ее предсказания заковыристей, чем у Нострадамуса. Ну да ладно, давай собираться, иначе Ник Никович будет гневно пыхтеть, что мы не готовы.

Я деловито огляделась. Переставила второе кресло ближе к овальному зеркалу на стене, полюбовалась своей работой и развернула его в другую сторону, чтобы свет падал на лицо сидящего.

Кристина промолчала и вытряхнула на постель содержимое пакетов, принесенных братом.

- Честно говоря, немного волнуюсь. Раньше мне и в голову не могла прийти мысль появиться на приеме у Феликса, я ведь приехала в родной город, чтобы всего лишь навести справки о том страшном для моей семьи дне. Я была скромной ведьмой, жила себе тихонько, никого не трогала...

- Да ладно тебе, – отмахнулась я. – Скромница выискалась. Пусть ты была слабой, но твои предки много сделали для Полуночи – они входили в число тех, кто подготовил мирный договор. И потом, можно подумать, это твой первый бал, как у Наташи Ростовой.

- Неудачное сравнение, – усмехнулась Кристина. – «Войну и мир» я читала в сокращенном варианте.

- Да? Надеюсь, хоть «Мастера и Маргариту» пролистала?

– Хочешь сказать, меня ждет бал у сатаны? Только Феликсу до князя тьмы как до неба.

– Злая ты, Крис. Предлагаю Стальному Феликсу присвоить... ну, хотя бы титул князька мрака.

– Ладно, пусть будет бал у князька. Да и то лишь потому, что поешь Феликсу осанну. Вот расскажу Нику, что ты положила глаз на главного вампира города....

– Я?! У меня регенерация хорошая, однако ни один вампир не стоит моего красивого глазика, чтобы его на них положить, – пошутила я. – И вообще, только попробуй сказать! И Ник Никович узнает, что ты обжимаешься с вампиром, которого еще не представила родственникам.

– А ты шантажистка, оказывается!

– Пообщайся со своим братцем изо дня в день – станешь не только шантажисткой, но и няней, и телохранителем, и секретаршей...

– Кстати, – Кристина перестала улыбаться и озабоченно заглянула мне в глаза, – а что у вас с Ником?

– Ничего. Не строй иллюзий, дорогая. – Я отвернулась от подружки детства и принялась рыться в косметике.

С улыбками и шутками разложила необходимые «инструменты»: расчески, воск, лаки, шпильки и прочее. Неловкость, возникшая вначале, исчезла. И Кристина на время позабыла, кто она сейчас, испытывая восторг, характерный для любой девушки ее возраста.

Вскоре она добралась до вечерних нарядов.

– Вау, какое чудо!

Она с трепетом смотрела на темно-фиолетовое платье, длинное и прямое, с V-образным декольте, которое идеально подходило для роковой красавицы, загадочной и манящей.

– Ага, сама обалдела, когда Ник Никович показал это фиолетовое. – И поддразнила ее: – Но если оно тебе по какой-то причине не подойдет, можешь надеть мое, черное...

– Нет-нет, я согласна на фиолетовое, – поспешила отказаться Кристина и нежно провела по шелковистой материи. – Значит, его доставили вместе с приглашением на мое имя?

– А ты наивная, раз думала, что подобную красоту купил Ник Никович. Он хоть и не дальтоник, но порой даже цвета не различает, не говоря уже о фасонах. Приглашение выписано на имя Кристины Некрасовой, то есть тайный поклонник не стал разрушать твою легенду-прикрытие. И на приеме ты появишься как дальняя родственница лидера Союза просвещенных.

– Ясно. – Девушка выглядела грустной и задумчивой. – Мне больше ничего не передали? Записку, например?

Я покачала головой. И, тщательно подбирая слова, сообщила то, что просил сказать Ник:

– Твой кузен утверждал, что записки не было. Но поступок говорит сам за себя. Так кто твой щедрый воздыхатель?

Задумчиво рассматривая платье, Кристина созналась:

– Раньше считала, что это тот, кто спас меня в детстве от вампиров. А теперь и не знаю что думать.

Ох, как же я не люблю врать даже во благо! И зачем все эти сложности? Но, увы, куратору я не указчик, поэтому сделаю то, что он просил:

– Не переживай, Кристина, все само выяснится. А теперь давай за дело, иначе твой брат будет кричать за опоздание...

Брат не кричал. Он пришел через два часа, словно зная, что мы не уложимся в отведенное время. И остался доволен увиденным.

– Мои очаровательные леди, вы сразите всех своей красотой. Скажу, что в Союзе есть девушки и роскошнее, и новых членов в организации прибавится.

– А с каких это пор вы принимаете в Союз только мужчин? – невинным голосом поинтересовалась я, а Кристина засмеялась.

Куратор шутку не понял.

- Ладно, хватит хихоньки разводить, карета подана, поехали.

Особняк Феликса располагался за городом. Мрачно-величавое трехэтажное здание из серого кирпича напоминало крепость и стояло на обширной территории, окруженной высоченной стеной из дикого камня.

Стоянка возле дома постепенно заполнялась автомобилями всевозможных моделей и расцветок. Мужчины в черных и белых смокингах или фраках, женщины в вечерних платьях преимущественно темных тонов неспешно направлялись к кованым воротам, где стояла тройка охранников, проверяющая приглашения.

- Ник, у меня в сумочке пистолет, - неожиданно шепнула Кристина, вгоняя меня в шок. - Проверка будет?

- Нет, - отмахнулся невозмутимый куратор, помогая нам, своим дамам, выйти из «крайслера». - Ты со мной, а значит, вне всяких подозрений. К тому же у всех значительных персон что-то есть, вопрос только в том, кто решится нарушить мир и применить оружие на глазах у всего бомонда Полночи. Я надеюсь на твое благоразумие, Крис. Вымани свою жертву из дома и только тогда убей.

Он был так спокоен, что на месте новообращенной вампирши я бы насторожилась. Ну какой брат станет раздавать подобные советы настолько невозмутимо? Он не волновался, потому что твердо знал: Кристине не позволят надеть глупостей.

- Хорошо, - с легкостью согласилась девушка и в нерешительности застыла.

Мы с Николаевым также остановились.

- Что случилось, Кристина?

Девушка не сводила глаз с серебристого «лексуса», в приоткрытое окно которого выглядывал и махал ей тот, кого она не надеялась здесь встретить.

- Знакомого увидела. Вы идите, я вас догоню.

Вот теперь Николаев занервничал, но делать было нечего: его сестра - взрослая девочка, к тому же опасная девочка с клыками. Да и заминка у ворот могла привлечь нежелательное внимание. И мы прошли через пост охраны без Кристины.

Уже в доме куратор виновато произнес:

- Прости, я вынужден тебя бросить. Пойду за сестрой, не нравится мне ее отлучка.

- Ничего страшного, я понимаю.

Врала и не краснела - мне не хотелось оставаться в одиночестве в доме, полном незнакомцев. Я чувствовала себя хорошо среди магов Кривогорска, но не здесь, в разношерстной компании полуночников. Правда, о многих я слышала, лица других видела в журнале «Хронограф», единственном издании для магов, которое продавалось свободно, потому что каждый экземпляр был зачарован.

Ладно, я не пропаду, вампирше с суицидальными наклонностями помощь нужнее.

Погруженная в мрачные мысли, я не заметила, как влилась в толпу гостей, снующую по дому Стального Феликса.

Роскошь интерьера ослепляла в прямом смысле слова. Мастер Ложи вампиров пылал любовью к стилю ар-деко; комнаты были оформлены в характерных цветах: слоновая кость, насыщенные коричневые тона, все оттенки золотого. Мебель - из дорогих пород дерева, украшенная перламутром и позолотой. Предметы, типичные для стиля ампира, свободно соседствовали с аксессуарами индийской экзотики, с элементами египетского и африканского искусства... Порой возникало такое ощущение, что я попала не в жилой дом, а в музей, где экспонаты расставлены без определенной системы.

В огромном зале десятки изысканно одетых мужчин и женщин разговаривали, смеялись, пили шампанское, танцевали. Голоса сливались в будоражащий шум. Музыканты исполняли что-то из классики.

Раньше блеск драгоценностей и толпа шикарно одетых незнакомцев смутили бы меня в два счета. Но после того, что я пережила, это было последнее, что могло вывести из равновесия.

И все же я нервничала. Дважды мне на глаза попадались дед с бабушкой. И хотя шанс, что

опознают под личиной, небольшой, я поспешила убратся подальше от родителей мамы. Николаев не спешил ко мне присоединяться, Кристина тоже пропала.

Приняв беззаботный вид, прихватила со шведского стола фужер с шампанским и, остановившись у колонны, принялась рассматривать гостей мастера вампиров. Искала двоих: с надеждой – куратора, со страхом – Вольского.

– О, этот сладкий аромат моей куколки, – прошептали сзади. – Привет, Машуль.

Резко развернулась.

Андрей Горобинский сиял белоснежной улыбкой, которая здорово смотрелась на загорелом лице. И чернильно-синий смокинг ему тоже шел. Весьма привлекательный молодой человек, если забыть о его жестокости, эгоизме и беспринципности.

– Тебе запрещено ко мне приближаться. Или я что-то путаю?

– Путаешь. – Его довольная улыбка стала шире. – Нельзя приближаться к Марии Миновой, а я тут такой не вижу.

Мысль снять кольцо с личиной быстро отбросила. Нельзя паниковать раньше времени! Ну что он мне сделает в зале, полном гостей?

– Маш, а я соскучился, – игриво признался вервольф. – Потанцуешь со мной?

Его рука коснулась моего локтя, и меня передернуло от перспективы оказаться в объятиях Андрея хотя бы на время танца.

Я беспомощно огляделась. В паре метров от нас, подпирая стену, стояла светловолосая девушка. Яркая внешность и не менее эффектный наряд – длинное кожаное платье с кружевом в области декольте. Злые глаза и недовольно надутые алые губки экстравагантной красавицы просто-таки кричали о том, что она спутница молодого оборотня, брошенная ради разговора со мной.

– Ты ведь здесь не один? Потанцуй со своей подругой, иначе она обидится.

Андрей, преодолев разделяющее нас расстояние и вторгаясь в мое личное пространство, многозначительно произнес:

– Она мне не подруга. И если обидится, пускай катится, я ее не держу.

Девчонка шумно задышала – услышала его слова, следовательно, она тоже оборотень.

– Слушай, почему ты прицепился ко мне, как репейник? Уже все выяснили: я не буду вам помогать добровольно, а знахарка, принятая в стаю насильно, ее медленно разрушит.

– То, что ты знахарка, лишь одна из причин, – сознался Андрей, к моему большому удивлению. – Тебя мне предрекли.

Я нахмурилась. Одержимость прогрессирует? Или действительно скажет еще что-то новое?

– В смысле предрекли?

– Есть предсказание Кассандры, сделанное давным-давно моему отцу. Закат рода Горобинских произойдет, если наследник не удержит подле себя особенную девушку, отмеченную Луной.

Во рту пересохло, и я с жадностью выпила теплое шампанское.

– Пить... еще. – Протянув пустой бокал, умоляюще посмотрела на Андрея: – Пожалуйста.

Он повелся. Отпустил мою руку и направился к столу.

Я же бросилась наутек, едва не сбив с ног поспешившую ко мне подружку Горобинского.

Где лучше всего прятаться от назойливого поклонника? Первое, что пришло в голову, – дамская комната. Спросив у официантки направление, вскоре закрылась в убежище для девочек.

Взглянув на себя в зеркало, усмехнулась. Ну, Кассандра, ну, удружила!.. Снова мелькнула в моей жизни, и это уже не безобидное пригодившееся платье, а то, что принесло мне серьезные испытания. Специально разыщу тебя сегодня, чтобы сказать спасибо.

Выждав минут десять, я вышла в полумрак коридора.

И вмиг оказалась прижата к стене.

– Попалась, куколка! – довольно заявил мой преследователь.

Я издала нарочито громкий вздох разочарования.

– Других мест для randevу нет? Это так вульгарно – подстерегать девушку возле уборной. А если бы я не носик пудрила, а нужду справляла? С твоим слухом, Андрюш, некрасиво подпирать двери туалета.

Вервольф побагровел:

– Ты дуручка, Маш?!

Будто одной фразой выпустив пар, он посветлел лицом и хохотнул:

– О чем это я? Ты всегда была ненормальной.

– Да, я такая. И ты извращенец, раз за мной бегаешь.

Парень посерьезнел:

– Маш, я не договорил. Я хочу все исправить.

– Боишься предсказания, Андрей?

Он покачал головой:

– Нет. Дело не в нем, а только в тебе. Обещаю, я буду таким, каким ты захочешь. – Его голос был нежен, а глаза лихорадочно блестели. – Поверь, я лучше того мага, я доставлю тебе такое наслаждение, что оно сотрет все твои старые обиды...

Упоминание о Вольском рассердило.

– Значит, хочешь доставить мне наслаждение? – Чтобы не выдать задуманное злой улыбкой, провела кончиком языка по своей нижней губе.

Забывшись и подавшись вперед, Андрей попытался меня поцеловать. И мое колено беспрепятственно врезалось в его пах.

Скрутившись, Андрей зашипел:

– У-у-у, мерзавка...

– Спасибо за доставленное удовольствие, дорогой. Как-нибудь повторим, мне понравилось.

И я оставила его возле туалета одного.

– Ведьма! – сдавленно выругался он вслед.

Остановившись, обернулась:

– Увы, твоими стараниями уже нет.

Вернуться в зал беспрепятственно не получилось. Меня поджидала спутница Андрея. Демон ее раздери, неужели решила устроить девчачьи разборки? Всегда о них мечтала...

Наставив на меня указательный палец с длинным алым ногтем, она прошипела:

– Ты, слушай меня внимательно! Он мой, тварь! Мой! Поняла?!

Я была злая, а потому смелая и грубая.

– Не претендую, можешь не мекать попусту, коза.

– Как... как ты меня назвала? – задохнулась она от возмущения. – Травоядной?!

– А надо было тварью назвать? Согласна, коза – слишком мягко для тебя, – тараторила я. – Ой, а слышала загадку? Могуч, вонюч и волосат – кто это? Раньше думала, что чей-то идеал мужчины, но нет, оказывается, это оборотень, оставивший за спиной километры леса...

Некрасиво раскрыв рот, она слушала мой бред, будто не веря своим ушам.

Хлопнув по плечу ошарашенную девицу, успокоила:

– Расслабься, Андрюшка твой, я тебе не соперница.

И пока она не пришла в себя, поспешила дальше по коридору.

Я почти бежала и на повороте в кого-то врезалась. Точно упала бы, не придержи меня мужчина за плечо.

Глава 16

«Зеркало купидона»

– Босячка?.. Что ты здесь делаешь?

Прямо издевательство судьбы какое-то! Снова натыкаюсь на оборотня, который опознал меня по запаху. Сейчас, правда, повезло – налетела я на Кирилла Булатова. В белой рубашке и темно-серых джинсах, несомненно, модных, он сильно выбивался из толпы разряженных гостей.

– А ты что здесь делаешь? – не придумала вопроса глупее.

Кирилл продемонстрировал фотоаппарат:

– Фотографирую светскую тусовку для «Хронографа».

Журнал для полуночников я читать любила. Но как же это было давно, словно в другой жизни!

– Наследник вожака Северной стаи находит время для хобби?

Кирилл пожал плечами:

– Пока да, но, чувствую, скоро все изменится... Хм, как технично ты увела разговор в сторону, Маша. Итак, что здесь делаешь, когда твои родители опять сходят с ума, не представляя, куда ты подевалась?

Родители? Я зажмурилась. Вот я свинья. Я забыла им позвонить от Анжелики, в очередной раз понадеявшись, что это не забудет сделать куратор.

– Понятно, – вздохнул Кирилл. – Повезло Миновым с заботливой дочерью – делает все, чтобы родители не трепали себе нервы.

Устыдившись, поспешила пообещать:

– Я позвоню им сразу, как вернусь с приема...

Но Кирилл меня уже не слушал, встрепенувшись, он смотрел куда-то в сторону.

– Извини. – Отойдя, Кирилл сделал несколько снимков.

Пока он выполнял свои профессиональные обязанности, я позволила себе второй бокал шампанского. А чем еще заняться девушке-оборотню, которую весь вечер расстраивают?

Кирилл, поцелкав новоприбывших гостей, сделал короткий звонок. Из-за шума я не услышала ни слова, но почему-то подумала, что он позвонил моему отцу. М-да, нехорошая я дочь, ой нехорошая...

– Ты мало кого здесь знаешь, я прав? Хочешь, расскажу немного о гостях? – сделал Кирилл щедрое предложение, когда вернулся.

Само собой, я не стала отказываться. Наоборот, обрадовалась, что компанию составит симпатичный мне человек.

Но уже через полчаса, которые Кирилл провел рядом, я едва не рычала.

– Наверное, в прошлой жизни ты был суровой дуэньей, – вынесла вердикт после того, как он отогнал от меня третьего оборотня, приглашавшего на танец.

Забавно, что молодые люди отступались сразу после его слов, не дожидаясь моего ответа. Неужели посчитали, что попытались влезть на чужую территорию? Посягнули на охотничью добычу своего собрата?

– Не фырчи, босячка. Лучше поблагодари – они все из стаи Горобинского.

– Правда? – ужаснулась я. – Тогда спасибо.

Нет, танцевать с теми, кто в ночь полнолуния был на поляне общего сбора, я не хотела. И что-то подсказывало, что подходили ко мне по просьбе Андрея. Как бы его опять не перемкнуло и он не вернулся к старым приемам: коктейлям и похищению.

Мысль показалась не лишенной разумности, и когда официант подошел к нам с игристым вином, я покачала головой. Лучше не рисковать, обойдусь без шампанского.

– А вот и хозяин наконец объявился, – пробормотал Кирилл.

– Мастер Феликс? Где?

Парень кивнул в сторону двери. В зал вошли куратор и темноволосый мужчина в белом фраке.

– Феликс – тот, с кем беседует Николаев?

– Да. Знаешь мага?

– Он был моим куратором в университете. Кстати, а опиши мне Кассандру, пожалуйста.

Кирилл удивился, но не спросил, зачем мне это понадобилось.

– У нее длинные рыжие волосы.

– И все?

– Поверь, ты ее ни с кем не спутаешь, – пообещал он загадочно.

Заинтриговал, как и все, что я слышала о ней в последние дни. С чужих слов, Кассандра – неординарная личность. Непредсказуемая, взбалмошная и экстравагантная. И очень дорога мастеру, потому что именно на ее предсказаниях держалась его финансовая империя.

Помогала она не только Феликсу. Одному просящему могла бескорыстно рассказать о грозящей опасности, другому поведать судьбу не согласилась бы и под страхом смерти. Лишь по первому требованию Феликса она сразу же, как конвейер, выдавала очередное пророчество.

Через дверной проем, ведущий в сад, в танцевальный зал вошла красивая пара. Назвать ее гармоничной не поворачивался язык – молодые люди ругались. Вернее, что-то резко выговаривала своему невозмутимому спутнику светловолосая девушка в фиолетовом платье.

Я сморгнула. Из-за мелькания десятков незнакомых лиц не сразу узнала Кристину. Мужчина тоже оказался знаком. Ох, Ночь... Да это же Крейг! Вампир, помогавший Хоку и Ксении забрать Дашу из дома Вольского!

– Кто это? Вошли только что.

– Девушку не знаю. А блондина зовут Крейгом, он правая рука Феликса. Сильный вампир. – Кирилл понизил голос: – Ходят слухи, что он давно мог бы стать мастером, но что-то удерживает его от подобной ответственности.

Кажется, я знала причину. Девушка с карамельными волосами. Это ведь о Кристине он говорил, когда убил мерзкого Ящера? Мол, очищает землю от негодяя, заодно делая подарок любимой?..

– Какие еще слухи ходят о Крейге?

Расспросить подробнее не получилось – кто-то, подойдя незаметно, вежливо кашлянул позади меня. Обернулась.

– Саша, – прошептала, ощущая, как подгибаются ноги.

Он, словно читая мысли, подхватил меня под руку, становясь моей опорой.

– Добрый вечер, Мария. – Кивок оборотню: – Здравствуй, Кирилл.

Серые глаза Вольского потемнели, напоминая цветом предгрозовое небо. Ой-ой... почему мне не по себе, хотя я ничего дурного не сделала? И вообще, я тоже имею право сердиться! Я ведь думала, что он расстался с женой окончательно.

– Кирилл, можно пригласить твою даму на танец?

От этих спокойно произнесенных слов мое бедное сердце забилося в груди с невыносимой частотой. Я хотела услышать, как моя «дуэнья» пошлет его подальше, но...

– Александр, вручаю ее тебе на весь вечер, – заулыбался довольный Кирилл. – И, надеюсь, договоритесь между собой, чтобы и на всю жизнь.

О чем он? Так обычно высказываются свахи...

Все здравые мысли улетучились, когда Вольский повел меня на середину зала. От его прикосновений к обнаженным рукам бросило в жар. В памяти еще свежа ночь, проведенная вместе, и я чувствовала, что теряю чувство реальности. До безумия сильно я хотела, чтобы этот

привлекательный мужчина с сурово сжатыми губами смотрел на меня, как тогда! Сейчас его взгляд больше подошел бы полководцу, выстроившему армию перед решающим боем.

Подчеркивающий статную фигуру черный смокинг, кривовато завязанная бабочка, легкая щетина на подбородке делали Вольского безумно притягательным и желанным. И в то же время нечто в его облике наталкивало на мысль, что собирался на прием он в спешке. И я готова поклясться: еще полчаса назад его здесь не было.

– Тебе позвонил Кирилл, да? И не выпускал меня из поля зрения, чтобы я никуда не делась до твоего прихода?

Вольский молчал. Смотрел, словно хотел меня придушить и раздеть одновременно.

– Вы давно с ним знакомы? – Я лишь хотела узнать, что любимый здесь делает, но спрашивала совсем о другом. – Раз он рискнул расположением «бесценной знахарки» ради звонка тебе?

– Мать Кирилла – проклятица.

Все ясно, знакомы давно. И Кирилл не смог не подыграть мамочкиному знакомому.

– Почему ты сбежала? – первым заговорил о важном Вольский.

Перед глазами всплыла до боли яркая картинка: его бывшая жена, мать его ребенка, выходит ранним утром из его спальни, в его халате... Не слишком ли много в этой фразе местоимений, указывающих на принадлежность ему? Я бы тоже не отказалась быть его, но только не любовницей.

– А должна была остаться? – спросила с вызовом.

Нет, не таким я представляла наш разговор. Думала, быстро придем к согласию, что совершили ошибку, и разбежимся. Он – к бывшей супруге, я – зализывать раны.

На скулах Вольского заиграли желваки.

– Значит, все-таки из-за Ксении.

Я опустила взгляд, чтобы не прочитал в нем то, что ему не предназначалось знать.

– Моя бывшая жена, – Вольский с нажимом произнес слово «бывшая», – ждала Хока, которого задержал Хемминг для подписания магического договора о работе на ВОК. Даша волновалась и ждала нашего с тобой возвращения в моей спальне. Там и уснула, а с ней, естественно, и Ксения.

На кончике языка вертелся вопрос о халате, в котором дефилировала экс-супруга. Но подобрать логическое объяснение я теперь могла и сама, поэтому спросила о более важном:

– То есть вы окончательно с ней расстались?

И затаила дыхание, одновременно испытывая страх и надежду.

– Окончательно. Я три дня искал тебя, спать не мог... А ты сбежала из-за какого-то недоразумения, разве так можно?

– Можно. Потому что мне все еще не ясно, что будет, когда Ксения снимет «Зеркало Купидона». – Я вздохнула, понимая, что туплю, настаивая на прояснении ситуации.

Но стоило ли оставлять пятнышко тьмы и потом дергаться в ожидании, что оно разрастется?

Вольский слабо улыбнулся.

– Я надеялся вернуться к этому постыдному моменту немного позже, но раз ты настаиваешь...

Танец закончился, и мы стояли непозволительно близко. И я вдруг четко осознала: сейчас все решится.

– Алекс, извини, что дергаю на отдыхе, но без тебя нам не разобраться.

Мужчину, подошедшего со своими проблемами, хотелось разодрать на куски. И то, что он глава местного Совета магов или почти глава – рассказ Кирилла помнила уже смутно, – его не оправдывало.

– Хорошо, Мирослав, я подойду через минуту, – пообещал Вольский. И попросил: – Маша, не исчезай, я тебя очень прошу. Дождись меня.

– Дождусь.

– Обещаешь?

– Да. Иди и не волнуйся обо мне – больше не исчезну.

Оглянулась – и сразу нашла взглядом Кристину. Она, заняв наблюдательную позицию у колонны, хищно всматривалась в толпу гостей. В руках девушка нервно сжимала клатч.

– Скучаешь, Крис?

На миг давняя подруга мне обрадовалась – видимо, и она чувствовала себя здесь некомфортно.

– А что, хочешь повеселить?

Я недоуменно вскинула бровь. И Кристина устыдилась:

– Прости, что рычу на тебя. Сама не своя в свете последних событий. Только что узнала, что мой дорогой братец знал, что меня обратил Крейг. Представляешь, знал! И Крейг молчал, хотя в последние дни постоянно был рядом, когда влипала в неприятности.

Подумав, я решила признаться в сговоре с Ником, ибо потом это все равно всплывет:

– Говорила же Нику Никовичу, что все тайное слишком быстро становится явным. Пожалуйста, не обижайся на него, он хотел как лучше. Я бы тебе рассказала, но он взял с меня слово. Прости.

Мимо нас прошел улыбающийся Кирилл. Почти прошел – резкий разворот, и он нацелил на нас объектив фотоаппарата.

Все еще злая на него, рывкнула:

– Спасибо, мы не ищем славы! Гуляй, парень!

И, дернув Кристину за собой, отвернулась к стене.

Кирилл насмешливо хмыкнул и продолжил свой путь.

– Это штатный фотограф элитного журнала для представителей Полуночи, – объяснила я вампирше. – Собирает материал для светской колонки. Ну а нам с тобой, девушкам, предпочитающим инкогнито, сейчас публичность ни к чему...

Жестом подозвала официанта с шампанским, наплевав на опасение что-либо пить в доме, где бродит Андрей Горобинский.

– Хочешь, расскажу, кто есть кто на этом празднике жизни? – предложила я, протягивая один фужер Кристине.

Та пожала плечами:

– Давай, а то от скуки сдохнуть можно.

– Видишь слева неприметного мужчину в окружении роскошных женщин?

– Рядом с ним еще стоит африканец с косичками? – уточнила сестра Николаева.

– Парень, которого ты назвала африканцем, – бразильский футболист, последнее приобретение олигарха Владимирского для своей команды. Сам толстосум – это тот непримечательный мужчина, на которого я тебе указала. Он – человек. И у него есть обалденный контактный зоопарк, причем бесплатный. Чуть дальше тоже люди: тот, который с добродушным лицом, городской мэр. А тот, что с постным, стоит, будто трость проглотил, – его верный помощник.

– Люди знают, на чей прием они попали? – Кристина незаметно для себя втянулась в мою болтовню.

– Кое-кто в курсе, а некоторые никогда и не узнают. Если увидят что-то запретное, менталист, работающий на Совет магов, или кто-то из вампиров подкорректирует им память. Впрочем, ты и сама должна об этом знать, правила одинаковы для всех городов, – улыбнулась я. – Стоящая рядом с мраморной статуей троица – маги и ведьма. Блондин – проклятик. Брюнета зовут Мирославом, он возглавляет Совет магов. Ну а женщина – Полина Макарова, лучший артефактор СНГ, некоторое время обучала мою маму.

Я говорила, говорила, говорила... Пересказывала, кто есть кто, еще сносно помня ликбез Булатова. Смеялась. Пила шампанское...

А внутри бурлила каша из мыслей и противоречивых чувств. Что расскажет мне Вольский? Что вмиг изменит мое мнение? Что может оказаться значительнее того факта, что на Ксении амulet,

который надо лишь снять, и чувства к бывшему супругу гарантированно вернутся?

Бежать! Нельзя оставаться!

Остаться... Нельзя нарушать данное слово. Пора все выяснить, полностью довериться мужчине, которого выбрала, невзирая на обстоятельства.

Внешне я была в порядке, а вот внутри... Я моделировала будущий разговор с Вольским, строя догадки. Мои мысли были важнее происходящего в реальности.

К нам подходили Николаев, Крейг и даже Кассандра. Ясновидящую на автомате поблагодарила за платье, а поругать за предсказание с моим участием, данное Горобинским, забыла.

Меня трясло все это время. Окружающая действительность утратила смысл, больше всего на свете интересовало то, что скажет Вольский про «Зеркало Купидона».

– Мария, извини, пришлось задержаться...

Слова Вольского словно выдернули из дурмана. Я вцепилась в его руку, как в последний световой амулет в окружении порождений мрака.

– Давай покинем прием? – предложил он, обеспокоенно глядя на меня.

Я же бросила взгляд на танцующие пары. Кристина вальсировала с Крейгом, и лицо у нее при этом было такое, что я начала опасаться за жизнь вампира.

– Извини, пока не могу. Я обещала присмотреть за сестрой Николаева.

– Хорошо, тогда выйдем в сад. И я очень тебя прошу: сними личину. Хочу видеть тебя настоящую, а не морок.

Когда мы вышли из дома, углубившись под сень деревьев, выполнила его просьбу.

Сад дышал ароматами цветов и спеющих яблок, сверкал бриллиантами ночной росы и самозабвенно пел голосами шумных цикад. Мы остановились на пересечении двух дорожек, не дойдя чуть-чуть до скамьи между двух мраморных дев.

Вольский больше не мучил меня неизвестностью, сразу перешел к главному:

– Я знал о «Зеркале Купидона». – Помолчав, он сказал то, что перевернуло мой мир вверх тормашками: – Больше того, это я надел его на Ксению.

– Что?..

Я застыла, не в силах переварить услышанное. Неожиданно. Слишком неожиданно.

– Само собой, Ксения дала согласие, что запротоколировано при свидетелях на Совете магов.

Мой мир качнулся и вернулся к прежним устоям. Я перевела дух: он все-таки не негодяй, как уже успела решить.

– Когда после случайной ночи она забеременела, я попросил не убивать ребенка. Зародившаяся в теле женщины новая жизнь – высшая магия. Как уничтожить подобное чудо? Родное и беззащитное?

Мне кажется, я отлично понимала его, пускай сама еще и не ведала, что такое материнство.

– Я даже готов был выкрасть Ксюшу и удерживать в плену до рождения малышки, но все решилось проще. Она согласилась на статус жены прокляточка за деньги. Амулет стал неудачной попыткой заменить отсутствие любви с ее стороны суррогатом. Увы, годы фальши убивают неразделенное чувство. Мало-помалу по капле точат его, оставляя болезненные червоточины. К моменту когда Ксения повстречала своего амага, я ее уже не любил. Было уязвленное самолюбие и вина перед Дашей.

– Почему перед Дашей? – спросила тихо.

– Я не смог дать ей любящую семью.

Понимающе кивнула. Если родители несчастливы друг с другом, ребенок это чувствует. Что уж говорить о девочке, обладающей даром ощущать эмоции и порой ловить чужие мысли?

Наверное, жалость – неуместное чувство по отношению к любимому мужчине? Но я искренне сочувствовала тому, чью судьбу поломала случайность.

– Вдобавок Ксения специально злила меня, продолжая носить браслет, тем самым доказывая, что она по-настоящему любит другого, преступника, находящегося в международном розыске. А потом появилась ты – открытая, честная, порывистая, очаровательная... Светлая девочка, угодившая в беду, но не растерявшая доброту и оптимизм. Ты как чистый родник, который утоляет боль и исцеляет раны.

– Живая и мертвая вода? – вырвалось у меня невольно.

– Только живая.

Вольский ласково провел по моим волосам, заправляя за ухо упавшую на лицо прядь.

Затем, отойдя на несколько шагов назад, со вздохом предложил:

– Ты можешь осудить меня, такого несовершенного. А можешь понять и принять. Только помни, что я люблю тебя и больше не соглашусь на половинчатое чувство. Уж лучше сразу сходить к менталистам и выжечь его из души.

Покачивая головой, я растроганно прошептала:

– Никуда не надо ходить. И никакие амулеты тебе не понадобятся.

Подойдя, обвила руками его шею и нежно поцеловала:

– Штраф... Я должна за «выканье», помнишь? Когда знакомила со своим отцом, в ночь, когда все решилось с Горобинскими.

Глаза Вольского загорелись зеленым колдовским огнем.

– Как такое забыть? А ведь еще набежали проценты...

В поцелуе было так много всего: страсть, отчаяние, вызванное тем, что почти потеряли друг друга, радость, что этого все же не случилось... И как же было тяжело прерваться, когда раздались шаги.

Не сговариваясь, мы спрятались за кустом ракитника. От Крейга убегала Кристина:

– Спасибо, ты стольким рисковал ради меня. Но я больше не буду мстить, время вышло. Я облажалась в самом начале, когда допустила, чтобы меня укусили. Поэтому я заканчиваю вендетту. Прощай, Крейг!

Вампир был спокоен, как скала в шторм.

– Нет, я не позволю тебе сбежать. Ты, может быть, и закончила, а я только начал.

С этими словами он схватил ее в охапку и перекинул через плечо.

– Отпусти меня! Отпусти! – сердилась кузина Николаева.

– И не надейся, любимая, больше никуда не отпущу.

Глядя вслед скандалящей парочке, Вольский сделал вывод:

– Твоя подопечная пристроена, теперь ты можешь уйти со мной. Или мне нужно последовать примеру Крейга?

Счастливо улыбаясь, я покачала головой.

Утром проснулась под веселый щебет птиц.

Вольский и я в одной постели, его рука на моем животе. Снова. И опять хотелось кофе. Все повторялось. Дежавю?

Улыбнулась своим страхам. Но в этот раз на кухню не пошла. Не стала беспокоить своего мужчину – засыпая, он просил не сбегать, не таять ночным маревом. И я решила потерпеть без бодрящего напитка, что для кофемана сравнимо с героическим поступком.

Что ждет нас дальше? Не знаю, время покажет. Одно могу сказать точно: жизнь непредсказуема, но интересна. И даже препятствия на нашем пути тоже приносят пользу – они приближают нас к чему-то важному, а порой и волшебному, например, к любви.

Я не питала иллюзий: сложности будут. Предстояло дать отпор тем, кто против брачных союзов магов с оборотнями, преодолеть сопротивление Даши, которая вопреки обстоятельствам упрямо продолжала желать, чтобы родители были вместе. Еще придется объясниться с куратором, который

явно не придет в восторг от того, что я посвящу себя семье и учебе, а не помощи его организации, как он надеялся и не раз намекал...

Да, я эгоистка. Мое личное счастье, счастье любимого мужчины и его дочери намного важнее прожектов Николаева. И я не буду в них влезать – сыта по горло приключениями.

Вдобавок мне, как избранной Луной, предстояло обучение, освоение нового дара. Однако интуиция подсказывала: у нас с Сашей все будет хорошо. Я справлюсь, преодолю сложности, связанные с жизнью оборотня, ведь у меня есть его поддержка.

А Даша... ей я, разумеется, не заменю маму, но постараюсь стать хорошей старшей подругой. Еще в плену у вампиров заметила ее удивление, когда рядом с Ксенией был Хок. Значит, она увидела искренность их чувств? Как маг разума, вскоре она разберется в чужих стремлениях и перестанет желать невозможного.

За размышлениями о будущем не заметила, как подкравшийся сон утащил меня в свои ласковые объятия...

Снова открыла глаза, когда за окном ярко светило солнце. Пробудили неземной аромат кофе и самый желанный поцелуй в мире – поцелуй любимого.

Его серые глаза, которые когда-то посчитала ледяными, обжигали страстью.

– Доброе утро, любимая, – улыбнулся Саша, протягивая чашку.

– Доброе, – улыбнулась я в ответ и, удобно устроившись в разоренной постели, потянулась за своим кофе.

Если бы меня сейчас спросили, что такое счастье, то не задумываясь дала бы ответ. Счастье – это кофе в постель, приготовленный твоим мужчиной, и понимание, что такое утро повторится еще не одну тысячу раз.

Сделав пару глотков обожаемого напитка, потянулась за медовым печеньем. А взяв его, ахнула – под ним на белом блюде лежало кольцо. Забавный способ сделать девушке предложение, хоть кто-то и посчитает его совсем неромантичным. Вот только что важнее – поступок или его оформление?

Глядя мне в глаза, мой любимый прокляточник тихо спросил:

– Миа, ты согласишься стать моей женой?

Эпилог

Два года спустя

Августовская жара отступила, но кондиционеры работали в полную силу. И все же я никак не могла остыть. От зашкаливающих эмоций бросало в жар, пылали щеки. То, что мне сообщили по телефону, вызвало бурную радость, однако прыгать в доме, полном гостей, или как-то иначе выдавать свое состояние было бы странно.

Я спряталась на лестничном пролете, среди кадок с гигантскими монстерами и густыми хамедореями. Отсюда, если чуть высунуться, хорошо просматривалась входная дверь и почти вся гостиная, по которой сновали гости. Их с успехом развлекали наши с мужем родители, и мое отсутствие пока не заметили.

Первую годовщину свадьбы отмечали с размахом по настоянию родственников и друзей, которые не присутствовали на брачной церемонии и оттого на нас с Сашей сильно обижались. Мы поженились тихо и скромно и улетели на две недели на остров, находящийся в акватории Карибского моря. Потрясающие четырнадцать дней! И первый отпуск, проведенный совместно, который мы по-настоящему заслужили.

Предложение руки и сердца я приняла на следующий же день после приема у мастера Феликса, а вот официальной супругой Саши стала ровно через год. Именно столько времени понадобилось, чтобы свыкнуться с новым ритмом жизни и мне, и ему.

Живя в одном доме, мы порой встречались только ночью, притом в постели. У Саши прибавилось забот – Хемминг поручил натаскивать новых помощников, братьев-амагов Игоря и Васю. Если у мужчин нет повода что-либо делить и они делают одно дело, нередко между ними зарождается дружба. Поэтому я не удивилась, когда Хок стал другом бывшего мужа своей жены.

Пока Саша работал, я усиленно училась быть оборотнем и той, которую отметила Луна. Первому обучал преимущественно отец, второму – знахарка Северной стаи Зоя. Вопреки словам Кирилла Булатова женщина оказалась приятной, хоть и придиричиво-въедливой в обучении. Однако вскоре она подобрела, когда однажды, придя к нам в гости, заинтересовалась рецептом пирога с семечками, а Ким согласился поделиться кулинарными секретами. С тех пор они с Зоей вместе и даже купили дом в нашем районе.

Звонок в дверь заставил выглянуть из убежища. Новые гости – Николаев и Анжелика. У бывшего куратора в руках большая коробка – видать, снова постельное белье.

Такое ощущение, что друзья сговорились и решили дружно завалить нас шелковыми комплектами, исходя из того, что у нас «марлевая» свадьба: считается, что за первый бурный год совместной жизни все наше постельное белье износилось до состояния марли...

Николаев и Анжелика – красивая пара. Вру, еще не совсем пара, но я догадывалась, что все к этому идет. Мой куратор – терпеливый и сдержанный мужчина, если кому и по силам пробиться сквозь проклятие девушки, то только ему.

Когда мы с Сашей выяснили отношения, я первым делом попросила его помочь Анжелике. Но он объяснил, что там родовое проклятие с условием: ей суждено быть только с тем, кто полюбит ее по-настоящему и пройдет испытание невезением. А от возможности заполучить идеальную любовь не откажется ни одна магичка, поэтому-то Анжелика и не обращалась к проклятикам за помощью...

В дверь опять позвонили.

Свекор открыл – и на него запрыгнула радостно пищущая Даша:

– Деда! Я дома!

– Здравствуй, моя хорошая!

Седовласый отец Саши с легкостью подбросил внучку вверх – он отличался завидной для колдуна силой, сказывалась кровь оборотня.

Вслед за девочкой в дом вошли под ручку Вася с Ефросиньей. Красивая кареглазая шатенка двигалась с грацией кошки, чем неизменно приковывала взгляды окружающих. Когда я впервые ее увидела в человеческой ипостаси, то сразу поняла, почему она оказалась в вольере зоопарка: не завидовали ее красоте и обаянию лишь немногие женщины.

Когда дверь за Васей закрылась, я вздохнула с облегчением: его старший брат с женой все-таки не приехали. Ксения предупреждала, что они не смогут вырваться – у ребенка прорезался первый зубик. Само собой, Игорь оставить жену не пожелал.

Если к бывшему международному преступнику Полуночи я быстро прониклась симпатией, то Ксения долго вызывала чувство настороженности. Я не просто ревновала к прошлому, а боялась, что она решит вернуться к экс-супругу, поняв, что он лучше нынешнего. При этом Саша повода для сомнений в своей любви мне не давал. Это был чисто мой «таракан», результат неуверенности, которая появилась после обращения в вервольфа. И хотя муж ее постепенно искоренял, каждый день говоря, как сильно меня любит, опасаться его бывшей жены я перестала только тогда, когда она забеременела.

– Миа, ты где? – прошептала в трех шагах от меня Дарья.

Я давно заметила, как она крадется, и затаилась, подняв ментальный щит, чтобы она не уловила отголоски мыслей. Для девочки подобные игры были хорошей тренировкой, и мы регулярно устраивали прятки.

– Миа, где ты? Я тебе сейчас такое расскажу... Ага, вот ты где!

Падчерица скользнула в мое убежище.

– А так нечестно, – пожурела я ее. – Не спровоцируй ты мое любопытство, вряд ли бы меня услышала.

Дарья хитро заулыбалась:

– Я нечаянно.

– Ну-ну, я типа поверила. Раз это не умышленно, тогда рассказывай свое «такое».

Наша лукавая второклашка смутилась. Всего лишь на миг. Затем ее лицо посветлело.

– А я решила, что не буду гостить у мамы с Игорем до тех пор, пока у сестрички не вылезут все зубы! – явно на ходу придумала она.

Когда родители пришли к компромиссу, что дочь может жить у них поочередно когда и сколько пожелает, Даша перестала закатывать истерики. Как отрезало. И что смешно, девочка быстро опытным путем выяснила, что с отцом интереснее и веселее, чем с матерью.

– Твоя мама не поймет твоего решения. Да и ты сама вскоре начнешь скучать по сестренке.

Девочка наморщила нос:

– По этому розовому, вечно орущему комку? Не-а, не начну. Я вообще не понимаю, как можно любить маленьких спиногрызов.

– Даша! – расстроилась я не на шутку. – Нельзя так говорить, она же твоя сестричка!

Маленькая менталистка прищурилась:

– Ну я не знаю... Если бы у меня был братик, я бы его любила.

Я насторожилась. Ментальные щиты у меня получались сильные – это подтвердил Дашин учитель, который в свое время преподавал несколько уроков и мне. Разве что у мелкой повысился уровень силы...

– По-твоему, маленький братик – не орущий спиногрыз?

– Он же будущий мужчина, – убежденно произнесла падчерица.

– Даша, знаешь...

– Миа, – перебила она меня, – а роди мне братика, а?

Я поперхнулась невысказанными словами.

– Хм, ты же понимаешь, что пол малыша предугадать сложно?

Юная магичка задумалась.

К счастью, сложный разговор пришлось прервать – домой вернулся Александр. И я вышла из убежища навстречу мужу.

Работать на Контроль непросто – утомлял ненормированный график. И все-таки я согласилась на предложение Хемминга войти в его команду, когда закончу обучение. Специалист по оборотням-волкам, умеющий быстро гасить конфликтные ситуации или даже влиять на вервольфа, в большой

цене. На принятие решения повлияла возможность видеть любимого мужчину чаще. Правда, меня ждали в организации уже через два года, а приду туда, вероятно, только через пять.

Я медленно спускалась по ступеням, без отрыва глядя на Сашу, которого окружили гости. Муж почувствовал и обернулся. Его взор, лаская, скользнул по моему телу снизу вверх. Бледно-розовое короткое платье из атласа он еще не видел, и, судя по его учатившемуся дыханию, оно мне безумно шло.

Саша встретил у подножия лестницы.

– Здравствуй, родная, – поцеловав мою руку, шепнул он.

– Привет, родной мой, – так же тихо ответила я.

С приходом Саши начался действительно праздник. Весь вечер, улыбаясь родным и друзьям, я ловила на себе его теплый взгляд.

Как же хорошо, что два года назад куратор отправил меня к нему! Раньше я бы решила, что это счастливая случайность, теперь же верю – это судьба.

Высшие силы предопределяют будущие события в жизни, в зависимости от наших поступков. Поступал по совести – жди светлую полосу, нет – получи порцию неприятностей.

Предсказание Кассандры исполнилось. Род Горобинских прервался. Цепочка событий началась с очередного «баловства» Андрея, который напал на человека на нейтральной территории. Его хитроумный отец в надежде спасти наследника от наказания добился поединка от Кирилла, приехавшего разобраться в ситуации. Справедливость оказалась на стороне Кирилла. И чтобы отомстить, Андрей прямо со свадьбы выкрал его невесту. Тот, разумеется, ответил с закономерной жестокостью...

Соболев и Аля в том столкновении уцелели и вместе с остальными членами стаи Горобинских перешли под руку нового вожака – Кирилла.

Когда первые эмоции улеглись, я поняла суть предсказания Кассандры. Если бы я осталась в стае восточных вервольфов, Андрей не вытворял бы страшные вещи. Ведь уже через полгода после начала обучения у знахарки я могла достучаться до разума любого молодого вера.

Испытывала ли я вину? Да. Из-за меня погибли люди, исчезла с лица Земли целая семья. Страдая, поделилась мыслями с Вольским. На что он заявил, что каждый рождается свободным и лишать его выбора – пойти против нашей сути. Разве я вправе управлять чьей-то судьбой? Принимать на себя чужие грехи? Каждый сам ответит за свои поступки перед Всевышним. Доводы мужа помогли справиться с виной...

– Девушка, грустящая на праздновании годовщины своей свадьбы, ты улыбнешься, если я сообщу, какой приготовил подарок?

Заинтригованная, я кивнула:

– Сгораю от нетерпения.

– Я выбил у босса семь дней внеочередного отпуска. И знаешь, где мы его проведем?

– На том райском острове, где провели медовый месяц?

– Ты не возражаешь?

Покачивая головой, предупредила:

– Тогда подарки от меня ты получишь в нашем раю.

– Подарки? – удивился Саша. – Их несколько?

Я не стала ничего объяснять. Один из презентов стал сюрпризом и для меня, и сообщили о нем час назад.

Обняв меня, муж спросил:

– Я уже говорил сегодня, что люблю тебя?

– Да, утром. – Вспомнив томительно-сладкое пробуждение, счастливо улыбнулась. – Но я готова слушать твои признания вечно, любимый.

Коснувшись моих губ легким поцелуем, Саша с нежностью произнес:

– Я люблю тебя.

И это был еще один удивительный подарок, но не только на годовщину. Самый лучший подарок в жизни женщины – любимый и любящий мужчина, а остальное приложится, ведь оно в наших руках.